

CAHIERS PERIODIQUES

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Литературно-политическія
тетради*

под редакціей

И. И. ТХОРЖЕВСКАГО

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Январь 1949 года.

ПАРИЖ

Editions « LA RENAISSANCE ».

73. av. des Champs-Élysées, Paris (VIIIe).

Tél.: Ely 06-03.

	стр.
Епископ КАССΙΑН: Царство Кесаря	7
Бар. НОЛЬДЕ: Имперскія судьбы Россіи	17
П. Б. СТРУВЕ: Мои встрѣчи с Родичевым	27
Ив. БУНИН: Полуденный жар	47
Н. А. ТЭФФИ: Два стихотворенія	50
Анри ТРУАЙЯ: Тэндем	52
Вл. СМОЛЕНСКІЙ: Баллада	58
Гр. М. Л. ТОЛСТОЙ: Цыгане	60
Ирина ОДОЕВЦЕВА: Стихи	63
Георгій ИВАНОВ: Стихи	64
Александр ШИК: Денис Давыдов	65
Н. БЕРБЕРОВА: Стихи	81
М. ЗОЩЕНКО: Приключенія обезьяны	82
— Фотокарточка	88
П. Р. ПЬТУХОВ: Из книги «Земля» (частушки)	92
М. ЛИСИЦКАЯ: Стихи о Петербургѣ	95
Борис ЗАЙЦЕВ: Тютчев, — жизнь и судьба	97
С. Л. ФРАНК: Пушкин об отношеніи между Россіей и Западом	110
Ю. Ф. СЕМЕНОВ: Закавказская Республика	121
Проф. А. А. ЗАЙЦОВ: Атомная бомба	140
Ив. ТХОРЖЕВСКІЙ: Я. П. Полонскій	145
С. К. АВЪЕРИНО: Забытый (памяти Н. Г. Рубинштейна) ...	156
«ДЪЛА И ЛЮДИ» (политическія замѣтки, хроника)	164
ИЗГОЙ: Поток-Богатырь в Зарубежьи	188
Объявленіе о конкурсѣ «Возрожденія»	191

Editions „LA RENAISSANCE“

73, Avenue des Champs-Elyssées, Paris (8e).

W. L. WHITE

A travers l'U.R.S.S. en guerre

(Report on the Russians).

Traduit de l'anglais par TANCREDE.

Prix 500 frs.

Ivan THORGEVSKY

De Gorki à nos jours

La nouvelle littérature russe.

Prix 100 frs.

A. ADONTZ

Etudes historiques Armeniennes

(en langue arménienne).

Prix 1000 frs.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Литературно-политическія
тетради*

под редакціей

И. И. ТХОРЖЕВСКАГО

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Январь 1949 года.

ПАРИЖ

Editions « LA RENAISSANCE ».

73, av. des Champs-Élysées, Paris (VIIIe).

Tél.: Ely 06-03.

« В О З Р О Ж Д Е Н И Е »

*ОСНОВАНО 3 ИЮНЯ 1925 ГОДА, В
ВИДѢ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ, С
1936 ГОДА ПРЕОБРАЗОВАНО В
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ Г А З Е Т У.
3 ИЮНЯ 1940 ГОДА, НАКАНУНѢ
ВСТУПЛЕНИЯ В П А Р И Ж
ГЕРМАНСКОЙ А Р М И И,
ИЗДАНИЕ ВРЕМЕННО
БЫЛО ПРЕКРАЩЕНО;
НЫНѢ ВОЗОБНОВ-
ЛЯЕТСЯ В ВИДѢ
“ ТЕТРАДЕЙ ”*

*ВЕЛИЧІЕ И СВОБОДА РОССИИ.
ДОСТОИНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВѢКА.
ЦѢННОСТЬ КУЛЬТУРЫ.*

ВОЗРОЖДЕНІЕ

ЦАРСТВО КЕСАРЯ

Из актовъ рѣчи в засѣданіи Православнаго Богословскаго Института в Парижѣ.

Мір есть твореніе Божіе и, как таковое, несет на себѣ Его благословеніе даже в состояніи грѣха: но Бог ждет и от чело-вѣка участія в Его творческой дѣятельности в мірѣ. Нынѣш-ній мір, воздыхающій под властью челоуѣческаго грѣха и раб-ства, чае свободы и преображенія. Это сказал со всею силою ап. Павел (ср. Римл. VIII, 19-23). Но и в Евангеліи сохранилось слово Христово о тѣх, которые сподобятся воскресенія мерт-вых и умереть уже не могут (Лк. XX, 36 ср. 38).

Если бы мір был зло, он не допускал бы преображенія. И для его преображенія Сын Божій не принял бы челоуѣческаго естества.

Но пріятіе міра в христіанствѣ оставляет мѣсто и для его отверженія. Если я отрекаюсь от міра для всецѣлаго служенія Богу, это значит, что я высшей цѣнности приношу в жертву низшую. Рѣчь идет не об осужденіи міра, а о іерархіи цѣнно-стей. Низшая цѣнность, которой я предпочитаю высшую, не перестает быть цѣнностью. Христіанскій аскетизм есть новое и послѣднее доказательство христіанскаго пріятія міра.

В христіанском пріятіи міра с неизбѣжностью мыслится и христіанское пріятіе государства. Государство допускает, по этому признаку, христіанскую оцѣнку, и христіанское усиліе. Но с этим неразрывно связано и другое. Государство цѣнно по-стольку, поскольку оно есть часть естественнаго порядка, и от-вѣчает замыслу Божію о мірѣ. Оно не представляет собою са-модовлѣющей цѣнности. Абсолютизація государства, как и обожествленіе міра, есть служеніе твари паче Творца. Этот путь для христіанина закрыт.

Изложенное сужденіе о государствѣ есть дедукція. К хри-стіанской оцѣнкѣ государства мы пришли от христіанской оцѣнки міра. Но формулированныя нами положенія допускают провѣрку и дополненіе на основаніи прямых сужденій о госу-дарственно-правовых отношеніях, разсѣянных на протяженіи всего Новаго Завѣта.

К Древнему Преданію принадлежит сохраненный у всѣх трех синоптических Евангелій (Матфея, Марка, Луки) отвѣтъ Господа на поставленный Ему вопрос о подати кесарю. Мы

знаем этот текст с дѣтства и привыкли в нем видѣть освященіе государственной власти. В обычном его пониманіи удареніе полагается не на наших обязанностях по отношенію к Богу, а на наших обязанностях по отношенію к кесарю. Выдвигаемое Господом требованіе, чтобы мы воздали Божіе Богу, считается самоочевидным и в евангельском ученіи само собою разумѣющимся. Остріе ученія усматривается не в нем, а в том, что Господь силою Своего авторитета утверждает наш долг по отношенію к кесарю. Это привычное толкованіе успокаивает нашу лѣнивую мысль, да и нашу христіанскую совѣсть, когда она встрѣчается лицом к лицу с запросами государственной власти, по большей части равнодушной, а то и прямо враждебной к Церкви.

Но постараемся подойти к нашему тексту, не предрѣшая заранѣе его толкованія. Мы тотчас же улавливаем в нем нѣкую двойственность. С одной стороны, Господь, дѣйствительно, признает за Своими слушателями долг по отношенію к кесарю. То, что кесарю принадлежит, Господь и велит отдавать кесарю. В этом смыслѣ слово Христово не допускает перетолкованія. Оно не включает оцѣнки императорской власти, оно не предусматривает случаев конфликта между Богом и кесарем. Оно касается частнаго вопроса и отвѣчает на него в общей формѣ. Подать кесарю получает значеніе притчи, распространяющейся на всю область государственно-правовых отношеній в оцѣнкѣ благовѣстія Христова. Для Иисуса, царь и царская власть — это факты жизни, которые Он принимает в их фактической данности. Они составляют часть того естественнаго порядка, который восходит к Богу.

Но, если Господь и признает за вопрошающими Его обязанности по отношенію к государству, Он говорит о государствѣ, как о нѣкоей чуждой силѣ. Господь проводит различіе между Божіим и кесаревым. Нужно ли доказывать, в общей связи евангельскаго ученія, что Его область есть область Божьяго? И удареніе в Его отвѣтѣ, в полном противорѣчій с привычным пониманіем, лежит именно на Божьем, а не на кесаревом. Это вытекает и из построенія фразы. Последнее ея слово, остающееся в памяти у совопросников Христовых и читателей Евангелія, не о кесарѣ, а о Богѣ. Господь признает за своими соплеменниками обязанности по отношенію к кесарю. Он готов их подтвердить. Но и только. Чѣм больше мы вчитываемся в наш отрывок, тѣм больше мы чувствуем в нем отчужденность от государства.

В евангельском ученіи чувством отчужденности от государства заглушается долг покорности. Христіанское человѣчество поступило наперекор преданію, вѣрно уловившему мысль Учителя, и перемѣстило удареніе.

Отвѣт Христов на вопрос о подати кесарю есть первое слово Новаго Завѣта об отношеніи христіанина к государству.

И это слово отмѣчено печатью отчужденности. Божіе не есть кесарево, и положительное ученіе Христово не о кесаревом, а о Божіем.

Перейдем к ап. Павлу. Свое отношеніе к государственной власти ап. Павел выразил в знаменитом отрывкѣ Римл. XIII, 1-7. Прочтем основной текст в русском синодальном переводѣ (с немногими исправленіями по греческому подлиннику): “всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нѣтъ власти не от Бога; существующія власти от Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекут на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрых дѣл, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу от нея; ибо начальник есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божій слуга, отмститель в наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи служители, сим самым постоянно заняты. Отдавайте всякому должное: кому оброк, оброк, кому подать, подать; кому страх, страх; кому честь, честь” (Римл. XIII, 1-7).

В этих словах ап. Павла христіанская оцѣнка государственной власти возносит ее на очень большую высоту.

Психологическіе мотивы, стоящіе за ученіем Римл. XIII, представляются нам довольно прозрачными. Они, несомнѣнно, связаны с условіями историческаго момента, к которому относится составленіе посланія, но выражают и общую установку ап. Павла, наблюдающуюся на всем протяженіи его благовѣстническаго служенія. Прежде всего, высокая оцѣнка государственной власти в Римл. объясняется тѣм, что оно было написано во время третьяго путешествія ап. Павла, падающаго на період первых лѣтъ правленія Нерона, когда римская государственная власть, в руках мудрых и достойных совѣтников кесаря стояла на достаточной высотѣ. Но были, вѣроятно, и особыя основанія, которыя могли заставлять ап. Павла внушать своим римским читателям уваженіе к государственной власти. В эту раннюю эпоху имперская полиція еще не проводила яснаго различія между христіанами и иудеями. Иудеи представляли собою элемент общественно безпокойный, и согласное свидѣтельство Светонія (Claudius, 25) и Дѣяній (XVIII 2) позволяет предполагать броженіе в средѣ римских иудеев в связи с распространеніем между ними христіанства. Это броженіе вызвало со стороны римской полиціи репрессивныя мѣры. Иудеи были высланы из Рима. На примѣрѣ Акилы и Прискиллы, мы знаем, что между ними были и христіане. Всѣ ли христіане подверглись высылкѣ или только нѣкоторые, мы сказать не можем, но и из Римл. вытекает, что во время третьяго путешествія ап. Павла христіанская община существовала в

Римъ в смѣшанном составѣ, с преобладаніем язычников по происхожденію, но с наличностью и іудейских элементов. Естественно, что в этих условіях безопасность общины заставляла ап. Павел требовать от ея членов доляльности по отношенію къ носителям власти. Можно думать, что до ап. Павла доходили и тревожныя свѣдѣнія, которыя дѣлали это требованіе сугубо настоятельным. Броженіе, которое стало извѣстно апостолу, продолжалось, по его свѣдѣніям, и тогда, когда он писал свое посланіе.

Но наставленія Римл. XIII, 1-7 не могут быть выведены цѣлком из потребностей историческаго момента. Высокая оцѣнка государственной власти слышится не только в Римл., но и на закатѣ апостольскаго служенія великаго благовѣстника в кратком наставленіи Тит. III, 1 в призывѣ молиться о носителях власти, с которым мы встрѣчаемся в I Тим. II, 1-2. Формы множественнаго числа: "за царей и за всѣх начальствующих", сообщают этому призыву значеніе общаго правила. Оно не ограничивается данным моментом и данными носителями власти, а распространяется на всякое мѣсто и на всякое время. Конечно, в посланіи к Тимофею это было неизбѣжно, поскольку ап. Павел дает ему указанія, которыми он должен руководствоваться на всем протяженіи возлагаемаго на него служенія. Но мотивировка ст. 2: "дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестіи и чистотѣ", совпадает с мотивировкою Римл. XIII и вскрывает то же отношеніе ап. Павла къ римской государственной власти.

Мы знаем, что ап. Павел был римскій гражданин, и что он дорожил своим гражданством. По свидѣтельству Дѣписателя, оно два раза помогло ему выйти из затруднительнаго положенія: в Филиппах во время его втораго путешествія, когда он был заключен в узы (Дѣян. XVI, 37-40), и в Іерусалимѣ по возвращеніи из третьяго путешествія, когда ему угрожала пытка (Дѣян. XXII, 25-29). Уваженіе ап. Павла къ римской государственной власти было уваженіем римскаго гражданина. Но и этим еще не все сказано. Интересы ап. Павла были сосредоточены в области религіозно-нравственной. Он принимал явленія общественной жизни в их фактической данности. Преобразование социальна-политическаго строя не входило в его задачи.

Но мирная и морально достойная жизнь есть только первая и ближайшая цѣль. Послѣдняя цѣль апостола есть обращеніе языческих властей ко Христу. Иными словами, в сознаніи ап. Павла на языческих властях, в их настоящем состояніи, лежит печать ограниченности. Сознаніем этой ограниченности и опредѣляется отношеніе ап. Павла къ государству. Это — та же отчужденность, которую мы вычитали в Евангеліи. Чѣм она объясняется?

Подводя итоги, мы можем сказать, что отношеніе ап. Павла къ государству совпадает с тѣм, которое, по свидѣтельству

Древняго Преданія, высказывал Господь. Государство было для него фактом жизни, который он умѣл цѣнить. Но христіанская философія государства выходила из круга его интересов. Вниманіе Павла, как и вниманіе Христа, было сосредоточено на Божьем, а не на кесаревом.

При жизни ап. Павла единство христіанскаго міра поддерживалось наличностью іерусалимскаго центра и дѣятельностью “апостола языков”, которая не давала порваться общенію основных им церквей друг с другом и с іерусалимскою Матерью-Церковью. За его мученическою смертію в Римѣ в 64 году, послѣдовало, через нѣсколько лѣтъ, разрушеніе Іерусалима (70 г.), и Церковь вступила в новую эпоху своего существованія. Поколѣніе апостолов сказало свое послѣднее слово в лицѣ Ефесскаго старца, ап. Іоанна Богослова, на грани I и II вѣков нашей эры.

Как послѣднее слово апостольскаго вѣка, Іоанновскія писанія представляют собою вершину Новаго Завѣта. И тѣм не менѣе, во многих существенных точках новозавѣтное откровеніе возвращается в Іоанновских писаніях к своим истокам. Это — то же Древнее Преданіе, прошедшее сквозь призму Возлюбленнаго Ученика и раскрытое до своих послѣдних мистических и догматических глубин.

Надо твердо помнть, приступая к Іоанновской письменности, что дуализм Бога и міра совмѣщается в ней с общехристіанским ученіем о Богѣ, как Творцѣ міра, и преодолевается в любви Божіей к міру. Это — первое.

Второе касается эсхатологіи. Эсхатологическій аспект христіанскаго ученія не чужд и Іоанну. В Евангеліи повторно возвращается понятіе “послѣдняго дня”. В Первом Посланіи апостола опредѣляет свою эпоху, как “послѣдній час”. И дѣло Духа Утѣшителя, в объѣтованіи Прощальной Бесѣды, есть возвращеніе ученикам “грядущаго”, очевидно, в эсхатологическом смыслѣ (XVI, 13). Эти эсхатологическія точки, разставленныя на протяженіи Евангелія и Посланія, приводят нас к Апокалипсису. Свидѣтельство древних отцов о **едином** авторѣ Четвертаго Евангелія и трех Іоанновских Посланій, с одной стороны, и Апокалипсиса, с другой, встрѣчает все больше и больше защитников в современной критической наукѣ. Думаю, что не погрѣшу в оцѣнкѣ фактическаго положенія, если скажу, что в наше время этого мнѣнія держится большинство ученых. Как эсхатологическое восполненіе Четвертаго Евангелія и трех Іоанновских Посланій, Апк. ап. Іоанна позволяет утверждать, что эсхатологическое ожиданіе сохранило всю свою напряженность и на закатѣ апостольскаго вѣка. Но напряженность эсхатологическаго ожиданія своеобразно совмѣщается с его преодоленіем. Воскресеніе мертвых, по свидѣтельству Евангелія, совершится в послѣдній день. Но это время уже настало.

Каково же учение Иоанновских писаний о государственной власти?

Пріятіе государства вытекает с несомнѣнностью из повѣствованія о судѣ Пилата (XVIII, 28-XXI, 16). Господь прямо признает, что та власть, которую имѣет над Ним Пилат, дана ему свыше. Но и только. Государство остается и для Иоанна такою же чуждою силою, как и для его предшественников. Допустим, что уклоненіе Иисуса от земного царства послѣ насыщенія пяти тысяч (VI, 15) объясняется не отчужденностью Его от государства, а, наоборот, Его лойяльностью по отношенію к Римской имперіи, каковую лойяльность раздѣляет и Евангелист. Но, поскольку рѣчь идет о Евангелистѣ, лойяльность эта, во всяком случаѣ, внѣшняя и поверхностная. Домогаясь у Пилата смертнаго приговора над Иисусом, первосвященники свидѣтельствуют: “нѣтъ у нас царя, кромѣ кесаря” (XIX, 15). В эпическом разсказѣ Евангелиста эти слова звучат, как беспощадный приговор над іудейскими начальниками, отрекающимися от своих религиозно-национальных чаяній в пользу навязанной им иноплеменной власти. Да, и эта власть — от Бога. И тѣм не менѣе, Иисус не отвѣчает на вопросы Пилата и говорит, что большій грѣх — на том, кто Его предал Пилату. Если — большій, значит, не свободен от грѣха и Пилат, хотя его власть и дана ему свыше. Но Царство Христово, как царство не от міра сего (XVIII, 36), одинаково противостоит и Пилату и іудеям, как царство духовное, как свидѣтельство об истинѣ, и входят в него тѣ, кто от истины (ст. 37).

Перейдем к Апк. То, что было сказано о единствѣ автора для всѣх Иоанновских писаній, оправдывает привлеченіе Апк. для восполненія тѣх выводов, к которым нас привело знакомство с Евангелием. В образах дракона, двух звѣрей и “живущих на землѣ” мір, противостоит Богу. Но этот контраст преодолевается и в Апк. Его пророчество кончается поражением дракона и двух звѣрей и сошествіем с неба Новаго Іерусалима (XXI). Тварное бытіе стремится к послѣдней цѣли преображенія. Помните плач над разрушеніем Вавилона в гл. XVIII “...и голоса играющих на гуслях и поющих и играющих на свирѣлях и трубящих трубами в тебѣ уже не слышно будет; не будет уже в тебѣ никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебѣ; и свѣтъ свѣтильника уже не появится в тебѣ; и голоса жениха и невѣсты не будет уже слышно в тебѣ” (ст. 22-23-а)? От этих слов сжимается сердце. В них слышится любовь к жизни в ея чистых проявленіях и отклик на радость жениха и невѣсты. Брак есть положительная цѣнность и для Тайнозрителя.

Но каково его отношеніе к государственной власти? Апк. дает по интересующему нас вопросу больше матеріала, чѣм Евангеліе. Прежде всего, Тайнозритель прямо касается гоне-

ній на Церковь. По повелѣнію Говорящаго ему, он предрекает гоненіе Ангелу Смирнской церкви; он знает, что в Пергамѣ был умершвлен вѣрный свидѣтель Его Антипа, и что Филладельфійскіе христіане сохранили Его слово и не отреклісь от Его Имени. Этот же факт гоненія стоит за грозными образами двух звѣрей в гл. XIII. В первые годы гоненій ап. Петр повторял в своем Первом Посланіи наставленія ап. Павла о послушаніи властям и мотивировал эти наставленія так же, как Павел; им руководила мудрая разсудительность, он хочет избѣжать обостренія конфликта. Тайнозритель Іоани прямо говорит о гоненіи и не старается найти слов в защиту государства. Принципіального отрицанія государства нѣтъ и у него. В грядущем преобразеніи міра найдется мѣсто и для царей. В Новый Іерусалим цари земные принесут свою честь и славу. Они подвергаются осужденію не как таковые, а за свою связь с блудницею (XVII, 2, XVIII, 3, ср. еще XVII, 10 слл.). Но кто эта блудница? В богатствѣ и чередованіи апокалиптических символов, образ блудницы, облеченной в порфиру и багряницу, украшенной золотом, драгоценными камнями и жемчугом и сѣдящей на водах многих на звѣрѣ багряном, сплетается с образом звѣря, выходящаго из моря, с семью головами и десятью рогами, с десятью діадимами на рогах и именами богохульными на головах. Эти образы в цѣлом и в частностях толкователи относят к Римской имперіи. Так, в числѣ звѣря, "666", большинство современных ученых вычитывают имя кесаря Нерсна, написанное по-еврейски и переведенное на числовое значеніе составляющих его букв. В образѣ гл. XVII тот же Нерон есть "звѣрь, который был, и котораго нѣтъ.. восьмой из числа семи", он "пойдет в погибель" (ст. 11). И второй звѣрь, выходящій из земли и требующій общаго поклоненія образу перваго звѣря, выражает жречество императорскаго культа, котораго не могло принять христіанское сознаніе. Против этого пониманія апокалиптических образов иногда раздаются слабые голоса, но имя "Вавилон", написанное на челѣ блудницы (XVII, 5), подавляющее большинство толкователей издревле понимало и в наше время понимает в смыслѣ Рима. Символическое обличіе отвѣчало не только общему стилю Апк: оно было нужно, как шифр, в эпоху гоненій. И отношеніе к Риму, которое оно выражает, не вызывает сомнѣнія. Тайнозритель не отрицает государства, как такового. Но на исходѣ I-го вѣка римская императорская власть потребовала от христіан религіознаго поклоненія. Этого поклоненія Церковь оказать ей не могла. Царство кесаря вторгалось в область Божьяго. И отвѣтом Церкви могло быть и было только рѣшительное "нѣтъ". Этот отвѣтъ запечатлѣн в Апк. Выражая отвѣтъ Апк на языкѣ современной нам эпохи, мы должны сказать, что Тайнозритель возстал против тоталитарнаго принципа современнаго ему государства. Позволительно

поставить вопрос: не договаривает ли он то, что давали чувствовать и его предшественники?

В этой точкѣ наш обзор новозавѣтныхъ свидѣтельствъ о государствѣ долженъ почитаться законченнымъ, и намъ остается подвести итоги. В цѣломъ и в частностяхъ наше знакомство съ отношеніемъ отдѣльныхъ новозавѣтныхъ писателей къ государственной власти привело насъ къ подтвержденію тѣхъ выводовъ, къ которымъ мы пришли путемъ дедукціи отъ новозавѣтнаго ученія о мірѣ. Пріятіе государства, наблюдающееся на всемъ протяженіи новозавѣтнаго откровенія, получаетъ свое объясненіе въ пріятіи міра, къ которому принадлежитъ и государство, какъ явленіе естественнаго порядка. С другой стороны, мы усмотрѣли во всѣхъ тѣхъ памятникѣхъ, съ которыми мы имѣли дѣло, болѣе или менѣе выраженную отчужденность ихъ составителей отъ государства и государственной власти. В Іоанновскомъ Апк. она достигаетъ значительной остроты. Послѣдній отвѣтъ Новаго Заваѣта на поставленный нами вопросъ о христіанской цѣнности государства есть осужденіе Римской имперіи девяностыхъ годовъ в огненномъ словѣ Тайнозрителя Іоанна.

Сдѣланный нами обзоръ обяываетъ насъ къ выводу, что въ новозавѣтное ученіе о государственной власти отчужденность отъ государства входитъ не менѣе существенною чертою, чѣмъ принципиальное признаніе государства. Мы могли бы объяснять эту отчужденность разными причинами: напряженностью эсхатологическаго ожиданія, сурово аскетическимъ подходомъ къ жизни. Эти объясненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ казались бы болѣе или менѣе вѣроятными, но ни одно изъ нихъ не выходило бы изъ области гипотезы. И не удивительно ли, что только одно объясненіе представляется безспорнымъ: абсолютизація государственной власти въ Римской имперіи конца I-го вѣка, какъ причина ея осужденія въ Апк? Это объясненіе неизбежно распространяется и на все новозавѣтное откровеніе въ цѣломъ. Мы возвращаемся въ этой точкѣ къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ насъ привела дедукція. Она утвердила насъ въ убѣжденіи, что монархія Божія, не допускающая осужденія міра, не допускаетъ и его обожествленія, и что этотъ выводъ касается и государства. Въ тоталитарномъ строѣ государство становится богомъ. Въ римской имперіи обожествленіе государства получило въ императорскомъ культѣ и свое религіозное выраженіе. Но подъ властью грѣха, тяготящегося надъ падшимъ міромъ, всякое государство болѣе или менѣе тоталитарно. Это мы знаемъ и изъ опыта нашихъ дней. Различіе между отдѣльными государствами — не качественное, а количественное. Если государство — всякое государство! — считаетъ себя въ правѣ налагать на своихъ гражданъ воинскую повинность, значитъ, оно усваиваетъ себѣ власть надъ ихъ жизнью и смертію, значитъ, оно распоряжается ихъ душами и тѣлами (ср. Апк. XVIII, 13). И не примѣчательно ли, что основаніемъ права на всѣ времена остались юридическіе принципы, отлившіеся въ

чеканную форму в Римской империи? Мы неизбежно приходим к выводу, что и Сам Господь и Его ученики потому насторожены, против государства, что государство — в падшем мире, неминуемым образом, тоталитарное — и в новозавѣтную эпоху не знало предѣла своей власти. Кесарь посягал на Божіе. Отчужденность новозавѣтных писателей от государства есть молчаливая борьба против абсолютизации государства.

Но священные писатели Новаго Завѣта дают не только принципиальную оцѣнку государства и государственной власти. Они дают, на исторических примѣрах I-го вѣка, и норму практическаго поведения христіанина пред лицом государства. Апостолы и их ученики, пріемля государство, как явленіе естественнаго порядка, и противясь его обожествленію, цѣнили государственную дѣйствительность их времени по достоинству. На страницах Новаго Завѣта эта оцѣнка колеблется между двумя полюсами: освященіем государства, как установленія божественнаго, в Римл. XIII, и его осужденіем, как царства звѣря и великой блудницы, в Апк. XIII и XVII. И та и другая оцѣнка были оправданы в свое время и в своих исторических условіях. Между этими двумя полюсами государственная дѣйствительность и колебалась и продолжает колебаться до нашего времени. Государство и в христіанскую эпоху то отступало в тѣнь, отказывалось от осуществленія своей неограниченной власти и поощряло личную и религіозную свободу, то оборачивалось — снова и снова — апокалиптическим звѣрем и требовало себѣ поклоненія. И голосу Тайнозрителя вторят в исторіи Церкви другіе голоса, носителей церковнаго сознанія, обличавших государственнаго звѣря: Амвросія Медиоланскаго, Іоанна Златоуста, Филиппа Московскаго и еще стольких других. И мы спрашиваем себя, в молчани обступившей нас грозной ночи: кто откликнется на их голос?

С оцѣнкою государства по его достоинству связан и вопрос о послушаніи государству. Как и ап. Павел, христіане знали во всѣ времена исторіи Церкви, что государство есть начало порядка, и что оно, при всѣх своих несовершенствах, спасает нас от худшей опасности безвластія. Но христіане помнят — и в наше время должны помнить особенно твердо, — что они имѣют единаго Господа-Христа, что двум господам они служить не могут, и что, пред лицом Христовым, государство не может оправдать своей власти над их душами и даже над их тѣлами. И, когда возникает разногласіе между Божіим и кесаревым, христіанину остается только одно: оказать послушаніе Богу и отказать в послушаніи кесарю.

Но на протяженіи своего уже многовѣковаго историческаго пути христіанская Церковь, в лицѣ носителей ея сознанія, не только осуществляла — снова и снова — свое право судить о государствѣ, с которым она имѣла дѣло, по его достоинству, но пыталась привлечь его на служеніе Христу, про-

низать государственныя учрежденія свѣтом Христовым, вдохнуть Его дух в государственныя формы. Ни одна из этих попыток не удалась. Наши предки — в XV вѣкѣ — были свидѣтелями крушенія Византіи. Третій Рим рухнул на наших глазах. И трагедія Россіи, причина ея паденія, заключалась, прежде всего, в том, что она пыталась соединить несоединимое: тоталитарное государство с христіанским строем жизни, царство кесаря с Царством Божиим. Если всякое государство, в своей сущности, тоталитарно, надо думать, что и всякая попытка построить государство на законѣ Христовом роковым образом обречена на неудачу. Но Христос, проповѣдуя Евангеліе Царства Небеснаго, исцѣлял всякую болѣзнь и всякую немощь в людях (Мф. IV, 23, IX, 35). Он насыщал голодных, врачевал недужных; Он даже соглашался возвращать к жизни временной ушедших из нея вратами смерти. Свое земное служеніе Он проходил в этом мірѣ. В нем Он оставил и нас и тѣм самым возложил и на нас долг исправлять его недостатки, приходить на помощь страданію, бороться со злом. Этот долг распространяется и на наше отношеніе к государству. Нам не дано соединить несоединимаго. Опыт прошлаго и познаніе истинной природы государства не позволяет нам мечтать о христіанской державѣ на землѣ. Но путь христіанскаго дѣланія в государствѣ открыт и нам, даже больше: он нам указан, как наш долг. По слову Апостола (ср. 2 Петр. III, 12), грядущее преображеніе предуготовляется и предваряется нашим усиліем здѣсь, на землѣ. И когда в пророческом видѣніи Тайнозрителя, вострубил седьмой ангел, тогда “раздались на небѣ громкіе голоса, говорящіе: царство міра содѣлалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во вѣки вѣков” (Апк. XI, 15). Невозможное человѣкам возможно Богу. Посаженному в землю дереву рост дает Бог, но человѣкъ насаждает и поливает (ср. I Кор. III, 6-7). В Царство Славы ведет далекій путь, начинающійся в Царствѣ міра. И Божественная благодать вѣнчает труд человѣка — долгій, упорный и неблагодарный — в Царствѣ міра и над Царством міра.

Епископ Кассіан.

ИМПЕРСКІЯ СУДЬБЫ РОССІИ

(Перевод с рукописи).

НОЛЬДЕ
(1876—1948).

Профессор, Предсѣдатель Института Международнаго Права.

ВВЕДЕНІЕ.

В 1533-м году, т. е. в год смерти великаго князя Василія Ивановича и восшествія на престол Ивана Грознаго, русское государство занимало пространство, географическая ось котораго проходила с юго-запада на сѣверо-восток, от Смоленска к Перми, через Москву, Вологду, Великій Устюг и Вятку, с немногими областями к югу от этой линіи и с необъятными, почти пустынными землями к сѣверу, ограниченными Бѣлым морем, Ледовитым океаном и Уральским хребтом.

По своему положенію в Европѣ, суровости климата и слабости экономических ресурсов, Московія начала XVI-го вѣка представляла собой сѣверную державу втораго разряда; тогдашній ранг ея можно сравнить с положеніем Швеціи или Нор-

вегіи в современной Европѣ. Москва только-что завершила національное объединеніе великорусскаго народа, но ничто не давало основаній предвидѣть превращенія ея, в теченіе послѣдующихъ четырехъ вѣковъ, изъ небольшого княжества в огромную міровую имперію, занявшую шестую часть суши: отъ Карпатъ до Тихаго океана и отъ Ледовитаго океана до границъ Индіи, с населеніемъ в 200 милліоновъ человекъ, принадлежащихъ къ 197 различнымъ народностямъ.

Исторія этого, можно сказать чудеснаго преображенія незначительной сѣверной державы в огромную міровую имперію никогда еще не была написана. Правда, русскіе историки не могли не считаться съ “завоеваніями” Россіи в XVI-м и послѣдующихъ вѣкахъ, вплоть до XX-го. Они ихъ перечисляли и описывали в своихъ очеркахъ историческихъ судебъ русскаго народа, но видѣли в нихъ лишь разрозненные эпизоды общей исторіи государства, управлявшагося столичной властью изъ центра. Значительныя и похвальныя усилія ревнителей “мѣстной” исторіи русскихъ областей позволили накопить богатѣйшій інформаціонный матеріалъ, но и эти труды слишкомъ эпизодичны: они не ставятъ общей проблемы имперскаго развитія Россіи. Мой замыселъ именно и заключается въ восполненіи этого пробѣла: в попыткѣ набросать исторію “все болѣе великой Россіи” (Greater Russia), согласно термину, имѣвшему лѣтъ пятьдесятъ назадъ такой успѣхъ, с легкой руки Силея (Seeley).

Я представляю себѣ эту задачу какъ изслѣдованіе не только политическихъ условій расширенія Россіи, но и какъ очеркъ внутренней организаціи Имперіи. Имперская исторія Россіи слишкомъ долго изображалась, какъ нѣкое случайное, механическое нагроможденіе разношерстныхъ народностей и земель. Люди не давали себѣ отчета в томъ, что изъ этого этническаго и территориальнаго матеріала удалось в концѣ концовъ создать единственную в своемъ родѣ постройку, один изъ интереснѣйшихъ и грандіознѣйшихъ политическихъ “феноменовъ” міровой исторіи.

Можно легко понять тайныя побужденія, породившія недоброжелательную трактовку нашей исторіи со стороны различныхъ народностей, вошедшихъ в составъ Россійскої Имперіи; но удивительно, что самъ русскій “имперіализмъ” не сознавалъ исключительной оригинальности русскаго имперскаго единства, замѣчательнѣйшаго, какъ сказано, историческаго явленія. Поистинѣ настало время подвести итоги достиженіямъ “все болѣе великой Россіи”.

Бряд-ли нужно подчеркивать, что мои изысканія, посвященные русскому имперскому развитію, не ставятъ себѣ никакой политической цѣли. Всякій духъ “политической пропаганды” отталкиваетъ в историкѣ. Пропагандой такъ злоупотребляли за послѣднія десятилѣтія, что первый долгъ современнаго историка всячески избѣгать постыднаго рабства у политиче-

ских заданий; надо искать в прошлом одну только строгую, подлинную правду.

Задуманный Б. Э. Нольде огромный труд должен был явиться вѣнцом его научно-политических изысканій. Уже в своих «Очерках русского государственнаго права» (1911 г.) в отдѣлѣ «Единство и нераздѣльность Россіи», Нольде ставил этот вопрос: как именно сложилось русское единство. Обычно, в присоединяемых областях, — говорит он, — «русское право не завоевывает и не побѣждает. Оно ищет компромисса с правом мѣстным» (стр. 462). Подтверждаемая мѣстная особенности исчезают затѣм лишь постепенно; отсюда устойчивость. Но в разных областях историческій ход вещей был совершенно различным. Дать **общую картину** развитія Россіи-Имперіи — таково был замысел книги, оставшіяся, к сожалѣнію, неосуществленным.

Подготовить к печати то, что было уже историком сдѣлано, — задача, требующая еще долгаго и упорнаго труда. Ниже мы печатаем, в русском переводѣ, лишь первые отрывки книги, писавшейся по французски.

Первый отрывок рисует «взятіе Казани», бывшее начальным этапом на длинном пути превращенія Московіи в Россійскую Имперію.

Второй отрывок говорит об овладѣніи Сибирью и обнажает реально-ничтожное значеніе легендарных «подвигов Ермака».

Читатели оцѣнят яркость, мудрость и мастерство этой послѣдней работы знаменитаго русскаго ученаго.

I.

ЗАВОЕВАНІЕ КАЗАНИ.

Попытки установить пріемлемый «модус вивенди» между Москвой и Казанью (к этому сводилась политика послѣдних десяти мѣсяцев царствованія Шигалея в Казани), закончилась плачевной неудачей. Казалось, судьба отбрасывала эти сосѣднія государства к традиціонной глухой борьбѣ, характеризовавшей их отношенія в теченіе почти цѣлаго вѣка. Но царь Иван не захотѣл с этим примириться: политическая акція, начатая им присоединеніем Свіяжской области, была бы в корнѣ подорвана, если бы в Казани вновь водворились предприимчивые и враждебные Москвѣ цари. Пришло время покончить раз навсегда с неудобствами и опасностями такого сосѣдства.

В апрѣлѣ 1552 года было созвано в Москвѣ специальное совѣщаніе. Иван IV поставил своих совѣтников в извѣстность о своих намѣреніях. Оппозиція проявилась не малая. Лѣтописец сообщает, что было высказано много различных мнѣній; главным доводом против войны с Казанью была, якобы, неувѣренность в поведеніи других татарских стран, Крыма и Ногайской орды. На самом дѣлѣ, кажется, оппозиція имѣла болѣе глубокие и менѣе патріотические корни, нежели тѣ, которые называет офиціозный источник. Московское войско было еще, главным образом, войском «служилых людей», вотчинников или помѣщиков, обязанных лично нести во время войны безвозмездную воинскую службу и поставлять ратных людей. Профессиональный элемент в войскѣ был лишь случай-

ным. “Служилые люди” не могли не повиноваться царскому призыву, но нельзя было ожидать, чтобы дѣлали они это с восторгом. Замѣчательно в этом отношеніи дошедшее до нас письмо архіепископа Новгородскаго Федосія к одному из крупных Московских бояр в період повторныхъ войнъ Ивана IV противъ Казани: образчикъ малаго энтузіазма “дѣтей боярскихъ”, призываемыхъ к ратнымъ предпріятіямъ.

Ясно, что при такихъ условіяхъ на совѣщаніи, созванномъ в Москвѣ весною 1552 года, должна была проявиться естественная оппозиція: совѣщаніе состояло, главнымъ образомъ, изъ представителей того класса людей, от котораго требовались максимальныя жертвы. Частные интересы не могли полностью ступать передъ интересомъ общимъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, в знаменитой полемической перепискѣ с кн. Андреемъ Курбскимъ, Иван IV с горечью и возмущеніемъ напоминаетъ ему отношеніе царскихъ совѣтниковъ к вопросу о войнѣ с Казанью*)

“Всемъ убо явлена суть, какова тогда злая пострадаше от варваръ православныя, и отъ Крыма, и отъ Казани: до полуземли пусто бѣша. И егда начало воспріяхомъ, за Божіею помощію, еже брани на варвары, егда первое посылахомъ на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинскаго с товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы в опалѣ свои ихъ послали, казнить ихъ хотя, а не для своего для дѣла. Ино, се ли храбрость, еже служба ставити во опалу? И тако ли покоряти прегордые царства? Та же, сколько хоженія не бывало в Казанскую землю, когда не с понужденіемъ, с хотѣніемъ ходите? Но и всегда аки на бѣдное схожденіе ходести! Егда же Богъ милосердіе свое яви намъ, и тотъ родъ варварскій христіянству покори, и тогда како не хотесте с нами воевати на варвары, яко болѣе пятнадцать тысячѣ, вашего ради нехотѣнія, с нами тогда не быша! И тако ли прегордые царства разоряете, еже народъ безумными глаголы наущати и от брани отвращати, подобно Юношю***) Угорскому?...”

Передъ нами — первый в русской исторіи конфликтъ между программой “имперской” и, ей противоположной, “малодержавной”. Первая дальновидно и энергично защищается главою государства; вторая, с пассивной инертностью, верхнимъ слоемъ народа. В позднѣйшія времена оппозиція станетъ болѣе демократической; но монархія до конца останется вѣрна политикѣ имперской.

1) По изданію Императорской Археографической Комиссіи 1914 года: «Переписка кн. А. М. Курбскаго с царемъ Иоанномъ Грознымъ», стр. 73.

2) Янушу Венгерскому, т. е. по догадкѣ И. Н. Жданова (см. его Сочиненія в изд. 1904 г., т. I, стр. 115-116), Иоанну Запоилу, воеводѣ Трансильванскому, отказавшемуся в 1526 году поддержать своего короля, Людовика Второго, и ставшему такимъ образомъ косвенной причиною гибели короля Людовика в несчастной битвѣ с турками подъ Могачемъ.

Этот коренной конфликт является, вѣроятно, причиной и энергичных усилій Ивана IV — оправдать свою политику перед тогдашним общественным мнѣніем. Выдвигаемые им тезисы носят отпечаток идей, имѣвших хожденіе в Европѣ со времен папы Урбана II и Крестовых Походов, но сохранивших еще нѣкоторую свѣжесть: конфликт с Казанью изображается как борьба вѣры с “невѣрными”, христіан с “сарацинами” (“безбожные Казанскіе Срацины”). Иван IV ищет и добивается таким путем поддержки духовенства; духовенство становится распространителем его идей. Даже архіепископ Феодосій Новгородскій, который, — как выше сказано, — всячески способствовал “укрыванію” дѣтей боярских от воинской повинности, вынужден был послать царю торжественное благословеніе по случаю его похода....

Но главным поборником активной политики против Казани выступил митрополит Московскій Макарій. Он лично берет на себя защиту этой политики в различные моменты ея развитія. В маѣ 1552 года он пишет специальное обращеніе к войску по поводу аннексіи Свіажской области. 13-го іюля того-же года — новая грамота, на этот раз обращенная к самому царю, чтобы благословить его оружіе накануне послѣдняго похода на Казань. Развиваемая митрополитом мысль вполне совпадают с идеями выдвигаемыми Иваном IV: священная война против невѣрных, “проливающих кровь христіанскую, оскверняющих и разрушающих церкви православныя”. Тут несомнѣнно преувеличеніе: не имѣется никаких подтвержденій, чтобы казанскіе татары того времени, дѣйствительно, “оскверняли и разрушали” русскія церкви. Но таков уж был “заказ” официальной пропаганды в то время.

Рѣшеніе идти походом на Казань было окончательно принято в апрѣлѣ-же 1552 года. Немедленно было собрано войско. Полки, сосредоточенные под Свіажском под начальством самого царя Ивана, подошли к Казани и обложили ее в августѣ. Казанское войско, состоявшее из татар и черемисов, защищалось храбро; но русскіе были значительно лучше вооружены и овладѣли городом 4-го октября. Царь Казанскій был взят в плѣн; активные защитники избиты поголовно.

Так завершилась вторая стадія аннексіи Казанскаго государства: послѣ Свіажской области, столица и непосредственныя ея окрестности оказались в руках Москвы...

Но завоеваніе страны далеко еще не было закончено. Взятіе Казани и уничтоженіе татарскаго войска не прекратило сразу существованіе державы, областныя силы которой были многочисленны и значительны, а территория столь обширна.

В теченіе послѣдующих вѣков “московскій мир” не раз нарушался движеніями, возникавшими в средѣ мѣстнаго населенія: то настоящими возстаніями, то отдѣльными проявленіями неподчиненія, то просто разбоем..... В 1574 году отмѣ-

чено лѣтописью послѣднее нападеніе Казанских татар на Нижний Новгород, в пригородах котораго было убито 36 служилых людей. До этого лѣтопись упоминает черемискіе набѣги 1567, 1570 и 1571 г.г. Под самой Казанью в 1574 году был сожжен “измѣнниками” монастырь и нѣсколько деревенских церквей... Нѣчто подобное повторилось и в 1584 году. Но в царствованіе царя Феодора Іоанновича, сына Грознаго, Московским воеводам удалось возстановить порядок в Казанской области.

Смутное Время, разумѣется, принесло с собою новыя вспышки бунта, в особенности со стороны черемисов. Впрочем, черемисы рѣдко выступали самостоятельно, — обычно они присоединялись к отрядам русских казаков и бѣглых стрѣльцов, ратовавших за того или другого из “самозванцев” того времени.

Чисто-туземным возстаніем можно считать взятіе и разграбленіе черемисами (а б. м. и чувашами, с которыми их русскіе лѣтописцы часто путают) города Чебоксары зимою 1608-1609 г. Это был тогда важный административный центр и представители царя Василя Шуйскаго в Казани реагировали весьма энергично. Казанскій воевода с большим войском двинулся на Чебоксары, разбил бунтовщиков и заставил их принести присягу на вѣрность царю.

Почти одновременно возникло сильное бунтарское движеніе и в Свѣжском уѣздѣ. Но оно было, главным образом, русским, туземцы присоединялись к нему лишь частично...

Новая власть, установившаяся на Руси послѣ 1613 года, дѣлала все, чтобы избѣжать конфликтов с туземцами. Когда, напримѣр, сказалась сильная нужда в деньгах и Московское правительство приказало в 1615 году собрать чрезвычайный поголовный налог, прислав с этой цѣлью специальных сборщиков и в Казань, мѣстный воевода поспѣшил представить Москвѣ самыя серьезныя возраженія против того, чтобы этот налог распространялся на чувашей и на черемисов; их он не хотѣл-бы “раздражать”... И Москва, не колеблясь, послѣдовала его совѣту. К сожалѣнію, усилія привлечь к себѣ симпатіи мѣстнаго населенія послѣ Смутнаго Времени имѣли не особенный успѣх. В 1616 году часть Казанской области опять оказалась в руках бунтовщиков и хотя у нас нѣтъ точных данных о размѣрах движенія, но извѣстно, что из Москвы пришлось посылать войска: защищать Нижний, Арзамас и даже Муром. Войска эти, под командой князей Юрія Сулѣсова и Алексѣя Львова, разбили бунтовщиков, состоявших, повидимому, почти сплошь из туземцев; у них были и собственные туземные вожди. Порядок был водворен. На этот раз надолго.

Мир, установившійся послѣ 1616-го года на территоріи бывшаго Казанскаго царства нарушался затѣм еще два раза, в теченіе XVII и XVIII-го вѣков; во время возстаній Стеньки Ра-

зина и Пугачева. Эти движенія возникли не на территоріи и не среди населенія Казанской области и их изученіе не входит в прямыя заданія моего труда. Но необходимо отмѣтить, что туземные элементы принимали живѣйшее участіе в возстаніи Разина, а частично также и в Пугачевщинѣ. Они только не выдвинули собственных вождей, а дѣйствовали под руководством русских бунтарских атаманов...

Но даже если не считать этих двух обще-русских революціонных движеній (Разина и Пугачева), трудно утверждать, чтобы мир, установленный русской властью на средней Волгѣ в результатѣ взятія Казани, был очень прочным. Дошедшіе до нас документы полны упоминаній о безчисленных мелких вооруженных конфликтах и разбоях, обычных в новой области. "Разбойник" там явленіе чуть-ли не нормальное, и с ним государство зачастую не в силах бороться самостоятельно. Интересен в этом отношеніи Указ царя Алексѣя Михайловича от 8 августа 1659 года, предоставляющій землевладѣльцам, служилым людям, дѣтям боярским и татарским мурзам Волжских областей, право казнить смертью разбойников без предварительнаго обращенія к властям...

Окончательное умиротвореніе Казанской территоріи было достигнуто лишь цѣною длительных, непрерывных усилій.

"Пермь Великая".

Казанское царство присоединено было к Русскому государству как самостоятельная историческая и политическая единица. Совершенно иначе обстояло дѣло с землями, лежавшими на восток и на сѣверо-запад от этой новой области по обѣ стороны Уральскаго хребта. Включеніе их в состав Россіи — второй этап ея имперскаго развитія. Огромная площадь в 880 тысяч квадратных километров, не считая безбрежной Арктики, в четыре раза превосходящая территорію нынѣшней европейской Франціи, никогда не составляла политической или административной единицы. Русскіе пришли в эти края с сѣвера. Еще задолго до взятія Казани и утвержденія русской власти на Средней Волгѣ и Нижней Камѣ, русскіе господствовали над сѣверным бассейном Камы и в зап. части средняго Урала, т. е. в странѣ, именовавшейся, по несовсѣм ясным этимологическим поводам, Пермью Великой. Центр ея находился в Чердыни на Колвѣ, (один из сѣверных притоков Камы). Впрочем, нельзя, строго говоря, называть русских "господами" этой страны: Пермь Великая того времени не была заселена никѣм, или почти никѣм. По Яхонтовской переписи 1579 года (первой из дошедших до нас переписей этого края) все населеніе края состояло из 1.671 человекѣ (Чердынь — город 326, Чердынь область 939, Соль Камская — город 201, Соль Камская — область 205). Иначе говоря, и принимая во вниманіе размѣры

этих двух огромных областей, можно сказать, что четверть вѣка по завоеваніи Казани, онѣ были еще дѣвственными, необитаемыми землями. Но эти два центра страны: Чердынь (на широтѣ 60° 24') и Соль Камская (впослѣдствіи Соликамск, на 59° 39' сѣв. широты) были прекрасно расположены: господствовали над цѣлой рѣчною сѣтью, имѣвшей впереди великую будущность. От Чердыни, по Колвѣ до Камы и вверх по Вишерѣ, можно было подыматься до Уральских гор в легко переходимом участкѣ, а по ту сторону долины Лосьвы и Сосьвы вели к Тавдѣ, притоку Тобола, впадающаго в Иртыш..... Чердынь, таким образом, обезпечивала связь двух главнѣйших водных систем Европейской и Азіатской Россіи: Волжско-Камской и Обь-Иртышской.

Что касается Соликамска, основаннаго, вѣроятно, позже Чердыни, он являлся естественным звеном между русскими центрами на Сѣверо-Двинской рѣчной системѣ и вновь возникшими русскими поселеніями на нижней Камѣ, освобожденной от Казанских татар.

Чердынь, административный центр страны и мѣстопробываніе воеводы "Перми Великой", была все-же, главным образом, **коммерческим** узлом, "факторіей". Цифры упомянутой переписи очень краснорѣчивы. Из 270 дворов этого города, 238 значатся "безпашенными". В городѣ зато было 67 коммерческих предпріятій (на 326 жителей!). В Чердынской области было, конечно, и земледѣшество, но сравнительно незначительное: 725 дворов "пашенных" на 79 "непашенных". Уточненій, какой именно "торговлею" занималось большинство жителей города, в переписи 1579 года не имѣется. Но из других документов можно усмотрѣть, что торговля была, главным образом транзитная: в Чердыни обмѣнивался хлѣб, шедшій из Россіи, на мѣха, шедшіе из Сибири.....

Во второй половинѣ XVI-го вѣка еще болѣе просторныя земли присоединяются к первоначальной территоріи Перми Великой. Произошло это, однако, вначалѣ путем не военнаго завоеванія, и даже не политическаго протектората, а путем созданія новых коммерческих и промышленных учрежденій. Крупные промышленники из Соль-Вычегодска, владѣльцы солеварен и торговых домов, братья Яков и Григорій Строгановы, били челом царю Ивану Грозному и получили от него концессию (как сказали-бы теперь) по обѣ стороны Камы, от устья Лысьвы, неподалеку от Соликамска, на сѣверѣ, до устья Чусовой, на югѣ, т. е. на 146 верст пустопорожных земель, чернолѣсья, рѣк и озер, никому не принадлежащих, земель "непашенных, не обстроенных и ни к кому не приписанных", с правом пользоваться этими рѣчками и озерами, рубить лѣс, пахать землю и заселять ее пришлым вольным людом, варить там соль и т. д.....

Это было только начало. Десять лѣт спустя, в 1568 году,

Строгановы получают вторую концессию, охватившую всё течение Чусовой и оба берега Камы еще на двадцать верст вниз от устья Чусовой.

Эти концессии Строгановых носили определенно характер "актов публичного права", сходных с великими хартиями европейских колониальных империй того времени. Строгановы получали разрешение выполнять некоторые государственные функции по отношению к тому населению, которое им удастся привлечь на "пустопорожние земли". Москва определенно заявляла, что воеводство Перми Великой и ее собственные приказные вѣдать этим населением не будут. Строгановы-же обязались строить там "крѣпости" и защищать их "против Ногайской и всякой другой орды" с помощью вооруженных и содержимых на их, Строгановской, счет гарнизонов. Будущие жители страны заранее освобождались от всяких налогов и повинностей на двадцать лѣтъ вперед; и т. д.,...

Строгановы и Ермак.

Вопрос о походе Ермака и о конце "Царства Сибирского" один из самых спорных вопросов русской истории. Спор длится уже вѣками. Из двух дошедших до нас лѣтописей, составленных, объѣ, в XVII-ом вѣкѣ, одна — т. н. "Есиповская" — представляет поход Ермака, как личное его предприятие, не намекая ни на какую инициативу Строгановых, тогда как другая — т. н. "Строгановская" — надѣляет их ведущей ролью.

Адрианов, один из лучших изслѣдователей областной истории Перми Великой, основываясь на Есиповской Лѣтописи, утверждал, что добрая воля Строгановых не имѣла никакого значения в предприятии Ермака, который-де пошел походом на Сибирь на свой страх и риск.

Становится на такую крайнюю точку зрѣнія не представляется мнѣ возможным. Мы располагаем, помимо лѣтописей, рядом документов, безспорно доказывающих, что сибирская экспедиция Ермака состоялась по инициативѣ Строгановых. Как уже сказано выше, они были уполномочены центральным Московским правительством организовывать военные предприятия... Грамота 1574 года даже определенно предусматривает набор казаков, для вторжения в Сибирь, и уж, конечно, никто, кроме Строгановых, не мог бы им обеспечить существование на все время их долгаго пребывания на Чусовой, ни снабдить их огнестрѣльным оружием, с таким успѣхом примѣнявшимся ими во время Сибирского похода. Наконец, в 1582 году, нѣсколько недѣль всего по уходѣ Ермака на восток, воеводство Перми Великой, в своих донесениях в Москву, и Московские Приказы, в своих письмах Строгановым, всецѣло возлагают на них ответственность за это предприятие. Дѣйствительно, по несчастному стечению обстоятельств, в самый день отбытия Ермака,

территорія Перми Великой подверглась опасному набѣгу вогулов под предводительством князя Пелымскаго, и власти упрекали Строгановых за то, что они не испросили разрѣшенія на посылку Ермаковских казаков на восток, тогда как эти силы нужны были, в срочном порядкѣ, для защиты Чердыни и Соли Камской.

Но административная переписка не могла уже остановить Ермака, углублявшагося все дальше в пустынные Уральскіе лѣса по направленію к бассейнам Туры и Иртыша. Сибирскія лѣтописи, составленныя почти вѣкъ спустя, приводят много любопытных подробностей похода, но провѣрить их на основаніи официальных документов (поскольку таких не имѣется ни одного) совершенно невозможно, да и не так уж важно. Суть в том, что экспедиція Ермака несомнѣнно закончилась полным провалом. Послѣ нѣскольких первоначальных удач, в частности взятія “Сибири, столицы Кучума, или вѣрнѣе его главнаго кочевого становища, казаки попали в бѣду, наткнувшись на энергичное сопротивленіе татар. Сам Ермак погиб при попыткѣ переплыть Иртыш, а оставленный им в Сибири гарнизон, узнав о гибели своего вождя, поспѣшил эвакуировать городок, куда, как повѣствует лѣтопись, татары вернулись уже без боя.

В набѣгѣ Ермака имѣло фактическое значеніе лишь взятіе Сибири, да и то не само по себѣ (Кучум скоро этот город отобрал), а по ловкому политическому толкованію полученной новости Московским правительством, которое не задумываясь, превратило взятіе городка Сибири в “завоеваніе царства Сибирскаго”.

В дѣйствительности для разрушенія этого царства понадобилось еще полвѣка. Успѣх же фикціи “завоеванія Сибири Ермаком” объясняется тѣм, что этот неудачный поход Строгановских казаков все-же был первой ласточкой сознательнаго русскаго усилія в этом направленіи.

Б. Нольде.

Ф. И. РОДИЧЕВ И МОИ ВСТРЪЧИ С НИМ

ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ

“Марксизм” и “либерализм” в Россіи в концѣ 90-х гг. XIX вѣка. — Тверской адрес, рѣчь Николая II о “безсмысленных мечтаніях”. — “Открытое письмо к Николаю II”. Как оно было написано и разослано. — Взгляды Родичева на крестьянскій вопрос. — Личность Родичева и оцѣнка его политической позиціи.

20-го октября умер Александр III, и в этот момент всѣ тѣ, кто желал поворота во внутренней политикѣ Россіи, поворота от упорной реакціи, отрѣзывавшей для страны пути даже самой медленной и постепенной конституціонной эволюціи, всѣ, с неясными но огромными надеждами, взирали на юнаго царя Николая II. Казалось, что, раз в царствованіе его отца сказались и восторжествовала столь сильная общественная реакція против крайностей социальнаго и политическаго революціонизма, доведших страну до царубійства 1-го марта, раз ни о каком серьезном и массовом движеніи против власти царя не может быть рѣчи, то отпадают и со стороны правительства всякія серьезные и существенныя возраженія против разумных уступок либеральному общественному мнѣнію, главными носителями котораго были органы мѣстнаго самоуправленія, земства и прогрессивная печать столиц и провинціи. Казалось, была возможна (и потому ожидалась) при молодом царѣ новая эра широких и глубоких реформ в фактическом, но крайней мѣрѣ, единеніи общественнаго мнѣнія и монархической власти.

В глубинѣ души и многіе радикальные элементы среди молодежи той эпохи предавались этим надеждам. Ибо начало 90-х гг. прошлаго вѣка было эпохой не только ренессанса в Россіи идеи и культа гражданской и политической свободы, но и выпѣтанія тѣх социалистических идей, которыя властвовали над предшествующими поколѣніями. Уже “народовольцы” в сущности боролись не за социализм, а за политическое освобожденіе страны. Еще болѣе это относится к социалистам начала послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка, к тому политически, либерально и демократически, окрашенному марксизму, который стал дѣлать в эту эпоху свои идейныя завоеванія среди русской молодежи. Основы этому виду русскаго марксизма положили заграницей зачинатели русской социалдемократіи — П. Б. Аксельрод, Г. В. Плеханов и

В. И. Засулич. Теоретически это был революционный марксизм в духѣ Маркса и Энгельса и их вѣрных послѣдователей, германских социал-демократов; практически это был — в облачении марксистской идеологии — либеральный демократизм, стремившійся к широким, как политическим, так и социальным реформам.

Еще болѣе приложима эта характеристика к значительной части тѣх молодых марксистов, выступивших тогда в “легальной” печати и развивавших в ней взгляды, в которых отрицаніе самобытнаго русскаго “народническаго” социализма и особаго отличнаго от Запада социалистическаго призванія и пути развитія Россіи сочеталось с любовью к свободѣ в ея гражданских и политических проявленіях, т. е. с либеральным демократизмом чисто западноевропейскаго типа.

Для меня лично, явившагося осенью 1894 г. в своей первой книгѣ “Критическія замѣтки к вопросу об экономическом развитіи Россіи” застрѣльщиком этого либерально-демократическаго и эволюціоннаго марксизма, суть нашего движенія заключалась в новом обоснованіи, историческом и социологическом, традиціонной борьбы русской интеллигенціи за гражданскія свободы и политическое преобразование государства.

На этой почвѣ пути русскаго марксизма вполне сходились с путями русскаго либеральнаго демократизма, представители котораго окрашивали в значительной мѣрѣ русское земство и земское движеніе.

Это обнаружилось чрезвычайно явственно и ярко для меня при знакомствѣ и сближеніи с Ф. И. Родичевым.

Родичев принадлежал к другому поколѣнію: родившись в 1855 г., он был меня старше на 15 лѣт. Будучи человеком разносторонних духовных интересов, Родичев не был и не мог по своей природѣ быть ни писателем, ни ученым. Он был по призванію чистым политическим дѣятелем.

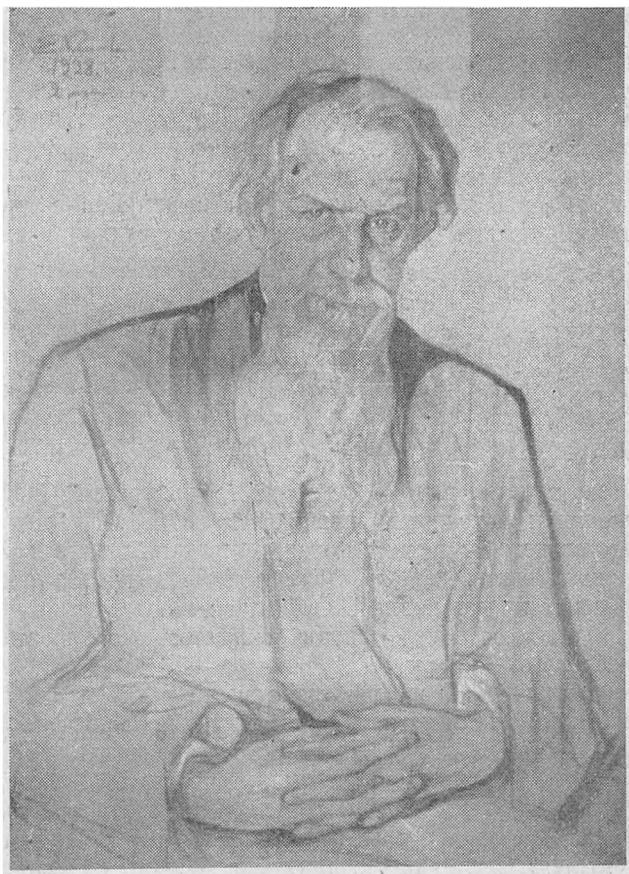
Из моего знакомства и общенія с Родичевым, которое началось, мнѣ помнится, около 1890 г., я очень быстро ощутил близость нѣкоторых основных исходных точек зрѣнія в нашем пониманіи и прошлаго и будущаго развитія Россіи, и эта близость обнаружилась разительно на том историческом эпизодѣ, который в біографіи Родичева занимает центральное мѣсто.

Надежды русскаго образованнаго общества на политическій поворот в связи со смѣной царствованія, происшедшей в концѣ 1894 г., привели к тому, что в нѣскольких земствах возникла мысль — в адресах, обращенных к молодому императору, в самой сдержанной и почтительной формѣ выразить свои политическія надежды и пожеланія. В разных выраженіях, в которых не заключалось ни малѣйшаго политическаго т р е б о в а н і я, Курское, Полтавское, Орловское, Саратовское, Тамбовское, Тверское, Тульское, Уфимское земскія собранія по поводу восшествія на престол и бракосочетанія молодого царя высказали надежду, что земство будет пользоваться довѣріем царя и сможет доводить до него свои мнѣнія и пожеланія. Эти адреса остава-

лись всецѣло на почвѣ существующаго государственнаго строя и отнюдь не касались вопроса о формѣ правленія (1).

Всего ярче такія наклонности были формулированы в адресѣ Твер-

Белград, 1928.

С портрета: раб. худ. Киселевой-Билимович.

АКАДЕМИК П. Б. СТРУВЕ
(1870—1944),

первый редактор «Возрожденія», давший ему это имя.

скаго Губернскаго Земскаго Собранія, самаго прогрессивнаго в то время из русских земств, в котором принимали участие такіе видные дѣятели, как братья И. П. и М. П. Петрункевичи и Ф. П. Родичев.

Приведу текст тверскаго адреса, документа, который повлек за собой удаленіе из земства Ф. П. Родичева, как главнаго вдохновителя

1) Так характеризует земскіе адреса С. Мирный в изданной за границей брошюрѣ «Адреса земств 1894-1895 гг.» Под характерным псевдонимом «Мирный» скрывался будущій член Государственной Думы, извѣстный политическій дѣятель кн. Д. И. Шаховской.

и инициатора этого адреса, и вызвал роковой в своем историческом значении отвѣтъ Николая II — рѣчь, сказанную им 17-го января 1895 г. депутациям дворянств, земств, городов и казачьих войск:

ТВЕРСКОЙ АДРЕС

“Ваше Императорское Величество! В знаменательные дни начала служенія Вашего русскому народу, земство Тверской губ. привѣтствует Вас привѣтом вѣрнопопданных. Раздѣляя Вашу скорбь, Государь, мы надѣемся, что в народной любви, в силѣ надежды и вѣры народа, обращенных к Вам, Вы почерпнете утѣшеніе в горѣ, столь неожиданно постигшем Вас и страну Вашу, и в них найдете твердую опору в том трудном подвигѣ, который возложен на Вас Провидѣніем. С благодарностью выслушал народ русскій тѣ знаменательныя слова, которыми Ваше Величество возвѣстили о вступленіи своем на Всероссійскій Престол. Мы вмѣстѣ со всѣм народом русским проникаемся благодарностью и уповаем на успѣх трудов Ваших к достиженію великой цѣли, Вами поставленной — устроить счастье Ваших вѣрнопопданных. Мы питаем надежду, что с высоты Престола всегда будет услышан голос нужды народной.

“Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крѣпнуть при неуклонном исполненіи закона, как со стороны народа, так и представителей власти, ибо закон, представляющей в Россіи выраженіе Монаршей Воли, должен стать выше случайных видов отдѣльных представителей этой власти. Мы горячо вѣруем, что права отдѣльных лиц и права общественных учреждений будут неизблемо охраняемы.

“Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнѣніе по вопросам, их касающимся, дабы до высоты Престола могло достигать выраженіе потребностей и мыслей не только представителей администраціи, но и народа русскаго. Мы ждем, Государь, что в Ваше царствованіе Россія двинется вперед по пути мира и правды со всѣм развитіем живых общественных сил. Мы вѣрим, что в общеніи с представителями всѣх сословій русскаго народа, равно преданных Престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдет новый источник силы и залог успѣха в исполненіи великодушных предначертаній Вашего Императорскаго Величества.”

РѢЧЬ НИКОЛАЯ II 17-го ЯНВАРЯ 1895 г.

“Я рад видѣть представителей всѣх сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрнопопданных чувств. Вѣрю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что в послѣднее время слышались в нѣкоторых земских собраніях голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями об участіи представителей земства в дѣлах внутренняго управленія. Пусть всѣ знают, что я, посвящая всѣ силы благу

народному, буду охранять начало самодержавія так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный Родитель”.

Трудно изобразить то волненіе, какое в разнообразных кругах общества произвела произнесенная Николаем II 17-го января 1895 г. краткая рѣчь о “безсмысленных мечтаніях”. Это волненіе, однако, не трудно понять, если ясно и отчетливо представить себѣ, что раздавшійся с высоты престола суровый окрик был отвѣтом на самыя умѣренные, самыя почительныя, подлинно вѣрноподданнческія заявленія, исходившія от корпорацій самоуправленія, в которых большинство составляли дворяне, гдѣ участниками были лица, опытные в общественной дѣятельности и исполненныя горячаго патріотизма (2).

Волненіе было глухое, не имѣвшее ни возможности, ни способа выразиться. Печать была несвободна. Но важнѣе было другое. Старшее поколѣніе, к которому принадлежали либералы типа Родичева, за все время реакціоннаго царствованія Александра III совершенно отвѣкло протестовать. В молодых поколѣніях, к которым принадлежал я, были еще сильны “народническія” тенденціи, побуждавшія представителей этих поколѣній относиться несочувственно к идеалам либерализма, невнимательно и порой даже пренебрежительно — к либеральной “умѣренности” отцов и братьев.

Однако, неслучайно по существу в “марксистском” или, как тогда часто говорили, желая отмежевать марксистов-антинародников моего типа от опиравшихся тоже на Маркса “народников”, в “нео-марксистском” лагере молодежи требованія либерализма занимали идейно очень важное мѣсто, эмоционально у многих (в том числѣ у меня) самое важное, центральное мѣсто.

Молниеносно в моем умѣ возникла мысль — немедленно отвѣтить на царскую рѣчь 17-го января как бы от имени всей прогрессивной, равнявшейся к свободѣ и общественной самодѣятельности, Россіи и, в особенности и в частности, от имени земской Россіи. Мысль тотчас была приведена в исполненіе. Я написал “Открытое письмо к Николаю II” и прочел его моим друзьям. Из них прежде всего — А. М. Калмыковой, у которой я жил. Эту интересную и своеобразную жен-

2) О том, какое удручающее впечатлѣніе царская рѣчь 17-го января 1895 г. произвела даже на высшую бюрократію, свидѣтельствует содержащаяся в «Дневникѣ» гр. В. Н. Ламздорфа, потом министра иностранных дѣл Имперіи, запись от 19-го января того же года. Один знакомый Ламздорфа так формулировал впечатлѣніе, непосредственно полученное от рѣчи: «Вышел офицерик, в шапкѣ у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдруг вскрикнул: «безсмысленными мечтаніями!» — Тут мы поняли, что нас за что-то бранят. — Ну, к чему же лаяться?...» К этому разсказу свидѣтеля приѣма гр. Ламздорф прибавляет от себя: «Это описаніе, хотя и вульгарное, крайне характерно. И молодую Императрицу также упрекают, что она держалась словно аршин проглотила и не кланялась депутациям, когда они дефилировали мимо их Величеств» (Красный Архив. том III (46), 1931 г., стр. 26).

Примѣчаніе редакціи: Эти строки из дневника гр. Ламздорфа, как и все остальное в настоящем, столь ярком очеркѣ П. Б. Струве, — **достояніе русской исторіи**; поэтому, как бы к ним ни относиться, они не могли быть выпущены.

пшину, которая в моей личной жизни сыграла весьма большую роль и которая через меня эмоционально-душевно обратилась в "марксизм", а потом, когда мы лично отдалились друг от друга, и формально осталась в "марксистском" лагерьѣ, хотя духовно-идейно марксизм ей всегда был чужд, и она не могла творчески участвовать в нем ни как в умственном, ни как в политическом движеніи, я охарактеризую в другой главѣ моих воспоминаній. А. М. Калмыкову увлек мой порыв — немедленно реагировать на рѣчь Николая II, и она, хотя и всегда отличалась во всѣх своих дѣйствіяхъ величайшей осторожностью, лежавшей в самом существѣ ея сложнаго характера, без всяких колебаній предоставила для осуществленія моего намѣренія имѣвшійся в ея распоряженіи прежде всего культурный цѣли книжный складѣ ректора. Своим "Открытым письмомъ к Николаю II", еще до его размноженія, я подѣлился со своимъ тогда ближайшимъ единомышленникомъ, с которымъ меня связывала и личная дружба, Александромъ Николаевичемъ Потресовымъ. Этотъ талантливый и глубоко честный человекъ и по сую пору остался чистымъ и убѣжденнымъ марксистомъ: на этой почвѣ мы с нимъ потом, когда я окончательно и духовно и практически порвалъ с марксизмомъ, идейно разошлись. Но какъ характерно, что этотъ настоящий марксистъ, именно какъ человекъ вѣрный завѣтамъ социалдемократіи, долженъ былъ при большевикахъ эмигрировать изъ Совѣтской Россіи! А. П. Потресовъ — опять таки безъ всякихъ колебаній — призналъ мысль об открытомъ письмѣ Николаю II политически своевременной, удачной и — какъ сказали бы теперь — "ударной" и всецѣло одобрилъ весьма сдержанный и совершенно безпартійный тонъ самаго письма, текстъ котораго отъ перваго до послѣдняго слова былъ написанъ единолично мною. Вотъ текстъ этого историческаго документа:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ НИКОЛАЮ II

Вы сказали свое слово, и оно разнесется теперь по всей Россіи, по всему культурному міру. До сихъ поръ Вы были никому неизвѣстны; со вчерашняго дня Вы стали опредѣленной величиной, относительно которой нѣтъ болѣе мѣста "безсмысленнымъ мечтаніямъ". Мы не знаемъ, понимаете ли Вы то положеніе, которое Вы создали своимъ "твердымъ" словомъ. Но мы думаемъ, что люди, стоящіе не такъ высоко и не такъ далеко отъ жизни, какъ Вы, и потому могущіе видѣть то, что происходитъ теперь в Россіи, легко разберутся и в Вашемъ и в своемъ положеніи.

Прежде всего Вы плохо освѣдомлены о тѣхъ теченіяхъ, противъ которыхъ Вы рѣшили выступить с Вашей рѣчью. Ни в одномъ Земскомъ Собраніи не слышалось ни одного голоса противъ самодержавной власти, и никто изъ земцевъ не ставилъ вопросъ такъ, какъ его поставили Вы. Наболѣе передовыя земства и земцы настаивали или, вѣрнѣе, просили лишь о единеніи царя с народомъ, о непосредственномъ доступѣ голоса земства къ Престолу, о гласности и о томъ, чтобы законъ всегда стоялъ выше административнаго произвола. Словомъ, рѣчь шла лишь о томъ, чтобы пала бюрократически-придворная стѣна, отдѣляющая царя отъ Россіи.

Вот тѣ стремленія земскихъ людей, которыя Вы, только что вступивъ на престолъ, неопытный и неслѣдующій, рѣшили заклеимить названіемъ “безсмысленныхъ мечтаній”.

Для всѣхъ сознательныхъ элементовъ русскаго общества ясно, кто подвинулъ Васъ на этотъ неосторожный шагъ. Васъ обманули, Васъ запугали представители той именно бюрократически-придворной стѣны, съ самодержавіемъ которой никогда не примирится ни одинъ русскій человѣкъ. И Вы отчитали земскихъ людей за слабый крикъ, вырвавшійся изъ ихъ груди противъ бюрократически-полицейскаго гнета! Вы увлеклись такъ далеко въ ненужномъ охраненіи того самодержавія, на которое ни одинъ земскій человѣкъ не думалъ посягать, что въ участіи представителей земства въ дѣлахъ “внутренняго управленія” усмотрѣли опасность для самодержавія. Такой взглядъ не соотвѣтствуетъ даже тому положенію, въ которое земство поставлено Вашимъ отцомъ и при которомъ оно является необходимымъ участникомъ и органомъ внутренняго управленія.

Но Ваше неудачное выраженіе — не просто редакціонный промахъ: въ немъ сказалась дѣлая система. Русское общество прекрасно пойметъ, что 17-го января говорила Вашими устами вовсе не идеальная самодержавная власть, носителемъ которой Вы себя считаете, а ревниво оберегающая свое могущество бюрократія. Этой бюрократіи, начиная съ комитета министровъ и кончая послѣднимъ урядникомъ, ненавистно расширеніе общественной самостоятельности даже на почвѣ существующаго государственнаго порядка. Она держитъ самодержавнаго монарха внѣ свободнаго общенія съ представителями народа, и самодержцы оказываются лишенными всякой возможности видѣть ихъ иначе, какъ ряженными поздравителями съ иконами и подношеніями. И рѣчь Ваша еще разъ доказала, что всякое желаніе представителей общества и сословіи быть чѣмъ-нибудь большимъ, — всякая попытка высказаться передъ Престоломъ, хотя бы въ самой вѣрноподданической формѣ, о наиболѣе вопіющихъ нуждахъ русской земли—встрѣчаетъ лишь грубой окрикъ...

Русская общественная мысль напряженно и мучительно работаетъ надъ разрѣшеніемъ коренныхъ вопросовъ народнаго быта, еще не сложившагося въ опредѣленныя формы со времени великой освободительной эпохи и недавно въ голодные годы пережившаго тяжелаго потрясенія. И вотъ, въ такое время вмѣсто словъ, общающихъ дѣйствительное и дѣятельное единеніе царя съ народомъ, признанія съ высоты Престола гласности и законности, какъ основныхъ началъ государственной жизни, — представители общества, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи и ожидавшіе отъ Васъ одобренія и помощи, услышали лишь новое напоминаніе о Вашемъ всеиліи и вынесли впечатлѣніе полнаго отчужденія царя отъ народа.

Вѣрьте, что и на самыхъ мирныхъ людей такое обращеніе могло произвести только удручающее и отталкивающее дѣйствіе. День 17-го января уничтожилъ тотъ ореолъ, которымъ многіе русскіе люди окружили Вашъ неясный молодой обликъ. Вы сами наложили

руку на Вашу популярность. Но дѣло идет не только о Вашей личной популярности. Если самодержавіе на словах и на дѣлѣ отождествляет себя с всемогуществом бюрократіи, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном дѣйствіи якобы временнаго положенія об усиленной охранѣ, — дѣло его проиграно; оно само роет себѣ могилу и раньше или позже, но во всяком случаѣ в недалеком будущем, падет под напором живых общественных сил. Вы сами своими словами и своим поведеніем задали обществу такой вопрос, одна ясная и гласная постановка котораго есть уже страшная угроза самодержавію. Вы бросили земским людям и с ними вмѣстѣ всему русскому обществу вызов, и им теперь не остается ничего другого, как сдѣлать сознательный выбор между движеніем вперед и вѣрностью самодержавію.

Правда, своей рѣчью Вы усилили полицейское рвеніе тѣх, кто службу самодержавному царю видит в подавленіи общественной дѣятельности, гласности и законности, — Вы вызвали восторг тѣх, кто готов служить всякой силѣ, нимало не думая об общем благѣ и в безгласности находя лучшее условіе торжества личных узкословныхъ выгод. Но всю мирно стремящуюся вперед часть общества Вы оттолкнули.

А тѣ дѣятельныя силы, которыя не способны довольствоваться полной сдѣлок и уступок, трудной и медленной борьбой на почвѣ существующаго порядка, — куда пойдут онѣ? Послѣ Вашего рѣзкаго отвѣта на самыя скромныя и законныя пожеланія русскаго общества, — чѣм, какими средствами удержит оно на законномъ пути и охранит от гибели самыхъ чуткихъ и даровитыхъ, неупорно рвущихся вперед своихъ дѣтей?

Итак, какое дѣйствіе произведет на русское общество первое, непосредственное обращеніе Ваше к его представителямъ?

Не говоря о ликующихъ, в ничтожествѣ и общественномъ безсиліи которыхъ Вы сами скоро убѣдитесь, — Ваша рѣчь у однихъ вызоветъ чувство обиды и удрученности, от котораго однако живыя общественныя силы быстро оправятся и перейдутъ к мирной, но упорной и сознательной борьбѣ за необходимый для нихъ протестъ; у другихъ она сразу обостритъ рѣшимость бороться с ненавидимымъ строемъ всякими средствами.

Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставитъ себя ждать.

С.-Петербург. 19 января 1895 г. (З).⁷

В план не написанія, а размноженія и распространенія письма были, кромѣ А. М. Калмыковой и А. Н. Потресова, посвящены: кн. Дмитрій Ивановичъ Шаховской, Константинъ Константиновичъ Бауеръ и Александра Алексѣевна Штевенъ.

⁷) «Открытое письмо» к Николаю II есть послѣдній историческій документ, напечатанный в извѣстномъ сборникѣ, составленномъ В. Л. Бурце-вымъ при редакціонномъ участіи С. М. Кравчинскаго (Степняка): За сто лѣтъ (1800—1896). Лондонъ 1897.

Кн. Дмитрій Иванович Шаховской тогда еще заканчивал или только что оставил свою работу по народному образованию в Вельегонском земствѣ. Из народника с сильным толстовским налетом он тогда постепенно и медленно превращался в настоящаго политическаго либерала, искавшаго выхода для Россіи в утвержденіи конституціоннаго режима. Кн. Д. И. Шаховской заслуживает особой характеристики, которую я дам в другой главѣ своих «Воспоминаній». Здѣсь скажу только, что с его стороны и мое намѣреніе реагировать немедленно и определенно на царскую рѣчь, и содержаніе и тон «Открытаго письма» не вызвали ни малѣйшаго возраженія.

К. К. Бауер, гимназическій товарищ одного из моих старших братьев, был по гимназій и университету старше меня на четыре года, а по возрасту, пожалуй, был меня старше только на два-три года. Но если в моей политической жизни с кѣм-нибудь у меня сложились настоящія отношенія учителя к ученику, то именно с К. К. Бауером. Я имѣл на него очень большое влияніе и в нѣкоторой мѣрѣ определял содержаніе его духовной жизни и даже его судьбы (4). Под моим влияніем он не пошел по проторенным дорожкам. Получив великолѣпный университетскій диплом (в качествѣ одного из студентов того перваго выпуска Юридическаго факультета Петербургскаго Университета, который, поступив в университет в 1885 г., в 1889 г. держал чудовищно сгущенный и чисто физически трудный государственный экзамен по университетскому уставу 1884 г.), Бауер принял должность секретаря Крестедкой (Новгородской губерніи) земской управы, послѣ того как я его свел с молодым тогда либеральным членом этой управы, милым и скромным, но весьма твердым в своем поведеніи и порядочности Александром Павловичем Храповицким, братом ноньянѣ здравствующаго митрополита Антонія.

Бауер и я мы оба учились в 3-ей СПб. гимназій. Младшій брат Бауера Михаил был моим товарищем по классу, но не мог, по неспособности, окончить полнаго курса гимназій. Его умственный уровень составлял разительный контраст с необыкновенными — правда, по преимуществу рецептивными — способностями брата. Отец К. К. Бауера был товарищем моего отца по Александровскому Лицею, по всю жизнь был небольшим чиновником таможеннаго вѣдомства, гдѣ уже на склопѣ лѣтъ исполнял скромныя обязанности секретаря директора департамента. Его брат, В. В. Бауер, был профессором всеобщей исторіи в СПб. Университетѣ. Из его учеников выдвинулся, как замѣчательный ученый и педагог, Г. В. Форстен. «Рабочій-революціонер» А. Ша-

⁴⁾ О моем влияніи на Бауера и в позднѣйшее время (уже в XX вѣкѣ, перед революціей 1905 г., но до его приѣзда за границу) есть любопытное свидѣтельство правобѣрных социалдемократов большевnickаго лагеря. Близкое к редакціи заграничной «Искры» лицо писало из Самары этой редакціи о Бауерѣ, что послѣдній, вернувшись из ссылки, встал на почву всечеловѣческаго, а не классоваго социализма (это была в ту эпоху моя, как критическаго марксиста, позиція!). Указаніе это сопровождается слѣдующим замѣчаніем: «Кончит он (Бауер), по всей вѣроятности, с т р у в н з о м. Очень жаль, ибо человек он очень значительный и цѣнный». См. журнал «Пролетарское Освобожденіе», 1928 г. № 6/7 (77/78), стр. 163.

повалов в своих крайне наивных воспоминаніях “По дорогѣ к марксизму” (Москва, 1924, стр. 160) говорит о “буржуазной аристократической роднѣ” (замѣчательное, в сущности, противорѣчіе в двух рядом стоящих опредѣленіях!), с которой будто бы порвал Бауер. На самом дѣлѣ Бауер вышел из средней и скромной петербургской чиновничьей семьи нѣмецкаго происхожденія. Одна из сестер К. К. Бауера вышла замуж за офицера Клембовскаго, во время міровой войны бывшаго уже видным боевым генералом.

К. К. Бауер нѣжно любил меня, и я платил ему тѣм же чувством. Это был живой человѣкъ, рѣдкой душевной чистоты, изумительно воспримчивый и способный, с огромной памятью. Он недолго продержался в Крестецком земствѣ и, вернувшись в Петербург, с головой ушел в столичную общественную и политическую работу. Он стал секретарем третьяго, чисто экономического, отдѣленія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, общества, исторически и по существу бывшаго сельскохозяйственным, и через меня вошел в связь с дѣятелями начинавшагося тогда социалдемократическаго рабочаго движенія. Это в 1896 г. привело к его аресту. Бауер просидѣлъ в предварительном одиночном заключеніи в Петропавловской крѣпости почти два года и сослан был административно в Восточную Сибирь. Помню прощаніе мое с ним на Николаевском вокзалѣ — я не мог удержаться от слез при разставаніи с этим ставшим для меня дорогим и близким человѣком, уѣзжавшим в суровую ссылку. Либо тюрьма и ссылка, либо, что болѣе вѣроятно, какія-то тяжелыя личныя переживанія как-то сломили этого вдовораго и жизнерадостнаго человѣка, потому что, когда Бауер, вернувшись из ссылки, пріѣхал ко мнѣ в Штутгарт, гдѣ я тогда издавал “Освобожденіе”, он произвел на меня и на мою жену тягостное впечатлѣніе не только надорванаго и сломеннаго, но прямо таки душевнобольнаго человѣка. От меня из Штутгарта Бауер поѣхал в Швейцарію, откуда вернулся в Россію, гдѣ в 1905 или 1906 г. умер как-то загадочно быстро. Из моих долгих бесѣд с ним в Штутгартѣ я вынес впечатлѣніе какого-то непоправимаго надлома, происшедшаго в личности этого нравственно удивительно привлекательнаго человѣка. Он в Штутгартѣ в 1904 г. много говорил, но как-то невразумительно и несосредоточенно. Но в 1894 и 1895 гг. этот человѣкъ был полон жизни, энергіи и упора. С увлеченіем он выслушал “Открытое письмо” и тектографическими чернилами своим четким крупным почерком переписал мой текст; так получилась одна “порція” экземпляров “Открытаго письма”, написанная рукой моего ученика, такого же, как я, “марксиста” и социал-демократа”, К. К. Бауера.

Другая порція была переписана рукою замѣчательно одаренной русской женщины, нижегородской помѣщицы Александры Алексѣевны Штевен, культурной работницы в области народнаго просвѣщенія. Ея статьи в “Вѣстникѣ Европы”, в которых изображалось ея общеніе с народною средой, дѣтской и взрослой, в свое время обратили на себя всеобщее вниманіе и рѣдкой наблюдательностью, и совершенно недюжинным литературным талантом. В Штевен поражали также жизненность и энергія, увлекавшія по-разному всѣх нас, в особенности

ки. Д. И. Шаховского и К. К. Бауера. Потом эта даровитая женщина вышла замуж за М. Д. Ершова, который на филологическом факультетѣ Петербургскаго Университета был одним из лучших учеников знаменитаго византиниста В. Г. Васильевскаго, но оставил ученую карьеру и по убѣжденію стал дѣятелем народнаго образованія, благодаря своим связям поступив на службу в министерство народнаго просвѣщенія на невидную должность инспектора народных училищ (кажется, впервые в Муромском уѣздѣ Владимірской губерніи), для того, чтобы в этой скромной должности не бороться с земством, а сотрудничать с ним. Это инспекторство Ершова представляло какую-то своеобразную аналогію тому служенію, которому в совершенно другой обстановкѣ кн. Д. И. Шаховской посвятил себя в Весегонском земствѣ. В половинѣ 90-ых годов А. А. Штевен, впоследствии Ершова, увлекалась Л. Н. Толстым. Потом и она, и ея муж, испытав глубокую эволюцію своих взглядов, сдѣлались убѣжденными консерваторами и, в качествѣ таковых, конечно, уже не только не увлекались Толстым и толстовством, но и стали в опредѣленно враждебную позицію к яснополянскому старцу. М. Д. Ершов в XX-ом вѣкѣ был видным дѣятелем тульскаго земства и его выборным представителем в Государственном Совѣтѣ. Когда, в 1909-ом году я посѣтил Л. Н. Толстого в Ясной Полянѣ, я завѣзжал и к Ершовым в их Лебяжье на прославленной Тургеневым и его Касьяном Красивой Мечи. Контраст между народнически-анархическим мировоззрѣніем Толстого и государственно-консервативным мировоззрѣніем Ершовых тогда поразил меня своей непримиримой остротой, сказавшейся и во взаимных отзывѣх (мимоходом Толстой и даже Софья Андреевна весьма пренебрежительно отзывались мнѣ об А. А. Штевен-Ершовой, а, с другой стороны, Ершovy не скрывали своего осужденія по адресу Толстого и антипатіи к нему). Но в 1895-ом году этого контраста со стороны А. А. Штевен еще нельзя было даже и подозревать: тогда она была еще под обаяніем Толстого, однако, подобно всѣм нам, не раздѣляя народнически-анархических крайностей его воззрѣній, а потому всецѣло сочувствуя идеям либерализма и конституціонализма. Этим объясняется то, что Штевен с подлинным увлеченіем продѣлала работу переписки “Открытаго письма” и надписыванія конвертов для его разсылки.

К вечеру 19-го января вся эта работа была кончена. Письмо в запечатанных конвертах, опусканіе которых в почтовые ящики было точно-топографически распредѣлено между названными посвященными лицами, было в этот вечер разослано всѣм предсѣдателям Губернских Земских Управ, нѣкоторым избраным редакціям періодических изданій и нѣскольким, тоже особо избранным, лицам, — на мою долю досталось опустить конверты, адресованные предсѣдателям Губернских Управ в хорошо знакомый мнѣ почтовый ящик на Николаевском вокзалѣ.

Все было сдѣлано очень быстро, и именно быстротой своей, в соединеніи с чрезвычайной умѣренностью по существу, эта реакція на знаменитую царскую рѣчь о “безмысленных мечтаніях” произвела в обществѣ сильное впечатлѣніе.

Через кн. Д. И. Шаховского текст “Открытого письма” был доведен до свидѣнія и главнаго, иниціатора тверскаго адреса, Ф. И. Родичева, и другаго дѣятеля Тверскаго земства, Павла Асигкритовича Корсакова, занимавшаго тогда не маленькую в бюрократическом мірѣ должность предсѣдателя С.-Петербургской Казенной Палаты (по требованію его главнаго начальника, министра финансов С. Ю. Витте, Корсаков, как лицо, подписавшее тверской адрес, должен был немедленно оставить должность и вообще государственную службу). Они оба весьма сочувственно отнеслись к содержанію письма и его одобрили. Об этом в ненапечатанных еще набросках воспоминаній Ф. И. Родичева, любезно сообщенных мнѣ его дочерью, сохранился слѣдующій рассказ, из котораго явствует, что авторство письма иногда приписывалось именно самому Родичеву, — исторія происхожденія этого документа в свое время была, по разным соображеніям, превосходно законспирирована всѣми прикосновенными к нему лицами. Ф. И. Родичев пишет об этом так:

“19-го января (1895 г.) послѣ произнесенія рѣчи о бессмысленных мечтаніях появилось “Открытое письмо к Николаю II”.

Письмо начиналось с указанія, что земству печего было мечтать об участіи в управленіи, потому что оно и так участвовало в управленіи. Указывалось, что слова царя бьют по самым скромным надеждам, возвѣщают упорство в сопротивленіи развитію мысли и самодѣятельности общества, отождествляют самодержавіе с чиновничьим сословным режимом и вызывают на борьбу всѣ живыя силы общества.

Письмо оканчивалось словами: “Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать”.

Молва приписывала мнѣ авторство этого письма. Но я не писал его. Оно написано в квартирѣ Александры Михайловны Калмыковой, у которой жила тогда П. В. Струве и, кажется, Потресов (5). Кн. Д. И. Шаховской принес мнѣ на прочтеніе и цензуру (6) проект этого письма; я его одобрил цѣликом и сомнѣвался только в послѣдней фразѣ. Я не был увѣрен в том, что борьба не заставит себя ждать. — Молодые люди имѣли больше вѣры, и фраза о борьбѣ осталась”.

О впечатлѣніи, произведенном “Открытым письмом” в заграничной революціонно-эмигрантской средѣ того времени, свидѣтельствует передовая, тогда же помѣщенная в “Легучих Листках Фонда Вольной Русской Прессы” и явно принадлежавшая перу С. М. Кравчинскаго-Степняка:

“В то время, как мы здѣсь писали наш отвѣтъ на речь Ни-

5) А. Н. Потресов жил на своей квартирѣ в Озерном переулкѣ.

6) Тут Ф. И. Родичев ошибается. Я отчетливо помню, что ознакомлен с «Открытым письмом» Родичев был уже *post factum*. Это опредѣлялось, прежде всего, исключительной спѣшностью всего этого шага.

колая II, люди, напряженно слѣдившіе за ходомъ событій на мѣстѣ, изготовляли свой. Читатель найдетъ этотъ замѣчательный документъ в настоящемъ же листкѣ. В немъ нѣтъ той рѣшительности в теоретическомъ обоснованіи политическихъ требованій, какую представляетъ голосъ политическаго изгнанника-революціонера, — голосъ в настоящемъ случаѣ суммарный, — и самыя слова “демократическая конституція” еще не произнесены; но практическое заключеніе относительно тактики предстоящей борьбы в нихъ одинаково. Это залогъ успѣха, — залогъ, значеніе котораго возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе мы вчитаемся в “Открытое письмо к Николаю II”, и чѣмъ пристальнѣе вглядимся в обстоятельство, сопровождавшія царскую рѣчь... “Открытое письмо” исходитъ не отъ “дѣтей”, а отъ “отцовъ”, и “отцы” заговорили языкомъ, какимъ подобаетъ говорить отцамъ: с чувствомъ ответственности за будущее, с увѣренностью в своей силѣ, с яснымъ пониманіемъ положенія дѣл и своихъ собственныхъ желаній и с рѣшимостью вступить в упорную, хотя и медленную, борьбу. Конечно, авторы “письма” представляютъ только одинъ изъ типовъ “отцовъ”. Но представителей этого типа, очевидно, достаточно, чтобы указывать путь менѣе рѣшительнымъ, менѣе выдающимся, и они знаютъ, какъ это сдѣлать; они организованы: 17/29-го января произнесена была “рѣчь”, а 19/31-го уже изготовленъ на нее отвѣтъ, отпечатанъ, разосланъ”.

О сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ моимъ “Открытымъ письмомъ” к Николаю II, имѣются и другія примѣчательныя свидѣтельства. В письмѣ от 3-го марта (19-го февраля) 1895 года къ Фридриху Энгельсу Г. В. Плехановъ писалъ знаменитому «alter ego» и преемнику Маркса: “Прилагаю при семъ отвѣтъ русскихъ либераловъ на знаменитую рѣчь Николая. Письмо было перепечатано в Лондонѣ, но оно — подлинно; оно обошло Россію раньше, чѣмъ попасть в Лондон. Вы увидите из письма, что мы можемъ надѣяться на лучшія времена”. (Цит. письмо напечатано в изданіи: Группа “Освобожденія Труда”. Из архива Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча. Москва. 1924. Сборникъ № 2, стр. 336-337). Плехановъ, конечно, тогда и не подозрѣвалъ, что “Открытое письмо” было написано мною. С другой стороны, гр. В. Н. Ламздорфъ, под 12 февраля 1895-го года, записалъ в своемъ “Дневникѣ”: “По рукамъ ходитъ копія Открытаго письма, адресованнаго Императору, в которомъ содержится протестъ противъ знаменитой рѣчи 17-го января о “безмысленныхъ мечтаніяхъ”. Кажется, эта злополучная рѣчь-выговоръ имѣетъ самый печальный откликъ в провинціи. Стихи, сочиненные Мятлевымъ, заканчиваются словами: *Dournovo — tête de veau* (“Красный Архив”, т. 46 (III), 1931 г., стр. 36).

То, что я, застрѣльщикъ “легальнаго” марксизма, тогда только что в кратчайшее время ставшій признаннымъ “идеологомъ” этого движенія, в сущности и духовно, и фактически, какъ инициаторъ и авторъ “Открытаго письма”, объединился и сошелся с земскими либералами, этотъ

факт имѣл и большой исторический смысл, и немалое значеніе для моего личнаго политическаго развитія.

Между “марксизмом” моего типа и земским “либерализмом” такихъ людей, какъ Родичев, было не только тѣсное соприкосновеніе, но и ближайшее внутреннее родство.

Путем историческихъ размышленій и безопаднаго анализа и социологическаго осмысливанія экономическихъ и политическихъ фактовъ современности русскіе марксисты той эпохи пришли къ отрицанію “народнической” схемы русскаго экономическаго, социальнаго и политическаго развитія. Къ тѣмъ же отрицательнымъ выводамъ пришли немногіе послѣдовательные либеральные теоретики такого типа, какъ Борисъ Николаевичъ Чичерин. Интуитивно-художественно на этой “западнической” позиціи утвердился, какъ извѣстно, и И. С. Тургенев. Такие люди, какъ П. А. Корсаковъ и Ф. И. Родичев, своею практическою дѣятельностью были приведены къ такому же пониманію русскаго развитія. Родичев самъ в своихъ воспоминаніяхъ рассказалъ и о томъ, какое вліяніе имѣл на него Корсаковъ, самый, на мой взглядъ, ясный и, главное, трезвый русскій либеральный умъ, встрѣченный мною за всю мою жизнь, и о томъ, какъ онъ, самъ Родичев, в столкновеніяхъ практическаго дѣятеля с жизнью, освободился отъ славянофильски-народническихъ предрассудковъ в пользу общины, артели, круговой поруки и т. п. прелестей патриархально-крѣпостнаго уклада.

Родичев совсѣмъ молодымъ человѣкомъ сражался в Сербіи и за Сербію в качествѣ русскаго добровольца. Потомъ ему знаменитый русскій историкъ права и государствовѣдъ, профессоръ С.-Петербургскаго Университета, Александръ Дмитріевичъ Градовскій, предлагалъ остаться при университетѣ по кафедрѣ государственнаго права. Родичев, избранный в почетные мировые судьи своего уѣзда, далъ себя назначить исполняющимъ обязанности участкаго мирового судьи и погрузился в эту работу, сдѣлавшую его деревенскимъ жителемъ, сельскимъ хозяиномъ, земцемъ и поставившую его лицомъ к лицу с русскимъ сѣвернымъ крестьянствомъ. С ноября 1876 года онъ жилъ с крестьянами, разбираясь в ихъ дѣлахъ, в качествѣ мирового судьи, члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, предсѣдателя этого и другихъ уѣздныхъ присутствій, гласнаго земскихъ собраній и — *last but not least* — сельскаго хозяина, ведшаго такое предпріятіе, какъ винокуренный заводъ.

Родичевъ приступилъ къ этому бытовому и дѣловому общенію с крестьянствомъ с “распространеннымъ тогда среди молодежи убѣжденіемъ в великомъ значеніи общины, с вѣрой, что, благодаря общинѣ, в Россіи не образуется пролетаріата, и социальный вопросъ будетъ разрѣшенъ мирнымъ развитіемъ общины”. “Мы воспріяли, — говоритъ Родичевъ, — слова Герцена: “Успокойтесь, господа, у насъ есть община”.

“Я былъ, — продолжаетъ Родичевъ, — конечно, противникомъ взглядовъ Чичерина, видѣвшаго в общинѣ, в передѣлахъ, послѣдствіе вліянія крѣпостнаго права, и ждалъ, что жизнь свободнаго крестьянства покажетъ быстрое развитіе и торжество общины. Община, вѣрили мы, это — та почва, на которой создастся новый общественный строй. Минула бур-

жуазный період, свободная от язвы нищенствующаго пролетаріата, Рос-сія мирным путем осуществит идеал соціализма”.

Эти мечтательные взгляды были у Родичева совершенно развѣяны дѣловым соприкосновеніем с дѣйствительностью русской деревни. Постепенно, под вліяніем уроков жизни, опровергавших міровоззрѣніе, усвоенное из книг и воспринятое, как вѣрованіе, Родичев пришел к убѣжденію, что не община и не общинные навыки спасут Россію и выведут ее на путь прогресса, а утвержденіе личной свободы, раскрыщеніе крестьянства от остатков крѣпостного и тяглового режима. К 1881 году новые взгляды, вынесенные Родичевым из наблюдений над крестьянской жизнью, уже окончательно сложились и были формулированы им в качествѣ члена комиссіи Тверского Губернскаго Земства, в замѣчательной запискѣ, представленной в знаменитую Кахановскую Комиссію и вызвавшей — по словам самого Родичева — нѣкоторый интерес в самом Кахановѣ. Не помню, обратил-ли сам Родичев мое вниманіе на эту записку, без всякаго сочувствія перепечатанную в 1887 году в одной почти забытой статьѣ “Русскаго Вѣстника” (кому принадлежала эта статья, подписанная буквой N.? Предполагаю, что либо К. Ф. Головину-Орловскому, замѣчательному консервативному публицисту и романисту, либо С. Г. Шегловитову, под псевдонимом С. Невѣднскаго, написавшему большую книгу о М. Н. Катковѣ, составившуюся из статей, печатавшихся в “Новом Времени”), или я, с молодости отличавшійся книголюбіем и библиографическим нюхом, самостоятельно отыскал ее, но когда я в “Новом Словѣ”, перешедшем с марта 1897 года в руки “марксистов”, стал вести под инициалами *И. В.* внутренніе обзорѣнія, озаглавливаемые “Текущіе вопросы внутренней жизни”, то в первом же таком обзорѣніи, явившемся по существу небольшим исследованием, посвященным вопросу о всесословной волости, я воспроизвел родичевскую записку, вставив ее в общую историческую рамку проблемы “сословной отчужденности, или замкнутости крестьянства”, как “незавиднаго наслѣдія крѣпостного права, слишком медленно ликвидируемаго жизнью”.

«Личные права крестьян — писал 26-лѣтний Родичев в 1881 г. — в сравнении с правами лиц других привилегированных сословій существенно ограничены в силу особаго «податнаго» состоянія. Так называемое податное состояніе есть в сущности государственное крепостное право, скрывавшееся до 19-го февраля 1861 года за частным крепостным правом, которое в свое время из него выросло. Крепостное состояніе есть повинность человека работать в чью-либо пользу, причем гарантіей исполненія этой повинности служит ограниченіе его личной свободы и прежде всего его прикрепленіе к земл. До 19-го февраля крестьянин был повинен помещику работой или платежем; размер этой повинности был произволен; отбываніе ее гарантировалось ограниченіем личных прав крестьянина и властью помещика. Ныне повинность крестьянина определена строго, иногда она выше, иногда ниже прежней, отбываніе этой повинности обезпечивается оставшимся в силе прежними ограниченіями его свободы и подчиненіем его обществу и администраціи, к которым перешла почти в полной силе прежняя помещичья власть над личною крестьянина. Это особенное состояніе крестьян в настоящее время не находит себе оправданія ни в соображеніях государственной необходимости, ни, тем болѣе, с точки зрѣнія справедливости и человеколюбія.

“Все сказанное, — так заканчивалась родичевская записка, — ...сводится к освобождению от прикрѣпленія к землѣ и к уничтоженію тѣх ограниченій прав, которыя ставят крестьянина в особое положеніе человѣка, живущаго не для себя и не так, как ему хочется, а для казны и как казнѣ выгодно. Закон и теорія говорят, что с 19-го февраля 1861 года труд крестьянина свободен, и сам он — свободный собственник. Опыт ежедневной жизни, из котораго берет свои понятія простой человѣкъ, доказывает ежечасно другое”.

Так между тѣми двумя русскими направленіями, которыя были извѣстны под наименованіями “марксизма” или “нео-марксизма” и “либерализма” или “демократизма” (с характерной русской прибавкой “земскій”), установилось не в силу личных отношеній, а в силу значительнаго совпаденія в пониманіи историческаго развитія и политических задач, весьма существенное взаимопониманіе и взаимоотношеніе. Про себя лично я могу категорически сказать, что уже в 1894-1895 годах я, будучи “марксистом”, был духовно столь же близок к Родичеву, Петрункевичу (котораго я лично тогда еще не знал) и вообще к земским либералам конституціонно-демократическаго типа, сколько и к русским основоположникам так называемаго “революціоннаго марксизма” — Аксельроду, Плеханову и Засулич. Но и эти послѣдніе, как я убѣдился потом на основаніи близкаго личнаго общенія, несмотря на теоретическую пропасть, отдѣлявшую их “революціонное” міровоззрѣніе от демократическаго либерализма, и духовно, и душевно сильно влеклись к послѣднему (в особенности ярко это влеченіе сказывалось всегда у Аксельрода, в 90-ых годах с симпатіей и даже нѣжностью отзывавшагося о Родичевѣ). Но об этом, равно как о моем соотношеніи и моих столкновеніях с Лениным, человѣком совершенно другаго чекана и умонаклоненія, — столкновеніях, занимающих в наших политических біографіях весьма видное мѣсто, рѣчь будет в другой главѣ моих воспоминаній. Сейчас же я постараюсь охарактеризовать здѣсь и личность Родичева, и мои дальнѣйшія с ним отношенія.

Родичев был по натурѣ своей политическій трибун, с страстным темпераментом и большим ораторским дарованіем. По характеру своего ораторскаго дарованія он был сродни в извѣстной мѣрѣ Жюресу, но без той литературной культуры, а, главное, без той риторической выучки, которая сызмальства прививается всеѣм французам. Родичев был в повой Россіи одним из трех больших ораторов. Двое других были: В. А. Маклаков и П. А. Столыпин. Силу и слабость Родичева, как оратора, составляло то, что он был и м и р о в н з а т о р, чѣм в сущности никакой оратор, а в особенности политическій, не должен быть. Но то, что, будучи импровизатором, Родичев был большим оратором, именно и свидѣтельствует о его огромном ораторском дарованіи. Это был оратор Божьей милостью. Въѣд у него до конца 1905 года, когда ему стукнуло 50 лѣтъ, не могло быть большаго ораторскаго опыта. По содержанію своих задач земскія собранія вообще не давали никакого ни ма-

теріала, ни простора для ораторских выступлений; это были собрания не политическія и к тому же — по закону — собиравшіяся рѣдко и застѣдавшія недолго. Адвокатом Родичев сдѣлался поздно, когда он уже был превосходным оратором, и адвокатурой занимался мало и, повидимому, нехотя (в отличіе от В. А. Маклакова, развившаго свой большой ораторскій дар на большой адвокатской практикѣ, уголовной и гражданской). Если бы Родичев присоединил к своему огромному ораторскому дарованію такую большую общую и литературно-риторическую культуру, какаѣ была у Жореса, из него бы получилось прямо громадное явленіе русской духовной культуры вообще, ибо в ряду тѣх трех ораторов, которых я упомянул выше, Родичев был, несомнѣнно, первым по природному дарованію. Но и так Родичев должен войти, как блестящая фигура в исторію русскаго словеснаго искусства в широчайшем смыслѣ и, тѣм самым, — в исторію національной литературы, подобно нашим лучшим духовным или церковным ораторам.

В поддержкѣ основаннаго в 1902 году под моею редакціей заграничнаго либеральнаго и конституціонно-демократическаго органа "Освобожденіе" Ф. И. Родичев принимал участіе и как политическій дѣятель, и как сотрудник, и как личный друг. Он продѣлал вмѣстѣ с "Освобожденіем" и с поддерживавшими его земскими либералами тот сдвиг налѣво, который в момент первой русской революціи 1905 года отвердился в образованіи партіи конституціонно-демократической, или партіи народной свободы.

Родичев принял программу этой партіи, но в частности та особенность соціальной программы конституціонно-демократической партіи, которая заключалась в требованіи частичнаго принудительнаго отчужденія помѣщичьих земель в пользу крестьян, никогда не возбуждала в нем не только энтузіазма, но даже и простаго сочувствія. Он предпочитал установленіе на земельную собственность прогрессивно-подходящаго налога в комбинаціи с налогом помущественным. Но Родичев понимал политически-психологическую необходимость этого пункта для к.-д. партіи и критиковал припятіе претившаго ему пункта, кажется, лишь в интимных личных бесѣдах.

Во всѣх Государственных Думах (первой, второй, третьей, четвертой) Родичев был одним из немногих безспорно первоклассных по значенію ораторов: его слушали и иногда боялись. Но на его парламентском ораторствѣ — нужно сказать откровенно — неблагоприятно и невыгодно отразились два обстоятельства. Парламентскій оратор должен всего больше стремиться к тому, чтобы импонировать своим противникам или внушать этим противникам почтеніе и к защищаемому им дѣлу, и к нему самому, к оратору, — этот дар, это умѣніе было в высочайшей степени присуще В. А. Маклакову и составляло его силу. Родичев не умѣл или не хотѣл обезоруживать и покорять противников; скорѣе он им бросал вызовы или даже их прямо раздражал.

Другое обстоятельство состояло в том, что Родичев был чистым политиком и исключительно политическим оратором. Конечно, у него было солидное юридическое образованіе и значительный судебный и административный опыт. Но он, в отличіе от Маклакова, Кокошкина, Винавера,

Петражицкаго, Новгородцева, не был вообще юристом-специалистом. Вообще он не был ни в какой области и ни в какой мѣрѣ специалистом. Это могло быть источником силы, но также и — слабости. Иногда в его рѣчах поэтому не оказывалось объективнаго и непререкаемаго содержания, был только политическій темперамент и натиск, и онѣ производили впечатлѣніе декламаций. Это в особенности сказывалось к концу его парламентской карьеры, перед тѣм, как революція 1917 года смела самоё Государственную Думу.

Может быть, в связи с этим свойством не-специалиста стояло у Родичева то, что при большом знаніи жизни, опиравшемся на многолѣтній судебный и административный опыт, Родичев не оказался вовсе реальным политиком.

Впрочем, это была судьба и трагедія не его личная, а всей конституціонно-демократической партіи.

В его фигурѣ эта трагедія только обнаружилась особенно ярко и отпечатлѣлась особенно выразительно. Тут я касаюсь вопроса, для меня роковым образом сплетающагося со всей проблемой русской революціи.

Я однажды назвал Родичева л ю б о в н и к о м с в о б о д ы. Это была дѣйствительно всепоглощающая любовь всей его жизни, и он видѣл в деспотизмѣ русской самодержавной власти единственнаго врага и главное несчастье Россіи. Родичев был одержимый поэт и жрец либерализма.

И, как почти все русскіе люди, возлюбившіе свободу, либералы типа Родичева видѣли опасность и угрозу для нея только в старой власти, в исторической власти монарха, в сущности уже канитулировавшей в 1905 году перед либеральной общественностью и переставшей окончательно быть тѣм “царизмом”, о котором на Западѣ принято было говорить с таким ужасом, и не замѣчали новой и в то же время по существу старой опасности — зараженія народа социальным и культурным революціонизмом интеллигенціи, — зараженія гораздо болѣе грознаго, гораздо радикальнѣе угрожавшаго началам свободы и господству права, чѣм какія-либо “реакціонныя” поползновенія монархической власти. Это была слѣпота в отношеніи к реальностям жизни.

Начиная с декабря 1905 года, с момента московскаго вооруженнаго возстанія — как бы ни оцѣнивать политику правительства в період 1905-1914 годов, — реальная опасность свободѣ и правовому порядку грозила в Россіи уже не справа, а слѣва. Послѣдующія событія в Россіи и вся новѣйшая эволюція политической жизни в Европѣ ясно показали и доказали это. К сожалѣнію, вся русская оппозиція, с конституціонно-демократической партіей во главѣ, не понимала этого простого и яснаго соотношенія.

Этим опредѣлялась не только ошибочная политика, какую вели, но и неправильный духовный и душевный тон, который послѣ 17-го октября 1905 года брали силы русскаго либеральнаго демократизма в отношеніи царскаго правительства вообще и П. А. Столыпина, в частности. В частности, вся эта политика и весь этот тон были ошибочны еще и потому, что в эпоху 1905-1914 годов родичевскіе постулаты раскрѣпощенія крестьян были все цѣликом приняты и осуществлены царским

правительством, и прочным фундаментом нового, действительно свободного русского крестьянства становился призванный к жизни Столыпиным свободный от общины хуторянин и отрубник.

Правительство вообще, с царем во главе (но к П. А. Столыпину этот упрек приложим всего меньше), тоже не понимало, что с государственными силами оппозиции, во главе которой духовно во всю ту эпоху стояли конституционалисты-демократы, нужно было спорить не о власти, а о существе той политики, которую историческая власть царя должна была, в союз с конституционно-демократической оппозицией, осуществлять в борьбе с надвигающимися на страну революционными силами. Уступки тут должны были быть взаимными, и я думаю, со стороны оппозиции они и по существу, и по духу должны были быть гораздо более глубокими и решительными, чем со стороны исторической верховной власти. Но русская конституционно-демократическая оппозиция просто не видела той опасности, которая грозила начаткам свободы и правовой культуры вообще в нашей стране со стороны революционного максимализма и со стороны той народной низовой стихии, которую этот максимализм подымал. Совершенно ясно, что одна, своими только силами, конституционно-демократическая оппозиция, взяв в свои руки всю власть, не могла бы справиться с этим революционным натиском, что ей нужен был для этого союз с чисто-консервативными силами и элементами в народ, в общество и, главное, в бюрократии и в армии. Теперь, так ска *post factum* и *ex eventu* совершенно ясно, что, если бы в 1906 году или в какой-нибудь другой момент эпохи с 1906 по 1914 год было образовано "общественное" или даже "парламентское" министерство, ему бы пришлось с революционным максимализмом интеллигенции и народных масс вести не менее жестокую политическую и полицейскую борьбу, чем то был вынужден дѣлать Столыпин, или — жалко капитулировать перед торжествующей улицей.

То же в еще большей степени приложимо к эпохе великой войны, когда парламентское министерство имѣло бы историческое и политическое оправдание только в том случае, если бы оно вступило в гораздо более решительную борьбу с таившимся в тылу интеллигентским и народным пораженчеством. В силах ли была бы парламентская, демократическая по намерениям и приемам власть, нормальным порядком, через призыв Императора, образовавшаяся, справиться с этим пораженчеством, более чем сомнительно. Ни у кн. Г. Ю. Львова, ни у П. Н. Милокова, ни у Ф. И. Родичева, ни, всего меньше, у А. Ф. Керенского не было того государственного закала, который был у Клемансо.

Я не увѣрен в том, что на склонѣ лѣтъ, послѣ революціи и в результатѣ ся став "эмигрантом", Ф. И. Родичев понимал все это. Повидимому, как любовник свободы, может быть, по-своему любившій также и государство, как организацию порядка, но привыкшій к крѣпости и почти незыблестности государства в антипатичных ему формах капитулировавшаго в 1905-ом году самодержавія, — он как-то думал, что достаточно как можно решительнѣе и окончательнѣе снять с Россіи могучій обруч исторической государственности, чтобы в странѣ прочно утвердились свобода и право. Это была, конечно, иллюзія не одного Ро-

дичева, но и большинства русских конституционалистов и демократов. В силу этой иллюзии, будучи в основѣ своего міровоззрѣнія всего ближе к консервативному либерализму (ибо социализм, как полное отрицаніе хозяйственной свободы, он умом и чувством отвергал), Родичев в то же время не понимал и не ощущал, в какой мѣрѣ по самой сути своих стремлений он сам, совершенно независимо от политических эмоций, страстей и пристрастій, был близок к П. А. Столыпину. То освобождение русскаго крестьянства от вѣковых хозяйственных, социальных и административных пут, котораго в 1881 году требовал молодой либерал Родичев, было в 1906-1911 годах главной цѣлью стремлений зрѣлаго консерватора Столыпина. Это — просто неоспоримое историческое констатированіе.

Трагедія русскаго либерализма и с тѣм вмѣстѣ и трагедія русской государственности состояла в том, что, вмѣсто того, чтобы быть политическими союзниками, либерал Родичев и консерватор Столыпин оказались политическими противниками и даже врагами. И справедливость требует об этом роковом итогѣ русской исторіи начала XX вѣка сказать: «*peccatum est intra et extra muros*». *)

Прага, іюнь 1933 г.

П. Струве.

*) То-есть, в вольном переводѣ: «Грѣх был и на защитниках стѣн, и на штурмующих.» (Ред.)

ПОЛУДЕННЫЙ ЖАР

Жаркій день, вся дворня на покосѣ, усадьба кажется брошенной, — во всей усадьбѣ только я и дурочка Глаша. Она гостит у нас, теперь сидит под раскрытым окном людской, обращенной задом к солнцу, темной, полной мух и оттого, что в ней пекли утром хлѣбы, очень жаркой. Сидит и что-то говорит: часто сидит так до самого вечера и все говорит, вслух думает. Я вышел из дому, — увидав меня, кличет к себѣ:

— Папаша, поди-ка ко мнѣ. Поди, не бойся.

Я вхожу в тѣнь от избы и сажусь под окном на скамейку.

— Чего-ж мнѣ бояться, Глаша, я не боюсь.

Она качает головой:

— У, дурак, дурак. Как же не бояться? Я глупая, убогая, а спокон вѣку боюсь. Все думаю, все боюсь. Прежде лежала сколько лѣтъ, а он меня в телѣжкѣ возил...

— Кто возил?

— Оська возил, сирота, отрок Божій, первый вор был на всѣх ярманках, потом, сказывали, в острогѣ в Задонскѣ сидѣл. Я, бывало, лежу, а он меня везет, по всѣм деревням впричѣтъ кричит, милостинку на меня просит, а я лежу, я, мол, убогая, безногая. Мнѣ не Бог ножки отнял, я сама отлежала их, сама в телѣжку легла, а то кто-ж бы мнѣ дал, кто милостинку сотворил? Никто бы не дал, дур и так на свѣтѣ много, побирušек, папаша, много, а народ, он жадный. Они всѣ, мужики-то, жадные, всякому жалко с копейкой разставаться, а корку-то, он ее блажѣй цыпленку размочит, цыпленка своего напитает. Я и лежу, а он кричит, по полям, по деревням меня везет, по ярманкам. По ярманкам хорошо бывает, народ гамит, карусели летят, музыка, колокольчики, по церквам трезвон, не то что в полѣ, там-то и есть самый страх и жар.

— Какой страх и жар?

— У, дурак, дурак. Какой-же бывает жар? Полуденный жар, в какой Еву полуденный бѣс искусил. А как бросил Оська меня возить и телѣжку себѣ взял, я сама, папаша, стала просить, сама стала ходить, меня теперь всѣ знают, всѣ почитают, на станцію приду, жандар честь отдает, буфетчик чаем угощает. А по полям, по степям, нѣту там, папаша, живой души, одни видѣнія.

— Что ж тебѣ видится?

Задумалась, стала говорить, глядя в даль:

— В церковь вѣнчать привезли меня, папаша. Жених высокий, лютый, а красивый, заглядѣнье. Заглядѣнье, до чего хорош!

Свѣчи зажгли, вѣнцы на нас надѣли. Народ стоит, а никто ничего не говорит. Боятся, папаша. Боятся. А на мнѣ будто портки черныя, пинжак черный, я и рада, хорошая стою. Рада, веселая...

— Ну и что ж? Перевѣнчали вас, а потом?

Она очнулась от задумчивости:

— У, дурак! Нешто можно спрашивать? Оя блуд со мной сотворил, а у меня сердце зашлось, я аж пѣтухом закричала от той ужастя, проснулась и вся трясусь, плачу, рыдаю, а на меня ангелы крыльями дуют со всѣх сторон, ничего не видать, темь, погреб, а я вижу, как они бѣлѣются, вихрем выются округ меня... У, дурак, дурак! — ласково и восторженно сказала она грубым голосом и захохотала диким, блаженным хохотом. — А ты говоришь: не бояться! Как же не бояться?

Успокоившись, опять заговорила задумчиво:

— Да, вот он Преподобный был, а как погибал! Он святой был, Серафимом звали, ангелом, а сперва простой будильщик был. Была там обитель в лѣсу, а он монахов будил: «Вставайте, вставайте, душу не проспите!» По ночам их будил. Семь лѣтъ будил, послушанье нес, потом дьяконом сдѣлали. А то все будил: вставайте, мол, — бѣсы на вас по кельям глядят, глазами горят, дышают, кахают. А как дьяконом стал, еще пуще страсти натерпѣлся. Выйдет, выйдет к народу, поднимет орарь, хочет возгласить, а нѣтъ, ничего не может закричать. Стоит, молчит, во всѣ глаза смотрит. Народ стоит, ничего не видит, а он видит, и то в жар его кинет, то в чистый мороз: то красный как кумач сдѣлается, то как снѣг бѣлый. Да. Народ молчит и он молчит, только одно видит: по всей церкви ангелы служат, по воздуху плывут, кадилами, дымом машут, грозой сверкают, ризы бѣлыя, крылья бѣлыя... Я тогда у батюшки гостила, он все мнѣ сказывал, по книжкѣ читал. Как пьяный, так читать. Без умолку читал!

— У какого батюшки?

— У, как же не знаешь? У отца Ѳедора, Успенье Пресвятой Богородицы. Церковь Успенья Царицы Небесной! И Она, милый, тоже померла! Померла, папаша! И у него сын помер, от чахотки погиб, отец пьяница и он пьяница был. Вошли, а он на диванѣ лежит, закатил глаза, за рубашку себѣ сгреб, за грудь и только пѣну с губ пускает. Матушка вошла, поглядѣла — дышит, мол, ай уж нѣтъ? Нѣтъ, папаша, ничего не дышит! Царство Небесное! Заплакала, залилась, чего ж вы, кричит, в больницу не съѣздили. А батюшка на насѣкѣ был, рой огребал, а он один в горницѣ лежал на этом диванѣ... Потом раздѣли всего, на пол стащили, пришли старухи с горячей водой, с ведрами, стали его мыть, а он лежит, — худой лежит, папаша, бѣлый весь, как пшеничная мука бѣлый, голый. Потом рубашку на него крахмальную надѣли, на стол в ней положили, совсѣм новая была. Потом стали нищам его добро раздавать, мнѣ его прежнюю подарили, с косым воротом, а я взяла да ночью в бурьян бросила, он помер в ней, как же мнѣ ее носить? А гроб шибко несли! Батюшка спѣшит, кадилем

взвивает, а сам плачет, рыдает: Коля мой, Коля, что ж ты надо мной надѣлал! Как же я тебя своими руками хоронить буду? Лучше сана лишусь, а сам не могу! А я, убогая, глупая, свое думаю, свое вспоминаю, как меня самое хоронили.

— Как это тебя хоронили, Глаша? Что это ты говоришь?

— Хоронили, милый, хоронили. Всѣ архирейи собрались, всѣ священники. Везет меня Оська в степи, а тут рабочая пора вот-вот, всѣ косить пойдут, всѣ ржи сухія, желтыя, горячія — гляну, гляну, а им конца-краю нѣту, желтыя, аж глаза ломит, жар огнем душит, и нагдѣ-то ни души живой, ни голоса, будто всѣ на свѣтѣ смолкли, померли! Хлѣб стоит, горит, грач, и тот боком на дорогѣ сидит, бѣльма завел, закатил, огнем во весь зоб дышит. А я лежу, закрыла глаза и лежу, меня мухи, оводы ѣдят, а он как пьяный идет, качается, босиком в пыли мѣсит, нагнулся вперед, тащит меня, вся спина, рубаха от мух черная, пьют его пот... Он бы давно ограбил, убил меня в этой степи, в этот жар и зной, сам мнѣ это говорил, со слюнями смѣялся, дурак, и никто бы на свѣтѣ ничего не знал, не слышал, она, эта степь, до самаго моря идет, да что ж он мог ограбить у меня! Один дерюжный мѣшок с корками, с печеными яйцами, с мѣдными копѣйками. Что с меня, милый, взять? Я и задремала, только слышу вдруг — идут и поют, идут на нас по этим желтым ржам и все громче поют, всѣ в ризах в золотых, в черных, в серебряных... Я глянула, а они прямо на нас идут, хороните, поют, рабу Божию во блаженном успеніи, машут на меня горячим ладаном! Закричал тут Оська дурак не своим голосом и помчал во весь дух куда глаза глядят — тѣм мы, папаша, и спаслись, тѣм только и спаслись, милый. А то бы давно мои косточки в землѣ гнили!

Ив. Бунинъ

1947 г.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ

1.

Опять тот сон! Опять полудремота!
Ни образов, ни слов не уловлю...
И в этом снѣ всегда уходит кто то —
Не знаю кто, но я его люблю.

И я брожу по черным острым скалам,
Перехожу бурлящіе ручья...
Как тяжело моим глазам усталым
Искать слѣды — сама не знаю чьи!

И я в тоскѣ смертельной пробуждаюсь
И я не знаю — сплю или не сплю.
И все ищу, среди людей блуждая,
Кого во снѣ так горестно люблю.

2.

Старик, похожій на старуху,
К роялю кресло подкатив,
Стал пальцем подбирать по слуху
Старинный дѣдовскій мотив.

И вдруг зашѣл, заблеял нѣжно,
Как заболѣвшая овца,
Так безобразно безнадежно,
Так без начала, без конца:

«Я очи знал. О, эти очи.
«Как я любил их, знает Бог!
«От их волшебной, страстной ночи
«Я душу оторвать не мог.»

И как фальшивил он ужасно!
Какія он там очи знал?
А за окном блаженно ясно
Закат безмолвный догорал

И луч над горестным видѣньем
Простер в воздушной высотѣ
Как бы святым благословеньем
От нас сокрытой красотѣ.

Т Э Н Д Е М

(Разказ)

Тэндeм этот был ижно-фисташковаго цвѣта с серебряными жилками. Оба его руля были выгнуты по энергичной, но вмѣстѣ с тѣм как бы чувственно-тѣлесной кривой. Его четыре педали. вычурно-ажурныя и одѣтыя в свѣтло-сѣрую резину, мягко поддавались усиліям ног. Оба сѣдла из коричневатой кожи, видимо рассчитанныя на скорѣе аскетическія ягодицы, смотрѣли, правда, в землю сухими хищными клювами. Но это возмѣщалось апетитною пухлостью шин, слегка выпиравших из ободов, и цѣлый рой искр сверкал на солнцѣ в тонких осях колес.

Все это было четко, блестяще и «модернисто», вродѣ дорожной ортопедической машины.

Госпожа и господин Пусид так и говорили: не «тэндeм», а «машина».

— «Мы берем машину сегодня»? или

— «Ты выгладила наши костюмы для выѣзда на машинѣ»?

Ибо нужно-ли говорить, что когда они выѣзжали на своей машинѣ, чета Пусид облачалась в строго-одинаковую у обоих специальную форму одежды. Такой-же изумруднаго цвѣта жилет облегал роскошныя формы госпожи Пусид и сухенькую фигурку ея супруга. Такой-же вязаный колпачек с помпоном покрывал длинный череп мужа и пышный шиньон жены. Такіе-же велосипедныя штаны со вздержкой «эклер» обтягивали мужскія и женскія яшки. И одинаковыя-же перчатки из мягкой блестящей кожи придавали рукам обоих супругов вид каких-то зеленоватых лягушечьих лапок.

Поскольку господин Пусид был слегка близорук и страдал внезапными болями в правой икрѣ, тэндeм вела обычно госпожа Пусид с ея орлиным зрѣніем и богатыми мускулами. Над ними сначала слегка подсмѣивались за это извращеніе велосипедных и супружеских догматов, но очень скоро всѣ жители мѣстечка Валлоле-Клу должны были признать, что эта спортивная пара не лишена извѣснаго благородства.

Каждое воскресенье утром можно было видѣть, как чета Пусид покидала маленькой городок и устремлялась, как два спаренных зеленых жука, к далеким туманно-дымчатым горизонтам.

Пригнувшись под одним и тѣм же углом к рамѣ велосипеда, с одинаково изогнутыми спинами, с точно синхронизированными

движеніями ног и с одним и тѣм-же выраженіем сдержаннаго пыла и трансцендентной важности на лицѣ, они казались двумя хорошо подогнанными частями нѣкоего механическаго прибора. Никогда муж и жена не были так близки друг-другу, не приобщались так восхитительно один другому, не вибрировали так чудно в униссон, как на сѣдлах своего тѣндема. Разверзавшееся перед ними в быстром движеніи пространство, прерывистый свист вѣтра в ушах, запах пыли и придорожной травы и блаженная усталость мускулов опяняла их куда вѣрнѣе, чѣм давно уже забытыя ласки их давняго жениховства. Они буквально составляли одно цѣлое. Сии были едины: одна голова, одно тѣло, одна пара рук и ног, в которых горячилась одна и та-же кровь. И когда они возвращались вечером домой и устанавливали машину в передней своей квартиры, они глядѣли друг на друга глазами, полными нѣжности и усталости, как два любовника, просыпающіеся в одной постели.

Увы, эти еженедѣльные выѣзды не имѣли одинаково благотворнаго вліянія на здоровье обоих супругов Пусид. В то время как вольный воздух и ножной моціон оживляли плоть и укрѣпляли роскошные мускулы госпожи Пусид, муж ея казалось все болѣе сжимался, усыхал и окостенѣвал послѣ каждой новой прогулки. Цвѣтъ лица его дѣлался все болѣе восковым. Близорукіе его глазки щурились и мигали на свѣту. Все чаще подрагивал он от негромкаго сухого кашля. И улыбался он как-то криво, с видом бодрющагося больного. Так он в один прекрасный день и умер. с полной покорностью судьбѣ....

Общественное мнѣніе «судило» госпожу Пусид за то, что она «надорвала ему жилы своей машиной». Но, позлословив, всѣ не могли не согласиться, что вышшія проявленія ея вдовьяго отчаянія заслуживали всяческой похвалы.

Похороны были роскошныя. Угощенія самыя разнообразныя. Туалеты ея были скромно-добротны и достойны ея горя, все как полагается.

Каждое воскресенье утром, госпожа Пусид садилась на свой гѣндем и отправлялась на кладбище, являя грустное, прямо таки сердце-раздирающее зрѣлище всѣм жителям мѣстечка Балюле-Клу.

Госпожа Пусид, в глубоком траурѣ, занимала по своему обыкновенію переднее мѣсто тѣндема, а заднее сѣдло, блестящее, пустое, ненужное, горестно и жутко напоминало о дорогом, безвозвратно-ушедшем. Энергично крутя педали, вдова не оборачивалась; ея тяжелое, распухшее от слез и красное от горя лицо выдѣлялось ярким пятном среди черноты ея траурных одѣяній. На скатѣ пышной груди блестял небольшой драгоценный крестик. Безконечная черная вуаль плыла за нею по вѣтру, как чернильнаго цвѣта дым. Но самыя насмѣшливые люди не смѣли улыбаться, когда она проѣзжала у них под окнами. Про нее говорили: «Она так мужественно переносит свое горе, что ей можно простить все».

Мало по малу, однако, эти трогательныя поѣздки на кладбище осуществлялись все рѣже. Несчастная женщина начала уставать от публичнаго проявленія горя, которое уже зритуплялось от времени. Она очень страдала от одиночества. Иными веселыми вечерами она долго оставалась у раскрытаго окна, слегка распаренная, жадно вдыхая запах свѣже-перевернутой земли, и глубоко вздыхала, нервно покручивая двойныя тесемки своего лифчика. Ей грезились сладострастныя паденія в объятія нѣкаго незнакомца, без лица и без имени. Жажда ласк, признаній, нѣжных слов обуревала ея сердце. Крупныя слезы наворачивались на тяжелыя вѣки волоокой вдовы.

Как-то ей пришлось зайти к торговцу велосипедами, чтобы купить свѣтло-коричневые кожаные торока, которые присматривал в свое время ея покойный муж. Приказчик, доставшій их ей на показ, оказался ражим парнем с бычьей шеей и челюстями людоѣда. С перваго же взгляда на него, несчастная женщина почувствовала, что теряет голову. Мужчина этот дѣйствительно умѣлъ глядѣть женщинамъ прямо в глаза с восхитительным нахальством. Она пролепетала:

— «Сколько-же это стоит?»

Когда-же он отвѣтил:

— «Пятьдесят семь франков, семьдесят пять сантимов», ей показалось, что он взял ее за руку...

— «Я вернусь, я подумаю», престонала она.

Сама не знала, как вышла, ноги ея подкашивались на сердцѣ пѣли пташки. В тот день звоночек, прикрѣпленный к их калиткѣ прозвучал окончательным похоронным звономъ для бѣднаго господина Пусид.

Узнать имя приказчика и назначить ему свиданіе было уже для госпожи Пусид дѣломъ несложным. Ея сдержанный, но явственный пыл, а главное обѣщаніе устроить его на лучшее оплачиваемое мѣсто у однихъ добрыхъ друзей, прельстили сразу Августина Бушо, и онъ предложилъ вдовѣ повидаться с нею у него как-нибудь попозже вечером. Жилъ онъ, по его словамъ, в десяти километрахъ от мѣстечка, в небольшомъ домикѣ на отлетѣ отъ всѣхъ со старымъ слабоумнымъ отцомъ, дѣлыми днями лѣпившимъ слониковъ изъ клѣбнаго мякиша, и с сестренкой-идіоткѣй: ни она, ни отецъ, конечно, имъ не помѣшаютъ.

«Доѣхать-же Вамъ ко мнѣ на Вашемъ тандемѣ — плевое дѣло»...

Она склонила голову, обуреваемая стыдомъ и вождедѣніемъ.

— «Хорошо, сказала она: я буду у Васъ завтра часамъ к десяти вечера... Но, что Вы навѣрное обо мнѣ думаете?!...» И прибавила: «Вѣдь, знаете, это будетъ в первый разъ».

Пухлыя блѣдныя тучи катились по темному вечернему небу. Луна казалась среди нихъ блѣлымъ пятномъ, дрожащей желатиностой медузой, плывущей в глубокой водѣ. Легкій вѣтерокъ поды-

мал с дороги голубоватую пыль, еле-еле шевеля траву на придорожных откосах. Воздух был свѣж. Безмолвіе природы прерывалось лишь какими-то болотными шопотами.

Госпожа Пусид рѣшительно нажимала на педали, катя к своему возлюбленному. Велосипедный фонарик бросал таинственный, как лампочка взломщика, луч на гладкую дорогу. Откинув вдовью вуаль, с открытым лбом, она полузакрытыми глазами видѣла уже образы своего близкаго счастья. Кровь билась в ея жилах не столько от усилія быстрой ѣзды, сколько от волненія и предвкушеній «великаго приключенія», от котораго отдѣляло ее всего лишь нѣсколько минут: прїѣзд в незнакомый дом, гдѣ ее уже ждет ОН; тиски его сильных объятий вокруг ея талии... Дальнѣйшаго она даже не смѣла себѣ представить.

Вдруг заяц перебѣжал ей дорогу одним прыжком, и в тот-же миг она услышала крик совы. Вздрогнув, она прибавила ходу. Колеса шуршали равномерно по травѣ, как сминаемая крахмальная матерія. Неожиданно раздался сухой металлическій стук. Она затормозила. Оказалось, что соскочила цѣпь. Она слѣзла с велосипеда и принялась натягивать ее обратно на шестерни при свѣтѣ фонарика. Она нервничала, лицо ея было потно, руки испачкались в смазочном маслѣ и грязи. Гдѣ-то вдалекѣ пробило десять часов.

Исправив наконец аварію, она взгромодилась обратно на гѣндем и быстро закрутила обѣими ногами, чтобы наверстать потерянное время. Но не проѣхала она и ста метров, как с тихим вздохом прорвалась задняя шина. На починку ея ушло снова четверть часа. Затѣм внезапно потух фонарик и пришлось потратить еще десять минут на восстановленіе электрических контактов.

С растущим раздраженіем и тревогою она задавала себѣ вопрос, по какому странному совпаденію сыпятся на нее всѣ эти мелкія непріятности в тот самый вечер, когда ей болѣе чѣм когда-либо хотѣлось, чтобы все прошло гладко.

Когда она проѣзжала через темный лѣсок с свисающими, как тряпки, вѣтвями, ей показалось, что кто-то тяжело дышит у ней за спиною. Она обернулась. Никого. Ночь кругом была полна журчаньем невидимаго ручья. Потрескивали слегка вѣтки. Поднимая голову, она видѣла сквозь сходящуюся листву темную прогалину неба с растрепанными вѣтром блѣдными тучами.

— «Что за глупость! я же не сумашедшая, пробормотала она: Еще минут семь, и я буду у него».... .

Жуткій вздох раздался опять за ея спиною, и госпожа Пусид, холодѣя от ужаса, отняла правую руку от руля, чтобы перекреститься. Она ясно узнала специфическій звук тяжелаго дыханія своего мужа, такого каким он имѣлъ обыкновенія осторожно давать ей понять, не роняя своего мужского достоинства, что ему чевмоготу и что он только не смѣет ее просить посбавить немного ходу.

Она наклонилась низко вперед и закрутила ногами так, что колёны упирались ей в живот.

— «Матильда»...

Знакомый голос шептал ей имя у ней за спиною. «Это галлюцинация слуха», подумала она, стараясь преозмочь собственное разстройство. И действительно, голос умолк. Но она знала теперь безошибочно, что он был там, за ее спиною. Она ясно ощущала его присутствие, она чувствовала, как все его тѣла замедляет ход машины; она даже слышала сухое потрескивание его праваго колёна. Это был он, он, сомнѣній быть не могло! Она уносила с собою его призрак и ночи. Она не смѣла обернуться, боясь разглядѣть в темнотѣ фосфорически-зеленоватое, как у утопленника, лицо с черной дырой рта, умоляющими страшными глазами и ноздрями, раздѣденными червями...

Она покосилась все-же назад, не поворачивая головы, и ей показалось, что она видит свѣтящіеся капельки пота, ниспадающаго на землю с невидимаго чела.

— «Гу! Гуу!» стонал призрак.

— «Альберт. Это ты?», пролетела несчастная женщина.

— «Гу! Гуу!»...

Она сдѣлала нарочно крутой зиг-заг, в надеждѣ выбить его из сѣдла. Но он сидѣл крѣпко и каждый миг она готова была ощутить на шеѣ холодные клейкіе пальцы или беззубый рот своего покойнаго мужа. Въѣв себя, задыхаясь от рыданій, она стала кричать:

— «Оставь, оставь меня!»

— «Гу! Гуу!» отвѣчал он.

Но вот наконецъ дорога вырвалась из-лѣсу, и с перваго-же поворота стал виден дом Августина Бушо. бѣлая пѣстройка на полу-горѣ под темной шапкой широкой черепичатой крыши. Она вздохнула с облегченіем и, в послѣднем усилии, прибавила еще ходу. Скорѣй! Скорѣй! Она различала теперь закрытыя ставни и жидкія стебли ползучих роз вдоль стѣны. Но дверь была открыта, и в ярко-освѣщенном четырёхугольникѣ выдѣлялась, подобная крабу, коренастая фигура Августина. Он ее ждал. Он ее видѣл. Она спасена. Еще два-три поворота колес, еще только один.. Обѣими руками нажала она на тормаз, поровнявшись с калиткой...

Но в этот миг случилось что-то поразительное и поистинѣ ужасное. Тормаз спасовали перед какою-то нечеловѣческой силой. Сколько она ни нажимала на оба стальныхъ привода, кто-то за нею крутил педали с таким остервенѣніем, что тѣмдем стрѣлою понесся дальше в темноту и неизвѣстность. Она успѣла только разглядѣть, как Августин всплеснул руками, и взвыла:

— На помощь! На помощь!

Но призрак уносил ее с головокружительной быстротой и она судорожно вцѣпилась в ручки руля, чтобы не упасть...

Они сметали молодыя фруктовыя деревья, как траву. Дорога

поглощала их с воем взбѣсившагося мотора. Какіе-то пруды взметались за ними с блеском взвихреннаго металла. Птицы разстрѣливали их своими криками на лету...

— «Остановись! Я больше не могу!»

Она теряла сознание. Ей нечѣм было дышать.

— Гу! Гууу!

Внезапно ей показалось, что на нее надвигается огромная и расплывчатая масса свѣта, и она в ужасѣ закрыла глаза... Когда она их открыла, пейзаж рѣзко перемѣнился. Они катили через звонкій мост над каким-то потоком, чье ледяное дыханіе ударило ей в лицо вмѣстѣ с грозным шумом сердитой волны. Затѣм они понеслись по равнинѣ, усеянной кустами, на которой то и дѣло вспыхивали там и сям желтыя искры. Со всѣх сторон поднимался чей-то хохот. Вдруг пошел ровный густой дождь. За спиною она продолжала слышать чудовищные вздохи призрака.

Холодный пот и дождь промочили насквозь ее траурное платье, которое стало прилипать к тѣлу. Вуаль тоже намочка и липла к лицу, будто волосаная. Она хотѣла ее отстранить, но вуаль стала увилевать, как живая. Она вырывалась из рук, кружилась в воздухѣ и возвращалась звонкими пощечинами, чтобы затѣм снова взвиться наверх шелестом мокрых крыльев.

Внезапно наступила полная тишина. Вуаль еще раз забрала высоты, паря над ее головою, и вдруг с быстротою молніи обернулась удавкою вокруг шеи.

Она страшно икнула и запрокинула голову. В это мгновеніе она разглядѣла за собою облаченного в фиштаквовый жилет гомункула, прозрачнаго, как крылья стрекозы. На его рѣсницах дрожали капельки дождя. Сквозь его растерзанныя губы прорывался свѣтящійся пар дыханія. Ребра выдѣлялись темными полосами под легкой, как туман, одеждой.

Она издала звѣрино-подобный крик и обѣими руками ухватилась за свою шею. Но петля сжималась все болѣе, мѣшая дышать и ерзаясь в кожу, как тонкая веревка. Огненные шары лопались у ней в головѣ. Язык высунулся изо рта, и она почувствовала, как она опрокидывается и летит стремглав в какую-то страшную пустоту, полную гула и плеска...

Никто ее никогда больше не видѣл.

Жители Валу-ле-Клу рассказывают, что в иные дождливые вечера, до сих пор можно слышать дребезжащій шум велосипеднаго звонка, доносящійся откуда-то снизу по теченію рѣки, огибающей мѣстечко. Люди в страхѣ баррикадируют двери, наглухо закрывают ставни. Звон приближается, растет, слышится уже на самой улицѣ. И если прижать глаза к жалюзи, можно разглядѣть фиштакково-зеленый тандем, бѣшеным ходом мчащійся в ночи. Заднес мѣсто пусто. На переднем-же сидит толстая женщина в черном платьѣ и над нею развѣвается, пляшет и треплется безконечная траурная вуаль, раздираемая вѣтром.

Б А Л Л А Д А

Вся жизнь твоя глубокой, долгой сон
Души, что спит в тугих объятьях тѣла,
Она давно проснётся-бы хотѣла,
Но сон глубок и ночь со всѣх сторон.

И снится ей невѣроятный мір,
Внесенный мутной волной кошмара:
Поет слѣпец, шумит Гвадалквивир,
Рыдает сладострастная гитара.

И подходя к безумному концу,
Все потеряв и всюду побѣждая,
Солдат ребенка хлещет по лицу,
А у ребенка щечка золотая.

Забудь, забудь... Но как забудешь ты
Увидѣнное этими глазами? —
Небесный луч срываясь с высоты
Земными преломляется слезами...

В автомобиль мчится в ночь старик,
Он весь распух от денег и от власти,
И никогда, ни на единый миг,
Старик не знал любви и не был счастлив.

А под мостом от стужи изнемог
Другой старик, другой тоской гонимый,
И чтобы он не отморозил ног,
Ладонями их грѣют херувимы.

Между мечей побѣдный меч звенит,
И слава над челом плывет героя,
Но слышит он, как заступом стучит,
Могильщик, для него могилу роя.

Плывет корабль к безвѣстным берегам,
И стаи птиц летят к далеким звѣздам,
Плывет самоубійца по волнам
Прозрачный лик подняв к высоким звѣздам.

Ты знаешь, как прекрасны поутру
Гор голубых зеленые отроги,
Зачѣмъ-же ты спускаешься в дыру
Подземной, электрической дороги?

Зачѣмъ-же ты... — «Но мнѣ вѣдь надо вѣсть,
Я должен покоряться и трудиться...» —
Но на землѣ была благая вѣсть
О лиліях и о небесных птицах...

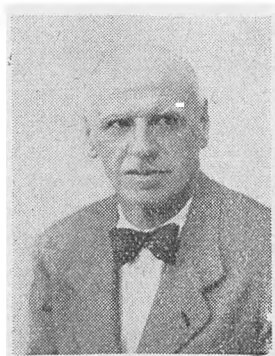
Проснись, проснись! — Уже похоже что
Ты просыпаешься. Но нѣтъ, все так-же точно
Часы стучат и небо налито
Дождем, и дождь в канавѣ водосточной.

И длится жизнь — глубокій, долгій сон
Души, что спит в тугих объятьях тѣла,
Она давно проснуться-бы хотѣла,
Но сон глубок и ночь со всѣх сторон.

Влад. Смоленскій.

« Ц Ы Г А Н Е »

(Страницы из повѣсти «Дмитрій Тиверин»).

Граф Михаил Львович ТОЛСТОЙ.
1879—1944.

Каждый день, вернувшись со службы, Митя возил Вѣрочку по Москвѣ. Они ѣздили в Кремль осматривать соборы, в Третьяковскую галерею, в Румянцевскій и Историческій музеи. А вечером часто отправлялись в большой и малый театры, в «комендантскую» ложу, которую дядя предоставил в их распоряженіе.

За день до отъѣзда Гариных дядя устроил у себя прощальный обѣд.

В концѣ обѣда в сосѣдней залѣ неожиданно послышался говор и звук настраиваемых инструментов. Дядя прислушался, улыбнулся, ничего не сказал, и продолжал что то громко рассказывать.

— Дмитрій! Кто там в залѣ? — спросила Екатерина Павловна.

— Сюрприз! — хитро взглянув, отвѣтил генерал, — скоро узнаешь.

Обѣд кончился.

— Митрофан, — крикнул генерал своему старому камердицеру: — Открывай двери!

Среди залы, полукругом, во главѣ со знаменитой Варей Папиной, сидѣл хор Яровских цыган.

При входѣ генерала и гостей толстый, очень смуглый дирижер хора, Христофор, низко поклонился, дал на гитарѣ тон, и цыгане запѣли хорѣвую пѣсню «Матушка», которая из чуть слыш-

наго пъяннссимо, постепенно ускоряясь, кончилась сильным «форто» и рѣзко оборвалась.

Вѣрочка, никогда не слыхавшая цыган, с растерянным лицом сидѣла рядом с Митей.

Одна пѣсня смѣнялась другой. Запѣвали все разныя цыганки. Вѣрочкѣ особенно понравилась маленькая, смуглая, хорошенькая Настя. Когда она сильным, грудным голосом запѣла веселую пѣсню «Валенки» и сорок разнообразных голосов лихо подхватили, вторя друг другу самыми оригинальными вторами, — у всѣх на душѣ стало весело. А дядя, притопывая ногой и выкрикивая цыганскія слова, еле мог усидѣть на мѣстѣ.

Послѣ Насти генерал попросил спѣть знаменитую Варю Панину. Она сидѣла в серединѣ хора, облокотясь на сосѣдній стул, — толстая, вялая, некрасивая до безобразія, с огромными на выкатѣ глазами, — в накинутаой на плечи бѣлой шали с длинной бахромой, с громадными брильянтами в ушах и на пальцах.

Казалось невѣроятным, что такая кувалда, такая уродина могла сводить с ума. Но мужчины, увлеченные ея пѣніем, забывали ея наружность, тратили на нее громадныя деньги.

Подстроив гитару, Христофор подошел к Варѣ и дал нѣсколько звучных аккордов.

— Ваше превосходительство, что спѣть прикажете? — обернулся он к генералу.

— Пока что хочешь, а там видно будет...

Послѣ гитарнаго вступленія, вдруг полились звуки глубокаго бархатнаго контральто:

«Что дѣлать, сердце мнѣ с тобою?

Как тайну мнѣ в душѣ своей сокрыть?

Куда ж бѣжать, бѣжать с моей тоскою,

В моей ли власти не любить?..»

— пѣла Варя старинный романс.

Выпуклые глаза заблестѣли, лицо вспыхнуло вдохновеніем. Она совершенно преобразилась, вдруг перестала казаться безобразной, и вся ушла в пѣсню.

Вѣрочка замерла и слушала, затаив дыханье. Ей казалось, что волосы шевелятся у нея на головѣ и она, сама того не замѣчая, крѣпко сжимала Митину руку, который, тоже, сам сидѣл как на иголках.

Пѣсня кончилась. Варя снова поблекла. Только глаза продолжали блестѣть.

Подозвав к себѣ Христофора, она сказала ему что то по цыгански и тотчас же запѣла любимый романс генерала: «Когда на него ты глядишь такъ умильно, а я, одинокій стою...»

Она пѣла все с большим и большим воодушевленіем. Не было сомнѣнія, что собственное пѣніе доставляло ей самой громадное наслажденіе.

Пропѣвъ нѣсколько романсов одна, а потом дуэтом с старым, высоким, черным цыганом с густыми, сѣдѣющими усами, Егором

Иванычем, по прозванію «Рябчик», Варя приказала хору спѣть плясую, под которую вышла плясать молодая цыганка — Даша.

Тряся плечами, мелкой дрожью, Даша сдѣлала нѣсколько падающих шагов перед Гариным, этим самым приглашая его выйти с ней плясать и, выбивая дробь каблуками, плавно поплыла по кругу.

— Что же вы, Сергѣй Иваныч, не идете? Идите плясать! — кричал генерал, толкая Гарина со стула. — Такая красавица приглашает, а вы сидите!

Сергѣй Иваныч вышел на середину залы, выбил дробь руками по икрам, вынул из кармана платок и пошел за Дашей.

Плясал он прекрасно — так, как пляшут настоящіе цыгане.

Хор одобрительно смотрѣлъ на него, и цыганки, оскалив бѣлые зубы, с одушевленіем, в такт хлопали в ладоши.

— Ну, батюшка, Сергѣй Иваныч, уважил пляской! Спасибо! — гортанными голосами говорили старья цыганки. — По старинкѣ пляшешь. Так старики наши плясывали. Спасибо тебѣ родной!

Послѣ пляски лед совершенно растаял, всѣ еще болѣе оживились. Варя подозвала Настю и приказала ей проведичать генерала. Налив бокал шампанскаго, Настя к нему подошла:

За дружеской бесѣдою,
Коль пир идет кругом,
Примѣру дѣдов слѣдуя,
Мы пѣсно вам поем.

запѣла она. И тотчас молодья и старья цыганки в разноцвѣтных, ярких шалях, с длинной, почти касающейся пола, бахромой, и стоявшіе сзади смуглые мужчины с гитарами в руках, улыбаясь и показывая сплошные бѣлые зубы, дружно подхватили:

«Хор наш пост припѣв любимый,
И вина полились рѣкой,
К нам пріѣхал наш родимый
Генерал наш дорогой...»

Проведичали Екатерину Павловну и Гариных, а затѣм женихов. Цыганам передалось общее настроеніе, и они уже без заказа сами выбирали старья, красивья пѣсни и пѣли с еще большим подъемом.

Наконец Христофор подошел к генералу и попросил их отпустить; они уже опаздывали в ресторан больше, чѣм на час.

— Еще одну, послѣднюю, разгонную! — прокричал генерал, — и по домам!

— Уж вы кумушки домой, всѣ голубушки домой — запѣли цыгане.

— А я домой не пойду! С кѣм останусь, не скажу — задорно выкрикнула Настя. Хор дружно подхватил тѣ же слова.

— Авело! — крикнул Христофор (что по-цыгански значит — довольно). Цыгане поднялись и, толпясь в дверях, стали выходить из залы.

ИРИНА ОДОЕВЦЕВА.

В этот вечер парижский взволнованно синий,
Чтобы встрѣчи дождаться и время убить,
От прилавка к прилавку в большом магазинѣ
Помоднѣй, подешевле, получше купить.

С неудачной судьбою — другой не бывает
У жестоких и праздных, таких вот, как ты —
В зеркалах электрической свѣтъ расцвѣтает
Фантастически-нѣжно, как ночью цвѣты.

И зачѣм покупаешь ты ленты и шляпки,
Кружева и перчатки?..

Конечно тебѣ

Не помогут ничѣм эти модныя тряпки
В гениально-безмысленной женской судьбѣ.

1947.

Зазѣваешься мечтая,
Дрогнет удочка в рукѣ,
Вот и рыбка золотая
На серебряномъ крючкѣ.

Такъ мгновенно, такъ прелестно —
Солнце, вѣтер и вода.
Даже рыбокѣ в рѣчкѣ тѣнѣ,
Даже ей нужна бѣда.

Нужно, чтобы небо гасло,
Лодка ластилась к водѣ,
Чтобы закипало масло
Нѣжно на словорѣдѣ.

Ничего не вернуть. И зачѣмъ возвращать?
Разучились любить, разучились прощать,
Забывать никогда не научимся...

Спит спокойно и сладко чужая страна.
Мѣре ровно шумит. Наступает весна
В этомъ мирѣ, в которомъ мы мучимся.

1917

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ДЕНИС ДАВЫДОВ»

(ДѢТСТВО И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЛУЖБЫ)

Рисунок неизвѣстнаго художника. — Денис Давыдов кавалергардским корнетом, 1803-1804 г.г. (По листу из собр. Д. Д. Давыдова, Париж).

I.

Свой род Давыдовы вели от знатнаго мурзы Минчака Касаевича, выѣхавшаго в началѣ 15 в. из Большой Орды на службу к Вел. Кн. Василю Дмитріевичу. Татарское происхожденіе семьи очень занимало Дениса Давыдова, собиравшаго генеалогическія свѣдѣнія о своем родѣ. По семейнымъ преданіямъ в прославленномъ родовомъ имѣніи Давыдовыхъ — Каменкѣ — хранились даже какія-то собственноручныя замѣтки Дениса Давыдова по этому поводу.

О своихъ татарскихъ пращурахъ Давыдовъ любилъ вспоминать. Такъ, пріятелю своему гр. П. А. Строганову, онъ писалъ:

«Блаженной памяти, мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник, с аршинными усами,
На ухаркем конѣ, как вихрь перед громами
В блестящем панцырѣ влетал во вражій стан...»

и далѣе указывал, называя себя «потомком Батя»:

«Я тѣм же пламенем, как Чингисхан, горю...»

Один из прадѣлов Дениса, состоявшій в посольствѣ Царя Михаила Федоровича в Лондонѣ и женатый на англичанкѣ Howard из рода Dukes of Norfolk, внес в род Давыдовых англійское начало независимости и сознанія собственнаго достоинства, отличающееся впоследствии членов этой семьи и выработавшее их нѣсколько «странный» по свидѣтельству современников характер. Самый девиз родового герба: «Богу и Государю» как бы подчеркивал отказ Давыдовых повиноваться безпрекословно земной власти, и так повелось, как писал позднѣе сын Дениса Давыдова Василій, что «всѣм членам моего семейства и рода изстари чины и почести или не давались, или они их не искали...»

Денис Давыдов родился 16 июля 1784 г. в Москвѣ в родовом домѣ Давыдовых, в котором впоследствии обосновалось «Дворянское Собраніе». Родовым же владѣніем было и столь прославившееся позднѣе «жалкое подмосковное село Бородино», гдѣ семья Давыдовых проводила лѣто, когда не уѣзжала в свое орловское имѣніе. Отец Дениса Давыдова Василій Денисович командовал в чинѣ бригадира Полтавским легко-конным полком, стоявшим в селѣ Грушевкѣ, Полтавской губ.

«Четыре Кавалерійских полка, вспоминал впоследствии Денис Давыдов, стояли лагерем близ Днѣпра... у села Грушевки. Дом, занимаемый нашим семейством, был высокій и обширный, но выстроенный на скорую руку для Императрицы Екатерины во время ея путешествія в Крымскую Область... Лагерь полка отстоял от дома не далѣе ста шагов. Я и брат мой жили в лагерѣ...» Говоря далѣе о своем дѣтствѣ, Давыдов вспоминал: «с семилѣтняго возраста я жил под солдатской палаткой — при отцѣ моем... Забавы дѣтства моего состояли в метаніи ружьем и в маршированіи, а верх блаженства в ѣздѣ на казачей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Войска Донского.»

Воспоминанія дѣтства навсегда остались в памяти Давыдова, много позднѣе, уже пятидесяти лѣт отроду, он снова писал: «Я видѣл Екатерину, Румянцева, Потемкина, Безбородко...» Сильнѣе всего запомнились, однако, Давыдову его встрѣча и разговор в лагерѣ Грушевкѣ с Суворовым. Об этих на всю жизнь запечатлѣвшихся минутах Давыдов в своей «Встрѣчѣ с великим Суворовым» рассказал так:

«... в одну ночь я услышал... шум и сумятицу... Суворов остановился в десяти верстах от нас... Можно себя вообразить

взрыв моей радости. Впрочем радость и любопытство овладѣли не одним мною. Я помню, что покойная мать и все жившіе у нас родственники и знакомые, даже лакеи, кучера, повара и служанки... все собиралось, спѣшило и бѣжало туда, гдѣ остановился Суворов, чтобы хоть раз в жизни взглянуть на любимаго героя, на нашего боевого полубога...» Под утро «все зашумѣло вокруг нашей палатки, закричало: «скачет, скачет». Мы выбѣжали и увидѣли Суворова в ста сажнях от нас, скачущаго во всю прыть мимо нашей палатки. Я помню, что сердце мое тогда упало, как послѣ упало оно при встрѣчѣ с любимой женщиной...»

Когда Суворов «несся» мимо Давыдовых, адъютант его крикнул: «граф, посмотрите, вот дѣти Василя Денисовича». Суворов остановился, чѣм и воспользовались мальчики Давыдовы, чтобы подойти к нему ближе. Тогда Суворов задал Денису Давыдову вопрос: «любишь ли ты солдат, друг мой?». Денис «в порывѣ дѣтскаго восторга» отвѣтил: «Я люблю графа Суворова, в нем все: и солдаты, и побѣда, и слава». На это, как запомнилось Давыдову, Суворов будто-бы сказал: «О, помилуй Бог, какой удалой. Это будет военный человѣкъ».

Тут Суворов прищпорил коня и поскакал далѣе к своей палаткѣ. Слова Суворова запаали глубоко в душу Давыдова, который, готовясь в будущем стать «военным человѣком», пока что «замахал саблею, выколол глаза дядькѣ, проткнул шлык няньѣ и отрубил хвост борзой собакѣ, думая тѣм исполнить пророчество великаго человѣка», как юмористически писал он позднѣе в автобіографіи.

Мать Давыдова — Елена Евдокимовна — была дочерью бывшаго Новороссійскаго Намѣстника Щербинина, извѣстнаго богача Екатерининскаго царствованія. Бригадирю Давыдову она принесла много денег, однако «широкая, размашистая жизнь» подтачивала благосостояніе семьи. К тому же Василій Денисович был одержим «пагубной страстью к игрѣ», доведшей его в 1801 г. «к безпорядкам в полку», как тогда называли неправильности в веденіи полковой кассовой отчетности. Он был привлечен к суду, а имѣніе его конфисковано; пришлось ему ѣхать хлопотать в Петербург. При вѣздѣ в столицу при случайной встрѣчѣ с Павлом, когда, по этикету, все ѣдущіе в каретах обязаны были, поравнявшись с императором, останавливаться и выходить, а мужчины даже сбрасывать, не считаясь с погодой, шубы и плащи, провинившійся бригадир, опасаясь царскаго гнѣва, принужден был спрятаться под каким-то местом. Не помогли, несмотря на все связи, затѣянные им хлопоты и преданіе Давыдова суду осталось в силѣ. По возвращеніи в Москву у него в видѣ протеста переставала «вся Москва», но все же на имѣніе Василя Денисовича «за растрату» было наложено крупное взысканіе, которое бывший бригадир и платил по частям долгіе годы. По его смерти остаток долга пришлось выплачивать семьѣ вплоть до 1817 г., когда только по ходатайству всесильнаго тогда друга Дениса ген. адъютанта

Закревскаго казенная недоимка, наконец, была Государем прощена.

Денис Давыдов, несмотря на эту печальную исторію, питал всю свою жизнь «безграничную любовь» к отцу, память о котором никогда не покидала его. Так в 1838 г., незадолго до своей смерти, Денис Давыдов в письмѣ к сыну своему Василю указывал: «я в душѣ хранил всегда память отца...» Василий Денисович прямо заявлял, со слов Дениса Давыдова, что память об отцѣ «удерживала его от проступков».

Пагубная страсть бригадира навсегда отбила у Дениса Давыдова охоту к картам и до самой почти смерти, незадолго до которой он научился и притом очень плохо играть в модную тогда игру «мушку», он к картам не притрагивался.

Конфискація имѣнія и періодическія выплаты долга довели семью до бѣдственнаго положенія. Давыдовы находились «в крайности»; дошло до того, что иногда «приходилось питаться одним картофелем». Между тѣм подходило «время Денису с братом службы». Отец хотѣлъ было записать обоих сыновей в Иностранную Коллегію. Однако Денис Давыдов, памятовавшій разговор с Суворовым, как выпавшее ему в дѣтствѣ «счастье» и «полный слов героя», предсказавшаго ему славное солдатское будущее, «не хотѣлъ другого поприща кромѣ военнаго».

Настоявъ на своем, шестнадцати лѣтъ отроду, Денис Давыдов в началѣ 1801 г., с 400 руб. асс. в карманѣ, в кибиткѣ отправился в Петербург для поступленія в Кавалергардскій полк.

II.

Опредѣленіе Давыдова в полк не обошлось без хлопот: уж очень был он мал ростом. Однако это затрудненіе удалось преодолѣть и Давыдов был зачислен в Кавалергардскій полк «эстандарт-сенкером». Из тихой семейной обстановки Давыдов попал в среду, гдѣ свободное от службы время проводили шумно и разгульно:

«..... на долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров посѣдѣлых
И черноусых удалцов».

Один из современников, вспоминая впоследствии об этих разудалых былых днях, писал: «В кавалеріи было болѣе кутежа, чѣм в пѣхотѣ... гусарское ухарство еще не вышло из моды». В одном из своих ранних стихотвореній: «Гусарскій пир» Давыдов изобразил думы и пожеланія молодого офицера, попавшаго в новую для него обстановку широкаго и как бы постоянного праздника:

«Ради Бога трубку дай.
Ставь бутылки перед нами,

ДЕНИС ДАВЫДОВ.

Литография Бакмана (1830-е г.г.).

Из «Сборника биографий кавалергардов», изд. Панчулидзевым в 1906 г.

Всѣх наѣздников сзывай
 С закрученными усами.
 Чтобы хорѣм здѣсь гремѣл
 Эскадрон гусар летучих,
 Чтобы на небо взлетѣл
 Я на их руках могучих;
 Чтобы стѣны от ура
 И тряслись, и трепетали....»

Шумно веселились и пили тогда гусары, но не отставали от них и штатскіе. Кн. Вяземскій отмѣтил в одной из своих курьезных записей о видѣнном и слышанном, что как-то в 1806 г. в одном «отдаленном губернском городѣ губернатор испрашивал разрѣшеніе пить за здоровье Государя на предстоящем обѣдѣ малагою, а не шампанским, потому что все шампанское в городѣ и уѣздѣ выпито братьями С., извѣстными своим разгулом в Москвѣ и находившимися в означенном городѣ в то время». Подражая офицерству, шумно пировала вслѣд за штатским дворянством и учащаяся молодежь. «Ужели трезваго найдем за скатертью студента», восклицал в 1814 г. даже Пушкин.

На всѣх этих пирушках царило помимо вольнаго разгула широкое, отмѣнное гостепріимство. Радусіе хозяев, бывшее в тѣ времена общим явленіем, было доведено нѣкоторыми богатыми и знатными людьми до предѣлов своего рода культа. Так в Москвѣ своим широким гостепріимством славились Ерпкины, у которых, когда они наѣзжали в столицу из деревни, был открытый дом, так что к ним «приходил обѣдать ежедневно, кто хотѣл, будь только опрятно одѣт и веди себя за столом чинно; и сколько бы за столом, вспоминая современник, ни сѣло человѣкъ, всегда для всѣх доставало кушанья». В Петербургѣ одним из таких безграничных хлѣбосолов был Лев Александрович Нарышкин: дом его на Мойкѣ, гдѣ ежедневно накрывали на 50 кувертов, был, как стмѣчал Булгарин, «храмом роскоши и хлѣбосольства», а гр. Сегюр писал о нем: «С утра до вечера там слышались веселый говор, хохот, звуки музыки, шум пира: там ѣли, смѣялись, пили и танцевали цѣлый день; туда приходили без приглашеній и уходили без поклонов, там царствовала свобода. Это был пріют веселья».

Хлѣбосолы водились и в военной средѣ. На одного из них Давыдов даже как-то жаловался кн. Вяземскому: «всякаго приглашает он *de venir manger la soupe*. Бѣдовый он человѣкъ; так и слышишь в приглашеніи: покорнѣйше прошу пожаловать отобѣдать, а не то извольте драться со мной на шести шагах разстоянія... пригласитель с пистолетом, приставленным к горлу...» заканчивал шутливо Давыдов.

Произведенный 9-го сентября 1802 г. в корлеты, а 2-го ноября 1803 г. в поручики, Давыдов встрѣчал на полковых и пріятельских пирушках не только товарищей по полку и друзей-военных, но и ряд лиц, составлявших «передовую» молодежь» того

времени. Так, встрѣчаясь тут неизмѣнно с гр. Шуваловым, Давыдовъ столь же неизмѣнно предлагалъ ему тостъ въ память Ломоносова. С бокаломъ въ рукѣ Давыдовъ постоянно обращался къ Шувалову все съ тѣми же словами:

«Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шувалов,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ».

Среди другихъ пріятелей выдѣлялся флигель-адъютантъ С. Н. Маринъ, участникъ дворцоваго переворота 11-го марта 1801 г., когда онъ оказалъ цѣнное содѣйствіе заговорщикамъ, продержавъ подъ ружьемъ въ продолженіи всей ночи внутренней караулъ Михайловскаго Замка. Дѣятельный въ будущемъ соратникъ Багратіона, Маринъ былъ авторомъ знаменитаго въ свое время марша русской гвардіи:

«Пойдемъ, братья, за-границу
Бить отечества враговъ».

Большой популярностью въ военной средѣ пользовались его пародіи и эпиграммы, которыя оказали въ извѣстной степени вліяніе и на первые — въ 1803 г. — поэтическія попытки Давыдова, направивъ ихъ въ русло сатиры.

Первое произведеніе Давыдова въ этомъ жанрѣ — басня «Голова и Ноги». Въ ней онъ пробовалъ — довольно робко — говорить о бунтѣ ногъ противъ головы. Ноги упрекали голову въ томъ что она «бѣдными ногами, какъ пашками» вертитъ, и угрожали ей возможностью, «споткнувшись, о камень расшибить» ее. Басня эта получила однако настолько большое распространеніе въ спискахъ, что, напр., декабристъ бар. Штейнгель въ своемъ повинномъ письмѣ Государю изъ крѣпости въ 1826 г. наравилъ съ «сочиненіями Пушкина, дышащими свободою», упоминалъ и про нее, говоря: «кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованных... не цитировалъ басни Дениса Давыдова».

Ободренный «карманнымъ» успѣхомъ первой басни Давыдовъ вслѣдъ написалъ и вторую подъ названіемъ «Рѣка и Зеркало». Это былъ, вѣрнѣе говоря, переводъ басни гр. Сегюра: «Дитя, Зеркало и Рѣка», за годъ до того напечатанной въ прозаическомъ переводѣ въ «Новостяхъ Русской Литературы». Въ передѣлкѣ Давыдова, басня эта, въ которой говорилось о томъ, какъ:

«За правду колкую, за истину святую,
За сихъ враговъ царей, деспотъ
Вельможу осудил...»

не могла не вызвать рѣзкаго недовольства властей. Дѣйствительно, Шен-отдѣленіе охарактеризовало ее, какъ «возмутительное сочиненіе». Но и друзья автора считали басни Давыдова «вольными сочиненіями» и, напр., Маринъ сообщалъ кн. М. С. Воронцову: «Да-

выдов кавалергардскій, написал двѣ басни, которыя я тебѣ отправлю с первым курьером, ибо иначе посылать их невозможно».

Вступив на литературный путь, Давыдов послѣ двух басен свой сатирической талант направил в своем третьем литературном опытѣ: «Сон» против общих недостатков сословія, к которому принадлежал и сам. Довольно безобидная в общем сатира Давыдова уличала и клеймила «воровство, грабительство, измѣну», т. е. тѣ недостатки эпохи, которые ему довелось наблюдать; попутно однако юмор Давыдова останавливался и на человѣческих слабостях отдѣльных лиц. Так попало и пріятелю его Марину, о котором Давыдов, намекая на его пристрастіе к слаганію стихов, язвительно говорил:

«... и милый наш Марин
Не пачкает бумаги».

Сообщая Воронцову о новом произведеніи Давыдова, возбуждившем легкое недовольство в задѣтых им кругах, Марин в январѣ 1804 г. указывал: «маленькому Давыдову мыли за стихи голову: он написал «Сон», гдѣ всѣх ругает без милосердія».

Дружескій отпор от имени затронутых Давыдовым офицеров дал ему пріятель его поручик Преображенскаго Полка Аргамаков в шутовом стихотвореніи, в котором от имени Аполлона обращаясь к Давыдову со словами:

«Ты дар свой стихотворства
Во зло употребил,
Ты, мальчик, зашалился...
Осмѣивать пустился
Почтенных ты особ».

На бѣду Давыдова в дѣло вмѣшалось начальство, усмотрѣвшее в поэтических шалостях гусарскаго поручика слишком большую вольность. По обычаю того времени расправа была коротка: 13-го сентября 1804 г. Давыдова в наказанье перевели из гвардейскаго полка ротмистром в Бѣлорусскій гусарскій полкъ, квартировавшій в глухом провинціальном углу Киевской губерніи. Насильственным переводом в армию на Давыдова был как бы возложен «вѣнец изгнанія», создавшій ему особаго рода славу.

III.

Давыдову пришлось смѣнить свѣтскую сутолоку столицы на безшабашную и удалую жизнь в глухом медвѣжьем углу. Развлеченій в свободное от службъ время было мало. В карты Давыдов не играл, оставалось убивать время в товарищеских бесѣдах и на пирушках. Отставал однако Давыдов от пріятелей и в питьѣ. Пуш-

кин картинно изобразил безцѣльное и праздное завершение дня тянувшего свою лямку провинціального офицера:

«... молодой драгун усатый
Поутру сидя у окна,
Стаканы сушит всѣ до дна
И чтоб прогнать остаток сна
Из трубки пѣнковой дым тянет сѣроватый».

Было еще одно развлеченье — танцы и ухаживанье за мѣстными красавицами. Об этом красочно вспоминал Давыдов в автобіографіи: «молодой гусарскій ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку до упаду».

Правда, у Давыдова было еще одно занятіе: вступив раз на стезю литературнаго творчества, он уже не оставлял «бесѣды с музами». «Он призывал их во время дежурств своих в казармы, в госпиталь и даже в эскадронную конюшню», отмѣчал Давыдов в автобіографіи. Стихи писал он «своей красавицѣ, которая их не понимала, потому что была полька». Стихи эти не сохранились и никаких слѣдов их найти не удалось.

Очевидно Давыдов, если и грѣшил за это время стихотворством, то очень потаенно. Дѣло в том, что всякое проявленіе грамотности в средѣ провинціального офицерства было дѣлом чуть ли не зазорным. Кн. Вяземскій рассказывал, как один из сослуживцев Давыдова — Хитрово, когда какой-то пріятель случайно нашел у него в гусарской сумкѣ элегіи Парни, «умолял его молчать и не губить. Товарищи, говорил он, любят меня, считают слѣзакой и гулякой и чуть ли не безграмотным. Когда провѣдают, что я читаю французскія книжки — я человек пропащій, мнѣ в полку житья не будет». Давыдов, правда, образованностью мало отличался от остальных своих сослуживцев. Программа наук, пройденная им до службы, не была слишком обширной. «Как тогда учили?, вспоминал позднѣе Давыдов. Натирали ребят наружным блеском... учили лепетать по-французски, танцовать, рисовать и музыкѣ; тому же учился Давыдов до тринадцатилѣтняго возраста. Тут пора была подумать и о будущности; он сѣл на коня, захопал арапником, полетѣл со стаею гончих собак по мхам и болотам — и тѣм заключил свое воспитаніе». В тѣ времена родители торопились отдавать мальчиков на службу, чтобы они скорѣе могли выйти в чины, а потому обычно в пятнадцать лѣтъ скудно воспитаніе их заканчивалось.

Дѣйствительно, в формулярном спискѣ Давыдова значилось законически: «по-россійски и французски читать и писать умѣет». Другим знаніям и не откуда было быть. Да и то с русской грамотой Давыдов до самой смерти оставался не в ладах: — «литера ъ рѣшительно не давалась ему», говорил сын его Василій, — так

что прамматическія ошибки в рукописях Давыдова приходилось впоследствии исправлять учителю его дѣтей А. И. Башилову. *)

По определеніи в полкъ Давыдов явился к своему двоюродному брату А. М. Каховскому, человѣку, по его отзыву, «замѣчательному по своему необыкновенному уму и свѣдѣніям». Под его вліяніем и вслѣдствіе упреков его «за вступленіе на службу неучем», Давыдов «не только обратился к военным книгам, но пристрастился к ним даже. Несмотря на молодость свою он рано обнаружил вдумчивость и разсудительность, выдѣлявшій его из среды товарищей. «Скопив небольшой капитал», он немного позднее, по возвращеніи в Петербург, «на своей квартирѣ в продолженіи нѣскольких мѣсяцев» стал брать уроки по стратегіи и фортификаціи у какого-то майора Торри, пока не разобрался в том, что он не больше как «хвостун, пустослов и человѣкъ весьма ограниченных свѣдѣній».

Товарищем Давыдова по этим занятіям, в которых они «друг другу отдавали отчет в успѣхах» оказался Иван Иванович Дибич, тогда скромный подпоручик Семеновскаго полка, «за два года пред тѣм привезенный из Берлинскаго кадетскаго корпуса совершенным неучем». Эта «маленькая, толстенъкая, рыжая, криволицая... фигурка» превратилась в будущем в російскаго фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, в лицѣ котораго Давыдов впоследствии яростно клеймил военную бюрократію и «плацпарадную» военщину Николаевскаго времени.

Молодость их проходила вмѣстѣ. «Я знал Дибича с офицерскаго чина, писал Давыдов в автобіографіи, мы в одних чинах ставали вмѣстѣ на внутренних караулах и потому часто находились неразлучно по цѣлым суткам... Он жаловался на бѣдность... я был в том же положеніи... и вмѣстѣ, горюя, прихлебывали у камина жиденькій кофе...»

Возвращаясь к воспоминаніям своей молодости Давыдов много позднее писал сыну... «Я имѣлъ несчастье жить среди людей безнравственных, увлекавших меня к разврату, к которому влекли меня и страсти... Но, благодаря Бога, я прошел чист и непорочен сквозь весь этот смрад». Девизом себѣ Давыдов поставил: «Береги честь смолоду», слова, взятые позднее Пушкиным в качестве эпиграфа для его «Капитанской Дочки».

В письмѣ к сыну Давыдов пояснял, каким образом удалось ему удержаться от нравственной гибели: «Как поступил я для этого, писал он. На 17-м году своей жизни составил себѣ правила, от которых твердо рѣшился не отступать, я держался за них, как утопающій за канат спасенья». Сохранить свою «чистоту» помогла Давыдову, кромѣ того, «память об отцѣ». По его словам, он всегда как бы слышал голос, напоминавшій ему: «что сказал бы батюшка?» Вопрос этот Давыдову приходилось ставить себѣ

*) Выдержки из писем Давыдова приведены в дальнѣйшем в правописанной подлинников.

часто, так как вообще тон в провинциальной военной среде задавали:

«... гусары коренные,
Председатели бесѣд,
Собутыльники сѣдые.»

Типичным представителем этих кругов был сослуживец Давыдова по Бѣлорусскому полку, Бурцев, котораго в качествѣ «гусара гусаров» Давыдов воспѣл в рядѣ стихотвореній, создав ему литературное безсмертіе. «Добрый малый, но величайшій гуляка и самый отчаянный забудыга из всѣх гусарских поручиков», по словам одного из современников, Бурцев держал в страхѣ участников «бесѣд», так что гр. Киселев, напр., даже прямо указывал, что его «всѣ боялись как буяна и забіяки», а Заблоцкій-Десятовскій утверждал даже, что Давыдов «по боязни пьянаго Бурцева восхвалял прозою и стихами».

Не боязнь, конечно, заставляла Давыдова так часто в своих стихах обращаться к колоритной фигурѣ Бурцева, стихотворную дань которому отдали между прочим и Пушкин, и кн. Вяземскій. За год до смерти Давыдов в письмѣ к сыну признавался в грѣхах своей юности: «во мнѣ играли страсти, писал он, болѣе чѣм в других моих товарищах». В широкой натурѣ и безудержном размахѣ Бурцева и схожих с ним пріятелей Давыдов находил нѣчто родное и созвучное своим чувствам и желаніям. Ему на самом дѣлѣ был близок и нужен этот:

«Бурцев, ёра, забіяка,
Собутыльник дорогой».

По настоящему радостно было Давыдову собираться «в круговую»:

«В дымном полѣ, на бивакѣ
У пылающих огней...»

гдѣ подавали с пуншем:

«... лохань златую
Гдѣ веселіе живет»,

а утвержденіе его, что в ней

«... сокрыт небесный жар»,

было совершенно искренним, а не только поэтической метафорой.

В напряженной атмосферѣ непрерывных военных походов. в щемящем ожиданіи перелома, гдѣ

«нынче пить уже досужно»,

а уже

«завтра трубы затрубят,
завтра громы загремят»,

Давыдов высказывал общую всей военной среды мысль, когда утверждал:

«в благодѣтельном аракъ
Зрю спасителя людей».

Воспѣвая и восхваляя безшабашную жизнь гусаров Давыдов понемногу стал признанным пѣвцом ея. Стихи его, по его собственному выраженію, пользовались широкою «рукописною или карманною славою». Современники часто возвращались к ним, говоря о былых годах. Так, напр., вспоминая о молодежи 20-х годов, жандармскій генерал В. Р. Зотов позднѣе писал: «стихи Давыдова плѣняли почти все наше военное поколѣніе ... кто не списывал этих удалых стихов в одну завѣтную тетрадку».

Совершенствою стих свой, Давыдов, в котором постоянно жил «никогда не дремлющій бѣс», как он образно называл любовь к поэзіи, стал создателем военной пѣсни. В ней у него не было, как отмѣтил один из современников, «ни поддѣльщиков, ни подражателей». Стих его, образный, яркій, самобытный, давал, как отмѣтил Пушкин, «почувствовать, что можно быть оригинальным». Пушкин позднѣе говаривал, что перенял у Давыдова манеру «крутить стих», что и уберегло будто бы его от подражанія другим и способствовало сохраненію им оригинальности. Дѣйствительно, от стихов, как позднѣе и от прозаическаго слога Давыдова, «Русью шахло, хотя до угара и до ошибка, хотя до выноса всѣх святых» по красочному выраженію кн. Вяземскаго. В них «отразился русскій склад, русская жизнь до хрища, до подноготной».

Гусарскія пѣсни создали Давыдову огромную популярность, породив одновременно у многих убѣжденіе, что Давыдов, воспѣвавшій разгульную и веселую жизнь гусаров и славившій так краснорѣчиво вино, и сам к нему склонен. Мнѣніе это было очень далеко от дѣйствительности, так как Давыдов был болѣе чѣм сдержан в потребленіи алкоголя; оно однако настолько укоренилось в умах и так пристало к имени Давыдова, что даже гораздо позднѣе, в 30-х годах, вел. кн. Константин Павлович в разговорѣ с А. П. Ермоловым, двоюродным братом Давыдова, счел возможным сказать ему: «твой, брат, Давыдов — пьяница».

Вдали от шумных столичных развлеченій тянул между тѣм Давыдов воспѣтую им лямку гусарщины в глубоком убѣжденіи, что он:

«... рожден для службы царской»,

и, сознательно ограничивая свой кругозор, восторженно восклицал:

«Я люблю кровавый бой...
«Сабля, водка, конь гусарскій
«С вами вѣкъ мнѣ золотой».

Давыдов в своих пѣснях отражал взгляды военной среды

своего времени. Так, как он, «в самом дѣлѣ думали девять десятых офицеров легкой кавалеріи в началѣ нынѣшняго столѣтія», говорил Булгарин, приводившій, как показательный, сохранившійся «в памяти старых воинов» отрывок из стихотворенія Давыдова, особенно удалого, особенно «гусарскаго»:

«Гусары, братцы, удалцы,
Рубаки — чорт мою взял душу!
Я с вами, братцы-удальцы,
Я с вами чорта не потрушу!
Лишь только дайте мнѣ стакан...»

Примѣрно тѣм же вѣяніям отдал позднѣе дань Пушкин, когда в своей одѣ «Усы», вспоминая о былых годах, говорил, обращаясь к усачу-гусару:

«Веселый гость, любовник пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавиц и усов!»

«Краса природы» — ус, «чернобурый в завитках» составляя предмет особой заботы заправскаго гусара. Недаром славил его Пушкин:

«За уши ус твой закрученный
Вином и ромом окропленный
Гордится юной красотой...»

Любовь к этому обязательному по понятіям того времени атрибуту мужества, удалства и отваги осталась у Давыдова в силѣ до самой смерти, а холить его он не переставал никогда. «Усатый воин», прозвал Давыдова Жуковский в своем к нему «Посланіи» в 1818 г.; «наш черноусый молодец» — Стромиллов в 1837 г. Далеко не сразу однако удалось Давыдову обзавестись «закрученными усами». Природа, обдѣлившая его ростом, и здѣсь как бы хотѣла поиздѣваться над ним. На первом по-времени из дошедших до нас изображеній Давыдова — очень занятном рисункѣ неизвѣстнаго художника 1803-4 г. г. — у молодого кавалергардскаго поручика чуть только пробиваются усы, очень мало напоминающіе «аршинные усы» Чингисхана, о родствѣ с которым так любил вспоминать Давыдов.

IV.

Оставшіеся в столицѣ друзья Давыдова не прерывали между тѣм своих настойчивых хлопот о возвращеніи изгнанника из армейской глуши в Петербург. Старанья их в концѣ-концов привели к благополучному результату. Да и как же им было не увѣнчаться успѣхом, когда во главѣ заступников находился брат Нарышки-

ной, обольстительной возлюбленной Государя, лейб-гусар кн. Четвертинскій. Марья Антоновна не знала отказа у Александра, который, назначив как-то по ея просьбѣ малоподходящее лицо присутствовать в Сенатѣ, как бы извиняясь перед министром юстиціи Дмитриевым, пояснял ему: «Я никак не мог отказать ей, я общал...»

Когда просьбы за Давыдова дошли до Александра из уст плѣнительной Нарышкиной, судьба опального гусара была рѣшена в его пользу и 4-го іюня 1806 года состоялся обратный перевод его поручиком в лейб-гусарскій полк. В началѣ сентября Давыдов, вернувшись в Петербург, пресѣдовал в Павловск, гдѣ квартировал эскадрон, в который он был назначен. Командовал эскадроном кн. Четвертинскій, с которым Давыдов теперь сошелся еще ближе. Очень подружился он и со своей заступницей, Марьей Антоновной Нарышкиной, которая с Давыдовым обходилась как с «нѣжно-любимым сыном». Она любила говорить, что в глазах его — «*La flamme de l'immortalité*» и всячески содѣйствовала ему в его служебных и амурных дѣлах. Давыдов повѣрял ей свои сердечныя тайны, читал ей свои стихи и не без основанія называл ее своим ангелом утѣшителем в жизненных невзгодах.

Жизнь в эскадронѣ проходила, как говорил сам Давыдов: «ладно; у нас было болѣе дружбы, чѣм службы, болѣе разсказов, чѣм дѣла, болѣе золота на ташках, чѣм в ташках, болѣе шампанскаго (разумѣется в долг), чѣм печали... всегда веселье и всегда на веселѣ».

Длительно безпечная и спокойная жизнь была однако не по нраву Давыдову: «мнѣ было тогда 22 года, вспоминал он, я кипѣлъ честолюбіем, уставал от бездѣйствія, чах от избытка жизни...» К тому же гвардія за два года отсутствія Давыдова из столицы побывала в походах, билась под Аустерлицем. «От меня еще пахло молоком, писал Давыдов, от нея несло порохом».

Давыдов всячески добивался — но пока что тщетно — назначенія в дѣйствующую армію, коротая невольные досуги с товарищами и в свѣтских салонах, гдѣ за ним понемногу устанавливалась слава остроумнаго собесѣдника и ѣдкаго насмѣшника. Современники позднѣе любили приводить западавшіе в их память язвительныя отзывы Давыдова о вещах и людях. Так, например, А. И. Тургенев, с которым Давыдов познакомился еще юношей в Москвѣ, вспоминал в качествѣ «острой и справедливой» сдѣланную Давыдовым характеристику ген. адъютанта Уварова, под начальством котораго Давыдов служил в 1802-3 г. г. в Кавалергардском полку. Уваров, в молодости малозначительный офицер, сдѣлал блестящую карьеру «амурными дурачествами» с матерью фаворитки Павла кн. Лолухиной, а также тѣм, что «вѣчно в разговорѣ дичь порол; два Императора дичь Уварова благосклонно слушали». Давыдов заклеилъ этого баловня счастья эпиграммой, в которой сказал про него раз навсегда к нему приставшую фразу: «он умничает глупо, а дурачится умно».

Не щадил Давыдов своим остроуміем и других вліятельных лиц, облекая свои ядовитые отзывы зачастую в стихотворную форму. Стихи эти не сохранились, но их было, повидимому, не мало; один из пріятелей Давыдова, гр. Васильев, служившій в Преображенском полку, сочинил даже французскіе стихи, гдѣ: жалуясь на чрезмѣрную плодовитость язвительной Музы Дениса Давыдова и сравнивая его с одноименным тираном Сиракуз, называл Давыдова «тираном наших ушей».

Когда под Іеной была разбита прусская армія, в Петербургѣ заговорили о возможности «движенія войск наших на помощь союзникам». Давыдов, все еще мечтавшій о назначеніи на фронт, возложил теперь всѣ надежды на фельдмаршала гр. Каменскаго. Звавшаго еще отца и дѣда его. «Я ожил, вспоминал он. Как бѣшенный пустился я в столицу, чтобы развѣдать о средствѣ втереться к нему в адъютанты или быть приписану к какому-нибудь армейскому полку идущему за-границу». Однако, несмотря на всѣ усилія, Давыдову не удавалось добиться перевода. «Тщсны были старанія мои», писал он.

Убѣдившись в безуспѣшности обычнаго рода хлопот, Давыдов рѣшился на чисто гусарскую выходку. Зная любовь к чудачествам «живого и строптиваго» фельдмаршала, Давыдов попытался достичь успѣха у престарѣлаго главнокомандующаго пріемом, противорѣчившим «обыкновенным правилам общежитія».

Об этом «налетѣ», произведенном им на стараго графа, Давыдов так рассказывал в своей «Встрѣчѣ с Каменским»:

«16-го ноября, в 4-м часу пополуночи, я надѣл мундир, сѣл в дрожки и пріѣхал к самому фельдмаршалу... Все спало в гостиницѣ... 9-ый номер находился на третьем этажѣ. Подойдя к дверям номера, я завернулся в шинель и прислонился в углу...» Надежды Давыдова скоро оправдались. «Отворяется дверь и маленький старичок... является в халатѣ, с головой повязанной бѣлой тряпичей». Удивленный неожиданной встрѣчей граф обратился к Давыдову с естественным вопросом: «к кому вы пришли?» «К Вашему Сіятельству», — был отвѣтъ Давыдова. «Пожалуйте сюда», сказал на это Каменскій. «Я пошел за ним... в спальню», рассказывал далѣе Давыдов. «Что вам надо?», спросил снова Каменскій. Тогда Давыдов объявил ему о своем желаніи служить на войнѣ, назвав себя и напомнив об имени отца. Каменскій вспомнил его, «любил и счень любил его, заявил он Давыдову, да и с дѣдушкой твоим мы были пріятелями».

Разговорившись далѣе с Давыдовым, Каменскій признался, что выходка пришлась ему по вкусу: «хорошо, сказал он, нынче же буду просить тебя с собою и расскажу Государю, как ты ночью ворвался ко мнѣ... Это я люблю, это значит ревность неограниченная, горячая; тут душа, тут сердце...»

Поутру о «наѣздническом наскокѣ» на фельдмаршала заговорили в Петербургѣ; в домѣ Нарышкиной только и разговоров было, что о «смѣлом набѣгѣ на бѣшенаго старика». Однако Госу-

дарь, несмотря на просьбу Каменскаго, отказал в назначеніи к нему адъютантом Давыдова. Тот уже считал, что всѣ его планы рушились и что ему придется остаться при «изящном занятіи равняться во фронтъ и драть горло перед взводом». Вѣроятно, так и было бы, если бы в дѣло еще раз не вмѣшалась Нарышкина. «одно слово которой было тогда повелѣніем». По ея ходатайству 5-го декабря 1806 г. Давыдов был, наконец, зачислен в дѣйствующую армію адъютантом к Багратиону, командовавшему авангардом.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Двѣ дѣвочки. Одна с косою тугой,
Другая стриженная послѣ кори
Идут аллеей, за руки держась.
Кто эти дѣвочки? Садится солнце
И нѣжно плачут жаворонки в небѣ,
В аллеѣ тѣнь, и камень бѣл и сух.
Кто эти дѣвочки? То ты, быть может,
И я, и вмѣстѣ нам идти легко.
Дом далеко, а рай почти что рядом.
Оттуда к нам идут навстрѣчу двое:
Мой милый друг, мой старшій брат, товарищ
Ушедших юных лѣтъ, и твой отец.
Они нас долго ждали. В этот вечер
Они ото всего нас оградят,
Мы никогда их больше не покинем.
А эта жизнь, и все, что послѣ было,
И что теперь, и то еще, что будет,
Давай все это правдой не считать.
Мы так прошли с тобой по той аллеѣ:
Рука с рукой. Ты стрижена, как мальчик,
А у меня коса. Нам десять лѣтъ.
И вѣчным миром приняло нас небо.

1948.

ОТ РЕДАКЦИИ

В августѣ 1946 г. в Москвѣ центральный комитет коммунистической партіи, по докладу Жданова, сурово осудил Зощенко за ряд рассказов, печатавшихся в первые послѣвоенные мѣсяцы в журналах «Ленинград» и «Звѣзда». Наибольшій гнѣвъ партіи и Жданова навлек рассказ «Приключеніе обезьяны», гдѣ «клеветнически изображены совѣтскіе люди в уродливо-карикатурной формѣ, как примитивные, глупые и малокультурные обыватели». Это «злостно-хулиганское изображеніе совѣтской дѣйствительности» завершалось у Зощенко преступным выводом, будто «в клѣткѣ зоологическаго сада дышется спокойнѣе нежели в совѣтском быту».

Опала Зощенко известна всѣм в эмиграціи; но, так как совѣтское правительство приняло мѣры к тому, чтобы «пасквильные рассказы» Зощенко не проникли за-границу, то их почти никто в эмиграціи и не прочел. Воспроизводим, поэтому, для наших читателей полностью и «Приключеніе обезьяны», и еще другой рассказ Зощенко из того же «пасквильнаго» цикла,—«Фотокарточку».

I

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ОБЕЗЬЯНЫ

В одном городѣ на югѣ был зоологическій сад. Небольшой зоологическій сад, в котором находились один тигр, два крокодила, три змѣи, зебра, страус и одна обезьяна или, попросту говоря, мартышка. И, конечно, разная мелочь — птички, рыбки, лягушки и прочая незначительная чепуха из міра животных.

В началѣ войны, когда фашисты бомбили этот город, одна бомба попала прямо в зоологическій сад. И там она разорвалась с громадным оглушительным треском. Всѣм звѣрям на удивленье.

Причем были убиты три змѣи — всѣ сразу, что, быть может, и не является таким уж тяжелым фактом. И, к сожалѣнію, страус. Другіе же звѣри не пострадали. И, как говорится, только лишь отдѣлались испугом.

Из всѣх звѣрей наиболѣе всего была перепугана обезьяна, мартышка. Ея клѣтку опрокинуло воздушной волной. Эта клѣтка упала со своего возвышенія. Боковая стѣнка сломалась. И наша обезьяна выпала прямо на дорожку сада.

Она выпала на дорожку, но не осталась лежать неподвижной

по примѣру людей, привыкших к военным дѣйствіям. Наоборот. Она тотчас влѣзла на дерево. Оттуда прыгнула на забор. С забора на улицу. И, как угорѣлая, побѣжала.

Бѣжит и, навѣрно, думает: «нѣтъ, думает, если тут бомбы кидают, то я не согласна». И, значит, что есть силы бѣжит по улицам города. И до того быстро бѣжит — будто ее собаки за пятки хватают.

Пробѣжала она через весь город. Выбѣжала на шоссе. И бѣжит по этому шоссе прочь из города. Ну — обезьяна. Не человек. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться в этом городѣ.

Бѣжала, бѣжала и устала. Переутомилась. Влѣзла на дерево. Съела муху для подкрѣпленія сил. И еще пару червячков. И заснула на вѣткѣ, там, гдѣ сидѣла.

А в это время бѣжала по дорогѣ военная машина. Шофер увидѣл обезьяну на деревѣ. Удивился. Тихонько подкрался к ней. Накрыв ее своей шинелькой. И посадил в свою машину. Подумал: «Лучше я ее подарю каким-нибудь своим знакомым, чѣм она тут погибнет от голода, холода и других лишений». И, значит, поѣхал вмѣстѣ с обезьяной.

Приѣхал в город Борисов. Пошел по своим служебным дѣлам. А мартышку в машинѣ оставил. Сказал ей:

— Подожди меня тут, милочка. Сейчас вернусь.

Но мартышка наша не стала ждать. Она вылѣзла из машины через разбитое стекло и пошла себѣ по улицам гулять.

И вот идет она, как миленькая, по улицѣ, гуляет, прохаживается, задеря хвост. Народ, конечно, удивляется, хочет ее поймать. Но поймать ее не так-то легко. Она живая, проворная, бѣгает быстро на своих четырех руках. Так что ее не поймали, а только замучили напрасной бѣготней.

Замучилась она, устала и, конечно, кушать захотѣла.

А в городѣ гдѣ она может покушать? На улицах ничего такого съѣдобнаго нѣтъ. Не может же она со своим хвостом в столовую зайти. Или в кооператив. Тѣм болѣе денег у нея нѣтъ. Скидки нѣтъ. Продуктовых карточек она не имѣет. Кошмар.

Все-таки она зашла в один кооператив. Почувствовала, что там что-то такое имѣется. А там отпускали населенію овощи — морковку, брюкву и огурцы.

Заскочила она в этот магазин. Видит — большая очередь. Нѣтъ, в очереди она не стала стоять. И не стала расталкивать людей, чтобы прѣбиться к прилавку. Она прямо по головам покупателей добѣжала до продавщицы. Вскочила на прилавок. Не спросила, почему стоит кило морковки. А просто схватила цѣлый пучок морковки. И, как говорится, была такова. Выбѣжала из магазина, довольная своей покупкой. Ну — обезьяна. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться без продовольствія.

Конечно, в магазинѣ шум произошел, гам, переполох. Публика закричала. Продавщица, которая вѣшала брюкву, та вообще

чуть в обморок не грохнулась от неожиданности. И действительно можно напугаться, если вдруг рядом, вмѣсто обычного, нормального покупателя, скачет что-то такое мохнатое, с хвостом. И еще, вдобавок, денег не платит.

Публика бросилась за обезьяной на улицу. А та бѣжит и на ходу морковку жует, кушает. Не понимает, что к чему.

И вот впереди всѣх бѣгут мальчишки. За ними взрослые. А позади бѣжит милиционер и дует в свой свисток.

И вдруг, откуда ни возьмись, выскочила собака. И тоже погналась за нашей мартышкой. При этом, такая нахалка, не только тявкает и лает, а прямо-таки норовит схватить обезьяну своими зубами.

Наша мартышка побѣжала быстрѣй. Бѣжит и, навѣрно, думает: «Эх, думает, зря покинула зоосад. В клѣткѣ покойнѣй дышится. Непремѣнно вернусь в зоосад при первой возможности».

И вот бѣжит она что есть мочи, но собака не отстает и вот-вот хочет ее схватить.

И тогда наша обезьяна вскочила на какой-то забор. И когда собака подпрыгнула, чтоб схватить мартышку хотя бы за ногу, та со всей своей силы ударила ее морковкой по носу. И до того больно ударила, что собака завизжала и побѣжала домой со своим разбитым носом. Навѣрно подумала: «Нѣт, граждане, лучше я буду дома спокойно лежать, чѣм ловить вам обезьяну и испытывать такія пренепріятности».

Короче говоря, собака убѣжала, а наша обезьяна прыгнула во двор.

А во дворѣ в это время колот дрова один мальчик, подросток, нѣкто Алеша Попов.

Вот он колет дрова и вдруг видит обезьяну. А он очень любил обезьян. И всю свою жизнь мечтал имѣть при себѣ какую-нибудь такую обезьяну. И вдруг? — пожалуйста.

Алеша скинул с себя пиджачок и этим пиджачком накрыл мартышку, которая забилаась в угол на лѣстницѣ.

Мальчик принес ее домой. Накормил ее. Чаем напоил. И обезьяна была очень довольна. Но не совсем. Потому что Алешина бабушка сразу ее не взлюбила. Она накрѣчала на мартышку и даже хотѣла ударить ее по лапѣ. Все из-за того, что когда пили чай и бабушка положила свою откусанную конфету на блюдечко, обезьяна схватила эту бабушкину конфету и запихала ее в свой рот. Ну — обезьяна. Не человек. Тот если и возьмет что, так не на глазах же у бабушки. А эта прямо в присутствіи бабушки. И, конечно, довела ее чуть не до слез.

Бабушка сказала:

— Вообще это крайне непріятно, когда в квартирѣ живет какая-то макака с хвостом. Она будет меня пугать своим нечеловѣческим видом. Будет прыгать на меня в темнотѣ. Будет кушать мои конфеты. Нѣт, я категорически отказываюсь жить в одной квартирѣ с обезьяной. Ктонибудь из нас двоих должен находиться

в зоологическом саду. Неужели же непременно я должна перейти в зоологический сад. Нѣтъ, уж пусть лучше она находится там. А я буду продолжать жить в моей квартирѣ.

Алеша сказал бабушкѣ:

— Нѣтъ, бабушка, вам не надо переходить в зоологический сад. Я вам гарантирую, что мартышка больше ничего у вас не съѣст. Я ее воспитаю как человекѣ. Я научу ее кушать с ложечки. И пить чай из стакана. Что касается прыжков, то не могу же я запретить ей лазать на лампу, которая висит на потолкѣ. Оттуда, конечно, она может прыгнуть вам на голову. Но вы, главное, не пугайтесь, если это произойдет. Потому что это всего лишь безобидная обезьяна, привыкшая в Африкѣ прыгать и скакать.

На другой день Алеша ушел в школу. И попросил свою бабушку присмотрѣть за обезьяной. Но бабушка не стала за ней смотрѣть. Она подумала: «Вот еще, стану я смотрѣть за всяким чудовищем». И с этими мыслями бабушка взяла и нарочно заснула в креслѣ.

И тогда наша обезьяна вылѣзла через открытую форточку на улицу. И пошла себѣ по солнечной сторонѣ. Неизвѣстно — может быть, она прогуляться хотѣла, но может быть, и рѣшила снова заглянуть в магазин, чтоб там что-нибудь себѣ купить. Не на деньги, а так.

А по улицѣ проходил в это время один старик. Инвалид Гаврилыч. Он шел в баню. И в руках нес небольшую корзинку, в которой лежало мыло и бѣлье.

Он увидѣл обезьяну и сначала даже не повѣрил своим глазам, что это обезьяна. Он подумал, что это ему показалось, поскольку перед этим он выпил кружку пива.

Вот он с удивленіем смотрит на обезьяну. И та на него смотрит. Может быть, думает: «Это еще что за чучело с корзинкой в руках».

Наконец Гаврилыч понял, что это настоящая обезьяна, а не воображаемая. И тогда он подумал: «Дай-ка я ее словлю. Отнесу завтра на рынок и там продам ее за сто рублей. И на эти деньги подряд выпью десять кружек пива». И с этими мыслями Гаврилыч стал ловить обезьяну, приговаривая:

— Кыс, кыс, кыс... подойди сюда.

Нѣтъ, он знал, что это не кошка, но он не понимал, на каком языкѣ с ней надо разговаривать. И только потом сообразил, что это высшее существо из міри звѣрей. И тогда он вытащил из кармана кусочек сахара, показал его обезьянѣ и сказал ей, поклонившись:

— Красавица мартышка, не желаете ли скушать кусочек сахара.

Та говорит: «Пожалуйста, желаю»... То есть вообще-то она ничего не сказала, потому что она говорить не умѣет. Но она просто подошла, схватила этот кусочек сахара и стала его кушать.

Гаврилыч взял ее на руки и посадил в свою корзинку. А в

корзинкѣ было тепло и уютно. И наша маргышка не стала оттуда выскакнвать. Быть может, она подумала: «Пусть этот старый пень понесет меня в своей корзинкѣ. Это даже интересно».

Сначала Гаврилыч думал отнести ее домой. Но потом ему не захотѣлось домой возвращаться. И он пошел с обезьянкой в баню. Подумал: «Еще и лучше, что я с ней в баню схожу. Я там ее вымою. Она будет чистенькая, прятненькая. На шею я ей бантик привяжу. И мнѣ за нее на рынкѣ дороже дадут».

И вот он со своей маргышкой пришел в баню. И стал с нею мыться.

А в банѣ было очень тепло, жарко — прямо как в Африкѣ. И наша маргышка была очень довольна такой теплой атмосферой. Но не совсем. Потому что Гаврилыч намылил ее мылом, и мыло попало в рот. Конечно, это невкусно, но уж не настолько, чтоб кричать, царапаться и отказываться мыться. В общем, наша маргышка стала плевать, но тут мыло попало ей в глаз. И от этого маргышка совершенно обезумѣла. Она укусила Гаврилыча за палец, вырвалась из его рук и, как угорѣлая, выскочила из бани.

Она выскочила в ту комнату, гдѣ раздѣвались люди. И там она всѣх перепугала. Никто же не знал, что это обезьяна. Видят — выскочило что-то такое круглое, бѣлое, в пѣнѣ. Кинулось сначала на диван. Потом на печку. С печки на ящик. С ящика кому-то на голову. И снова на печку.

Нѣкоторые нервные посетители закричали и стали выбѣгать из бани. И наша обезьяна тоже выбѣжала. И спустилась вниз по лѣстницѣ.

А там внизу находилась касса с окошечком. Обезьяна прыгнула в это окошечко, думая, что там ей будет покойнѣе и, главное, не будет такой суетни и толкотни. Но в кассѣ сидѣла толстая кассирша, которая ахнула и завизжала. И выбѣжала из кассы с криком:

— Караул! Кажется бомба попала в мою кассу. Накапайте мнѣ валеріанки.

Нашей маргышкѣ надоѣли всѣ эти крики. Она выскочила из кассы и побѣжала по улицѣ.

И вот бѣжит она по улицѣ, вся мокрая, в мыльной пѣнѣ. А за ней снова бѣгут люди. Впереди всѣх мальчишки. За ними взрослые. За взрослыми милиціонер. А за милиціонером наш престарѣлый Гаврилыч, кое-как одѣтый, с сапогами в руках.

Но тут снова, откуда ни возьмись, выскочила собака, та самая, которая вчера за ней гналась.

Увидѣв ее, наша маргышка подумала: «Ну, теперь, граждане. я окончательно пропала».

Но собака на этот раз не погналась за ней. Собака только посмотрѣла на бѣгущую обезьяну, почувствовала сильную боль в носу и не побѣжала, даже отвернулась. Наверно подумала: «Носов не напасешься — бѣгать за обезьянами». И хотя отвернулась, но сердито залаяла — дескать, бѣги, но чувствуй, что я тут.

А в это время наш мальчик, Алеша Попов, вернувшись из школы, не нашел дома своей любимой обезьянки. Он очень огорчился. И даже слезы показались на его глазах. Он подумал, что теперь уже никогда больше он не увидит своей славной, обожаемой обезьянки.

И вот от скуки и грусти он вышел на улицу. Идет по улицѣ меланхолической такой. И вдруг видит — бѣгут люди. Нѣтъ, сначала он не подумал, что они бѣгут за его обезьяной. Он подумал, что они бѣгут благодаря воздушной тревогѣ. Но тут он увидѣлъ свою обезьяну, всю мокрую, в мыльѣ. Он бросился к ней. Схватил ее на руки. И прижал к себѣ, чтоб никому ее не отдавать.

И тогда всѣ бѣгущіе люди остановились и окружили мальчика.

Но тут из толпы вышел престарѣлый Гаврилыч. И, всѣм показывая свой укушенный палец, сказал:

— Граждане, не велите этому парнишкѣ брать на руки мою обезьяну, которую я завтра хочу продать на рынкѣ. Это же моя собственная обезьяна, которая укусила меня за палец. Взгляните всѣ на этот мой распухшій палец. И это есть доказательство того, что я говорю правду.

Мальчик Алеша Попов сказал:

— Нѣтъ, эта обезьяна не его, это моя обезьяна. Видите, с какой охотой она пошла ко мнѣ на руки. И это тоже доказательство того, что я говорю правду.

Но тут из толпы выходит еще один человек — тот самый шофер, который привез обезьяну в своей машинѣ. Он говорит:

— Нѣтъ, это не ваша обезьяна. Это моя мартышка, потому что я ее привез. Но я снова уѣзжаю в свою воинскую часть, и поэтому я подарю обезьяну тому, кто ее так любовно держит в своих руках, а не тому, кто хочет ее безжалостно продать ради своей выпивки. Обезьяна принадлежит мальчику.

И тут вся публика захлопала в ладоши. И Алеша Попов, сияющій от счастья, еще крѣпче прижал к себѣ обезьяну. И торжественно понес ее домой.

Гаврилыч же со своим укушенным пальцем пошел в баню домываться.

И вот с тѣх пор обезьяна стала жить у мальчика Алеша Попова. Она и сейчас у него живет. Недавно я ѣздил в город Борисов. И нарочно зашел к Алешѣ — посмотреть, как там она у него живет. О, она хорошо живет. Она никуда не убѣгает. Стала очень послушной. Нос вытирает платком. И чужих конфет не берет. Так что бабушка очень теперь довольна, не сердится на нее и уж больше не хочет переходить в зоологическій сад.

Когда я вошел в комнату к Алешѣ, обезьяна сидѣла за столом. Она сидѣла важная такая, как кассирша в кино. И чайной ложечкой кушала рисовую кашу.

Алеша сказал мнѣ:

— Я воспитал ее как человекѣ, и теперь всѣ дѣти и даже отчасти взрослые могут брать с нея примѣръ.

ФОТОКАРТЧКА

В этом году мнѣ понадобилась фотокарточка для пропуска. Не знаю, как в других странах, а у нас на периферіи заснять на карточку не является простым обыкновенным дѣлом.

У нас имѣется одна художественная фотографія. Но она помимо отдѣльных граждан снимаетъ еще группы и мѣропріятія. И, можетъ быть, поэтому слишкомъ долго приходится ждать полученія своихъ заказовъ.

Такъ что, являясь скорѣй отдѣльнымъ лицомъ, чѣмъ группой или мѣропріятіемъ, я побезпокоился заранѣе и заснялся за два мѣсяца до срока.

Когда мнѣ подали мои фотокарточки, я удивился, какъ непохоже я вышелъ. Передо мной былъ престарелый субъектъ совершенно неинтересной наружности.

Я сказалъ той, которая подала мнѣ карточки:

— Зачѣмъ же вы такъ людей снимаете? Смотрите, какие полосы и морщины проходятъ сквозь все лицо.

Та говоритъ:

— Обыкновенно снято. Только надо учесть, что у насъ ретушер на бюллетенѣ. Некому замазывать дефекты вашей нефотогеничной наружности.

Фотографъ, находясь за портьерой, говоритъ:

— А чѣмъ онъ тамъ еще недоволенъ?

Я говорю:

— Неважно сняли, уважаемый. Изуродовали. Развѣ ж я такой?

Фотографъ говоритъ:

— Я опереточныхъ артистовъ снимаю, и то они нисколько не обижаются. А тутъ нашелся одинъ такой — морщинъ ему много... Объективъ беретъ слишкомъ рѣзко, рельефно... Не знаете техники, а тоже суетесь быть критикомъ.

Я говорю:

— На что жъ мнѣ рельефъ на моемъ лицѣ — войдите въ положеніе. Мнѣ бы, говорю, просто сняться, какъ я есть. Чтобъ было на что глядѣть.

Фотографъ говоритъ:

— Ах, ему еще глядѣть нужно. Его же сняли, и онъ еще на это глядѣть хочетъ. Капризничаетъ в такое время. Дефекты видит... Нѣтъ, я жалѣю, что я такъ прилично снял. В другой разъ я васъ такъ сниму, что вы со стономъ на карточки взглянете.

Нѣтъ, я не сталъ с нимъ спорить. Неважно, думаю, какая фотокарточка на пропускѣ. И такъ всѣ видятъ, какой я есть.

И с этими мыслями являюсь в отдѣленіе. Сержантъ милиціи сталъ лѣпить карточку на мой пропускъ. Послѣ говоритъ:

— По-моему, на карточкѣ это не вы.

— Гдѣ же, говорю, не я. Увѣрю вас, это я. Спросите фотографа. Он подтвердит.

— Всякій раз фотографа спрашивать это что и будет. Нѣтъ, я хочу на карточкѣ видѣть данное лицо, без вызова фотографа. А тут я наблюдаю совсѣм не то. Какой-то больной сыпным тифом. Даже щек нѣтъ. Пойдите переснимитесь.

— Товарищ, говорю, вачальник, войдите в положеніе...

— Нѣтъ, нѣтъ, говорит, и слышать ничего не хочу. Переснимитесь.

Бѣгу в фотографію. Говорю фотографу:

— Видите, как слабо снимаете. Не наклеивает вашу продукцію.

Фотограф говорит:

— Продукція самая нормальная. Но, конечно, надо учесть, что для вас мы не засвѣтили полную иллюминацію. Снимали при одной лампочкѣ. И через это тѣни упали на ваше лицо, затемнили его. Однако, не настолько они его затемнили, чтоб ничего не выдавать. Эвон как уши у вас прилично вышли.

— Ну, хорошо, говорю, уши. А щеки, говорю, гдѣ? Уж щеки-то, говорю, должны быть, как принадлежность человѣческаго лица.

Фотограф говорит:

— Не знаю. Ваших щек мы не трогали. У нас свои есть.

— Тогда, говорю, гдѣ же они, мои щеки? Я, говорю, двѣ недѣли провел в домѣ отдыха. Четыре кило веса прибавил. А вы тут одной своей съемкой чорт знает что со мной сдѣлали.

Фотограф говорит:

— Да что я себѣ взял ваши щеки, что ли? Кажется, вам ясно говорят — затемненіе упало на них. И через то они не получились.

Я говорю:

— А как же тогда без щек?

— А, говорит, как хотите. Переснимать не буду. Всѣх переснимать — это я преміи лишусь и плана не выполню. А мнѣ плаи дороже вашей нефотогеничной физиономіи.

Посѣтители говорят мнѣ:

— Не нервнируйте фотографа. А то он еще хуже будет людей снимать.

Один из посѣтителей говорит мнѣ:

— Уважаемый, бѣгите на рынок. Там фотограф «Пушкой» снимает.

Бѣгу на рынок. Нахожу фотографа. Тот говорит:

— Нѣтъ, я снимаю только со своей бумагой. Без бумаги лучше не являйтесь ко мнѣ, все равно снимать не буду. А с бумагой сниму. И если у вас есть перина — тоже сниму. Ко мнѣ тетя из Барнаула приѣхала — ей спать не на чем.

Я было хотѣл уйти, но тут слышу какой-то продавец меня к себѣ кличет. Говорит:

— Давай подходи к моему магазину. Имѣю готовую продукцію.

Смотрю, у него на газетѣ разложены всякія разныя готовыя фотокарточки. Их штук триста.

Продавец говорит:

— Выбирай себѣ любую и дѣлай с ней, что хочешь. Хоть на лоб себѣ наклеивай. Погоди, дай я тебѣ сам подберу. Тебѣ как — по размѣрам или по сходству?

— По сходству, говорю. Только, говорю, выбирай такую, чтоб щеки были.

Тот говорит:

— Можно и со щеками. Но только они будут дороже на пять рублей... На, прими вот эту фотокарточку. Лучше ее не найти. И щеки есть и нельзя сказать, чтоб сходство начисто отсутствовало.

Я заплатил тридцать рублей за двѣ фотокарточки и пошел в отдѣленіе.

Сержант милиціи стал лѣпить мою карточку. Послѣ говорит:

— Так вѣдь это ж баба.

— Гдѣ же, говорю, баба. Мужчина в пиджакѣ.

Сержант говорит:

— Гдѣ же к чорту мужчина, если у него на груди брошка. Через эту брошку я и замѣчаю, что это баба.

Поглядѣлъ я на фотокарточку — вижу, дѣйствительно женщина. Маркизетовая кофточка под пиджаком. На груди брошка с пейзажем. А прическа мужская. И щеки мои.

Сержант говорит:

— Явитесь сюда с настоящими карточками. Но если вы еще раз предьявите мнѣ женскую или дѣтскую фотокарточку, то вряд ли вы отсюда выйдите, поскольку у меня мелькают подозрѣнія, что вы хотите скрыться под чужой наружностью.

Цѣлую недѣлю я провел, как в туманѣ. Хлопотал, гдѣ бы сваяться. На восьмой день, бесѣдуя с фотографом, я почувствовал себя худо. И тогда они вынесли меня в сад и положили на траву, чтоб там меня овѣялъ свѣжій воздух. Придя в себя, я пошел в отдѣленіе. Положил на стол свои первыя фотокарточки без щек и сказал сержанту:

— Вот все, что я имѣю, товарищ начальник. И больше ничего не предвидится.

Сержант поглядѣлъ на карточки, потом на меня и говорит:

— Вот теперь ничего себѣ получилось. Похожи.

Я хотѣлъ сказать, что я и не переснимался вовсе. Послѣ взглянул на себя в зеркало — дѣйствительно, вижу, есть теперь нѣкоторое сходство. Получилось.

Сержант говорит:

— И хотя на карточкѣ вы немного болѣе облѣзлый, чѣм на

самом дѣлѣ, но, говорит. я так думаю, что через год вы сравняетесь.

Я говорю:

— Я раньше сравняюсь поскольکو миѣ нужно еще сниматься для проѣздного документа, для членскаго билета и для посылки фотоскарточек моим родственникам.

Тут сержант наклеил мою фотоскарточку и горячо поздравил меня с получением пропуска.

П. Р. ПЬТУХОВ.

(Стихи, присланные из Норвегии)

ИЗ КНИГИ «ЗЕМЛЯ»

Повстрѣчали гармониста
На окраинѣ села...
Вдруг тальянка серебристо
Тишину разорвала.
Парни с пѣсней, рядами,
По четыре, по три в ряд:
— Эй, пошли, дѣвчата, с нами! —
Только дѣвушки молчат.
Парни вправо — дѣвки влѣво.
Парни взад — онѣ вперед.
Но бойчѣй звенят напѣвы,
Вся деревня уж поет.
Под Андрееву двухрядку
По саратовски поют.
Вот и дѣвушки украдкой
Гармонисту знак дают:
Знай, мол, Ваня, шири-бары,
На кадрили настрой лады! —
Закружились вихрем пары,
И деревья и сады...
Юбки, кофточка, узоры,
Полушалки, кружева,
Смѣх, улыбки, лица, взоры,
Ух! Кружится голова.
А всего, всего чудеснѣй —
Звуков сладостный полет.
Разнозвонной русской пѣсней
Все без умолку поет.

— На окошкѣ два цвѣточка,
Голубой да аленькій;
Мой миленочек красивый,
Только ростом маленький —
— Вѣйся, вѣйся, развѣвайся
В правой ручкѣ, тросточка;
Не ходи, духанька, замуж,

Жди меня, подросточка. —
— Елочка, сосеночка,
Колючая — боюсь я;
Молоденька дѣвченочка,
С тобою расстаюся я. —
— Коля, Коля, Николай,
Коля-Николушечка;
Кому Коля — негодяй,
Мнѣ — дѣвченкѣ — душечка! —
— Поиграйте, поиграйте,
Хорошо играете:
Ваше сердце на покоѣ,
Про мое не знаете. —
— Не ругай меня, мамаша,
Что я поздно прихожу;
Я послѣдній год гуляю,
Скоро замуж выхожу. —
— Ты играй, играй, двухрядка,
Только не подыгрывай;
Ты, прѣзжій гармонист,
Со мною не заигрывай. —
— Ох, тоненькій, тоненькій
На рѣченькѣ ледок!
Ох, легонькой, легонькой
У дѣвушек умок! —
— Балалаечка, звени,
Звени-звени, позванивай;
Да не в шуточку звени,
Подарочки вымаивай. —
— Хулиган мальчишка я,
Гонят дѣвушки меня;
Любят только вдовушки,
Отчаянны головушки. —
— Голубой платок линяет
На моей головушкѣ;
Мой миленочек страдает
На чужой сторонущкѣ. —
— Неужели в самом дѣлѣ
Пожелтѣл зеленый сад?
Неужели в самом дѣлѣ
Хочет милочка бросать? —
— Скоро, скоро Троица,
Березки понакроются;
Милый вспомнит, поцѣлует
Сердце успокоится. —
— Я, дѣвченочка, богата:
Три колечка, двѣ косы;
Цѣловал меня усатый —
Попадали в рот усы. —

— Я не сам ворота мазал --
Мазала мазилочка;
Я не сам губил дѣвченку —
Помогла бутылочка. —
— В полѣ цвѣтики цвѣтут,
Алые цвѣточики;
Скоро годики идут,
Юные годочки. —
— Не ходите, дѣвки, замуж:
Замужем не весело;
Я на что была веселой,
Голову повѣсила. —
— Василечек, Василечек,
В полѣ цвѣтик василек;
Ты такой-же синесокій,
Вася, Вася, Василек. —
— Сядем, миленькій, побаем,
Щец горячих похлебаем;
Друг на друга поглядим,
Будто меду поѣдим. —
— На окошечкѣ бутылочка
Ничѣм не налита;
Я, молоденька дѣвченочка,
Никѣм не занята. —
— Думал уточку убить.
Сѣрая закрикала;
Думал дѣвушку забыть.
Бѣдная заплакала. —
— Милый — роза, милый — роза
Милый — роза чайная;
При тебѣ сижу веселой,
Без тебя — печальная...

То не вѣтер пѣ над кленами,
Не вѣтер вдаль плывет,
То молодость зеленая
Поет, поет, поет...

«СТИХИ О ПЕТЕРБУРГѢ»

Печатаемые ниже стихотворения, предоставленные редакцией Г. П. Струве, принадлежат перу одной советской поэтессы.

ПАВЛОВСК

На бѣлыя рѣсниды маргариток
Легла роса: цвѣт снѣга и колонн.
Двѣнадцать аллея песчаный свиток
Развернут вширь. Здѣсь правит Аполлон.

И желтизна дворцовых стѣн — как осень,
Как маргариток желтенькій глазок.
Нам отдых дан. Мы большаго не просим.
На солнечных часах нам выйдет срок.

Недвижен Павел, озирая службы,
Гдѣ гонг сзывает граждан на обѣд.
О, милый Павловск, храм нетлѣнной дружбы —
С той родиной, которой больше нѣтъ.

ФЕЛЬТЕН *)

С глухой конюшни крик истощный,
Французскій говор в свистѣ пург —
Екатерининскій, роскошный,
Тяжеловѣсный Петербург.

Но в полукругах ломких линий,
В крутых извивах — (путь огня!) —
Она, смотри, цѣла доньяѣ,
Прямая линия твоя.

Дубы Петра сухой и четкій
Плѣнил навѣки твой чугуи;
Высокій строй твоей рѣшетки —
Как плѣние гранитных струн...

*) Юрій Фельтен (1730-1801), русскій архитектор, директор Академіи Художеств, сподвижник Растрелли.

Какой судьбой — никто не скажет
И меньше всѣх, быть может, ты —
Но всходят стѣны Эрмитажа,
Геометрически просты.

Колокола и окна — нѣмы,
Но церковь — нѣтъ, я не могу:
Она лѣпною теоремой,
Голубкой стынет на снѣгу...

И пусть Невы разбита дельта
На планах вдоль и поперек:
Краеугольным камнем Фельтен
В той стройке бѣшеной залег.

Т Ю Т Ч Е В

ЖИЗНЬ И СУДЬБА.

(К 75-лѣтію кончины).

М. М. М.

...«Как звѣзды ясныя в ночи». Это стихи Тютчева. Да, звѣзды. «Любуйся ими — и молчи». Но стихи рождены жизнью. Тютчевскіе стихи и особенно изошли из его жизни и судьбы. Может быть, сама жизнь эта есть нѣкое художественное произведение?

Ея начало озарено почти волшебнo: роскошный дом имѣнія Овстуг (Брянскаго уѣзда, Орловской губерніи). Изящный, ласковый мальчик, очень одаренный, баловень матери. В домѣ смѣсь духа православнаго с французскими вліяніями. — Так и всегда было в барствѣ русском. Говорили в семьѣ по-французски, а у себя в комнатѣ Екатерина Львовна, мать поэта (урожденная графиня Толстая), читала церковно-славянскіе часословы, молитвенники, псалтыри.

«Юный принц» возрастал привольно. Учился, но нельзя сказать, чтобы умучивался трудом — навсегда осталось широкое, вольготное отношеніе к работѣ.

Если уж говорить о дарах судьбы, удачах ранняго его дѣтства, то это будут двѣ фигуры, по крови ему не родственныя, но принявшія на свои руки его младенчество, юность: дядька и учитель. Хлопов и Раич.

Нѣкогда крѣпостной Татищева, а затѣм отпущенный, Николай Афанасьевич Хлопов поступил на службу к отцу поэта. Был грамотный, богомольный, разсудительный человекъ. Пользовался полным довѣріем и уваженіем хозяев. Мальчику исполнилось четыре года, когда попал он в руки Николая Афанасьича — и долго продолжалась дружба, очень нѣжная, между барченком — позже дипломатом, поэтом — и полу-рабом. За нѣсколько лѣтъ до смерти с волненіем вспоминает Тютчев, в письмѣ к брату, о дѣтски-восторженной привязанности своей к Николаю Афанасьевичу.

Явное дѣло: всѣ позднія его «бѣдныя селенья», «смиренная нагота» Россіи были даны уже с дѣтства, почти с колыбели в обликѣ этом. Николай Афанасьевич Хлопов есть просто сама народная и православная Россія, приблизившаяся к ребенку идохнувшая на него всей кротостію и простотой своей.

Семен Егорович Раич тоже была Россія, но Россія высоко просвѣщенная. Не в себѣ лишь замкнутая, а в даровитости своей ебирающая весь мір — поэзіи и культуры. Учитель не из обычных. Брат митрополита Филарета Кіевскаго, ученый, отчасти и сам поэт. Человекъ возвышенной настроенности, безкорыстный, склонный к энтузіазму. Рим, Италія, вот что влекло его. Переводил Виргилія, Тассо, Аріосто. Через него Тютчев с отрочества полюбил горизонты болѣе далекіе, чѣм Овстуг, Брянск и Орел. Раич сдѣлал из него отличнаго латиниста — и уж вот четырнадцать лѣтъ, за перевод в стихах из Горация, он становится членом Общества Любителей Россійской Словесности в Москвѣ. Какой успѣх! Какой триумф дома, у себя — первый и, кажется, послѣдній, в литературной жизни Тютчева.

В тѣ времена счет годов шел быстрѣе: пятнадцатилѣтній мальчик, с блестящими, правда, способностями, готовился ко вступленію в Университет (Московскій). И вот первая встрѣча, тоже отчасти волшебная, с настоящим, уже знаменитым поэтом: отец повел его в Кремль, представлять Жуковскому.

«Малый двор», двор Великаго Князя Николая Павловича находился тогда (в 1818 г.) в Москвѣ. Жуковскій при нем также. Тютчевы попали в Кремль как раз в минуточку, когда у В. Кн. Александры Федоровны родился сын, будущій Император Александр II. Палили пушки, гудѣли колокола. Жуковскій с бокалом шампанскаго, как близкій к царской семьѣ человекъ, из окна Чудова монастыря поздравлял народ. На молоденькаго поэта это

произвело такое впечатлѣніе, что чрез пятьдесят пять лѣтъ, полу в параличѣ, пытался он вспомнить в стихах это раннее утро, «смирненную» келію «незабвеннаго Жуковскаго» в Чудовом монастырѣ, гул колоколов и салюты.

А тогда все еще было для него впереди: отлично учился, мог как равный разсуждать о литературѣ с Мерзляковым, выѣзжал в свѣтъ и уже начинал безконечную, сложную и драматическую исторію своего сердца, своих влюбленностей.

В 1821 году Университет окончен, в февралѣ 22-го он уже в Петербургѣ, служит в Коллегіи Иностранных Дѣлъ, а в іюнѣ граф Остерман-Толстой, родственник матери, увозит его в своей каретѣ за границу. Устраивает сверхштатным чиновником нашей миссіи в Мюнхенѣ. В той-же каретѣ, на козлах, уѣзжал с молодым барином домашній лар Тютчевых, Николай Афанасьевич Хлопов: Россія шла за поэтом на запад.

И пришла прочно, вселилась в нѣмецкой квартирѣ Тютчева в Мюнхенѣ. Пока служил он в миссіи, писал незрѣлые еще стихи и занимался романами, Николай Афанасьевич вел хозяйство, был сам и поваром, и опекуном. Готовил русскія блюда, удивляя иностранных гостей, для себя устроил особый московско-православный угол с иконами и лампадками — с ним явился в Мюнхенѣ тот русскій язык, котораго, кромѣ как у Хлопова, ни у кого там не было — біограф может дивиться, как это удалось Тютчеву так сохранить свою русскость и язык: но у Пушкина была няня, у Тютчева дядька.

Николай Афанасьевич переписывался из Мюнхена с Екатериной Львовной — разсказывал ей о сынѣ, который писал домой лѣниво, рѣдко. К сожалѣнію, письма Хлопова не сохранились. Только об одном осталась семейная память: оно касается юной графини Амаліи Максимилиановны Лерхсфельд. («Я помню время золотое...»). Дядька сердито докладывал, что «Федор Иваныч изволили обмѣняться с ней часовыми цѣпочками и вмѣсто своей золотой получили в обмѣн только шелковую».

Он прожил с поэтом до самой его женитьбы, в 1826 году, а потом уѣхал в Россію и через нѣсколько лѣтъ умер, в домѣ Тютчевых-же. Воспитанику завѣщал замѣчательную Феодоровскую Икону Божіей Матери — все придумал сам: по четырем углам иконы изображенія святых, чьи дни знаменательны в жизни Тютчева. Напримѣр, в верхнем углу Апостол Варооломей и надпись — день отъѣзда в Баварію (11 іюня 1822, день св. Варооломея). На Преподобнаго Макарія выпадает какая-то таинственная исторія в Мюнхенѣ. Николай Афанасьевич надписал: «Генваря 19-го, 1825 года Федор Иваныч должен помнить, что случилось в Минхинѣ от его нескромности и какая грозила опасность». Но в слѣдующем углу св. Евфимій Великій с изъясненіем: «20 Генваря, т. е. на другой-же день все кончилось благополучно». А всему образу «Празднество Февраля 5-го; в сей день мы с Федором Ивановичем пріѣхали в Петербург, гдѣ он вступил в службу».

И еще одна надпись, тоже на задней сторонѣ иконы, посрединѣ: «В память моей искренней любви и усердія к моему другу Федору Ивановичу Тютчеву».

Икона священно хранилась у поэта, в кабинетѣ его, до самой кончины. «Моему другу, Федору Ивановичу Тютчеву»...

Роман с Амаліей Лерхенфельд, от котораго в литературѣ осталась драгоценность, в жизни Тютчева крупно не отозвался, ни Амалію Максимиліановну (которой было шестнадцать лѣтъ), ни его самого не сломил. Все это было очень юно и невинно. Ничего рѣшительнаго не случилось, все само собою растаяло и испарилось, добрыя-же отношенія остались навсегда. Амалія Максимиліановна вышла замуж, сначала за барона Крюднера, потом за графа Адлерберга. Жила в Россіи, всегда Тютчеву была союзною державой. Это она привезла стихи его в Петербург в 36 году, она-же хлопотала за него позже пред правительством — через Бенкендорфа. А совсѣм поздно, за три года до своей кончины, встрѣтив ее в Карлсбадѣ уже немолодой женщиной, Тютчев написал ей нѣжные, не столь прославленные, как ранніе, все-же хорошіе стихи. («...И то-же в вас очарованье, и та-ж в душѣ моей любовь»).

В 1826 году он женился в Мюнхенѣ на г-жѣ Петерсон, урожденной графинѣ Ботмер, «представительницѣ старѣйшей баварской аристократіи». Это уже судьба — двѣнадцать лѣтъ жизни вмѣстѣ, три дочери, радость и горе, драмы и ревность (ревновали всегда Тютчева, его, а не он — участь в этом иная, чѣм Пушкина). Как и Амалія Максимиліановна, Эмилиа Элеонора была красавица, видимо, и вообще очаровательная женщина, пылкого характера и сильных чувств. Его-же, кромѣ нея, привлекали и другія. Он вообще, по природѣ своей, не мог быть вѣрен — в разных обликах являлось ему «вѣчно-женственное» и прельщало. Привело же это в мюнхенской жизни, к тому, что однажды Эмилиа Элеонора пыталась на улицѣ заколоться кинжалом. (Он сам признавался, что любит она его так, как «ни один человек не был любим другим»). Удивительна и в самом Тютчевѣ сила чувства и переживанія, несмотря на разсѣянный, как бы вѣрообразный эрос: когда в 1838 году Эмилиа-Элеонора умерла, он посѣдѣл в одну ночь от потрясенія. Но в это-же время любил и другую, будущую свою вторую жену, тоже любовью трудной и драматической.

Эта другая была тоже германскаго происхожденія, тоже аристократка, тоже вдова и тоже на четыре года старше его — баронесса Эрнестина Феодоровна Дёрнберг-Пфедфель.

В 1837 г. Тютчев получил повышение по службѣ — его назначили в Турки, старшим секретарем посольства нашего при Сардинском дворѣ. Жена, Эмилиа-Элеонора, увѣжала в Россію,

он оставался один. Весной 1838 года она возвращалась из Петербурга на том самом «Николаѣ I-м», на котором плыл юный Тургенев. Близ Любека на пароходѣ начался ночью пожар, недалеко от берега он и затонул. Эмилія Тютчева с тремя дѣтьми мужественно вела себя на палубѣ, успокаивала дѣтей, стоя у трапа, гдѣ внизу, сбоку бушевало пламя — они дожидались очереди спуститься в лодку. В этом показала себя много выше Тургенева. Но была уже здоровьем надломлена, возвращалась домой на новыя тягости с мужем, потрясеніе нервное на морѣ всетаки было большое — это ее и скосило. Тою-же осенью Жуковский, тогда сопровождавшій наследника, встрѣтился в Комо с Тютчевым (позже — и на генуэзской Ривьерѣ, в Кіавари). Отозвался о нем так: «необыкновенно гениальный и весьма добродушный человек, мнѣ по сердцу» — их пути всегда сходились, — но был удивлен, что вот так убивается он по умершей, «а говорят, любит другую». Не только «говорят», но на Эрнстинѣ Федоровнѣ Дёрнберг Тютчев довольно скоро и женился. По службѣ это обошлось ему дорого.

Он тогда жил в Туринѣ. Вѣнчаться приходилось в Швейцаріи. Посланник отсутствовал, по лѣтнему времени дѣл никаких, с браком по опредѣленной причинѣ надо слѣзть — Тютчев поступил рѣшительно: не дожидаясь отпуска запер. посольство и самовольно уѣхал в Шведарію.

Обвѣнчался благополучно и во время. Но службы лишился. Его просто уволили.

**

Не надо думать, что его мюнхенская жизнь только и заключалась в дѣлах любви. Этот блестящій, высокообразованный молодой человек, по портрету нѣчто вродѣ юнаго Гёте, в тогдашняго покроя сюртукѣ, высоких воротничках и галстукѣ, с огромным лбом, прекрасными глазами и правильно вьющимися кудрями много сил отдавал и другому: литературѣ, философіи. Общеніе его — с людьми высокой марки. Шеллинг считал его «достойным собесѣдником» (..«ein sehr ausgezeichnete Mensch, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gerne unterhält») — Шеллинг был тогда профессором Мюнхенскаго Университета и Тютчев, хорошо осведомленный в германской философіи, не только с ним бесѣдовал, но и спорил — обладая, очевидно, равнымъ сильным вооруженіем — нагичал в особенности по православной линіи.

В поэзіи Гёте и Шиллер были близки ему, лично сошелся он с Гейне — по сближающей чертѣ романтизма. И не только встрѣчался, но и переводил из него — первые переводы Гейне на русскій принадлежат Тютчеву. (Тютчев болѣе зрѣлый и Гейне поздній мало, конечно, совмѣстимы, но в мюнхенскія времена это не удивляет).

Главное-же, начинал писать сам, и как слѣдует. В началѣ двадцатых годов это еще «юношеское», но среди другого прекрасный перевод шиллеровской «Пѣсни радости» — через шестьдесят лѣтъ знаменитый гимн этот в тютчевском одѣяніи переселится в «Братьев Карамазовых». Есть и из Гейне, но Лермонтов сосною своей затмил тютчевскій кедр.

Рожденіе Тютчева — великаго лирика — 1828-30 гг.: «Видѣніе», «Сон на морѣ» и другія вещи. Теперь явился в литературу нашей уже не ученик Раича, хотя бы и член Общества Любителей Словесности, а ни на кого, ни на что непохожій истинный и огромный поэт — в прозрѣніях природы, космоса, сердца, как и в напѣвах стиха далеко опередившій свое время.

Загадочна его художественная судьба.

«Молчи, скрывайся и таи
«И чувства, и мечты свои...»

Вот заповѣдь, от которой не отступил он ни на шаг. Так скрывать, так таить все свое самое драгоценное уж не знаю кто мог бы. Всмотриваясь в его жизнь поражаешься: но как-же сам он относился к своему дѣлу? Да, писал, в великой непосредственности, почти сомнамбулической, всегда в дыханіи поэзіи, волшебнo преображая чувства, мысли... Что тут высокое творчество, сомнѣній нѣтъ. Но почему такая уж предѣльная от *всѣх* замкнутость? Себѣ и Богу? Художнику это чувство знакомо: Ты, Всевышній, судья мой. В Твоей вѣчности слабый мой голос, малаго Твоего созданія, войдет, может быть, нѣкоей искрой в неглубинный мір и сохранится, хотя я и писал это *для себя*. Это понятно. Но не все в этом. Художник *вѣдь человек*. Он живет среди братьев, своих, и другой своей стороной, обращенной к людям стремится внѣдрить в них созданіе свое. Кто из писателей не желает распространенія своего слова? Сколько драм из за трудности дойти до читателя! Не одно тут тщеславіе: всякій, кто отдал жизнь литературу, считает свое дѣло важным, а, значит, ждущим отвѣтнаго воспріятія.

Поэт тютчевскаго размѣра неужто не сознавал, что его дѣло, хоть тихо и уединенно, но огромнѣйшей важности? Слѣдя за днями его, получаешь впечатлѣніе: дипломат, философ, даже политик, утонченно трепетный человек, отзывающійся и на мір, на природу, на женское обаяніе, блестящій острословный собесѣдник... — и *между прочим* пишет стихи.. Так, будто бы для забавы, и значенія им не придает. Гдѣ Пушкин, гдѣ профессія, труд невидимый, но упорный?

Вот возвращается он домой, в дождливый вечер, весь промокшій. Дочь снимает с него пальто. Он говорит небрежно: «J'ai fait quelques rimes» — и читает их. Она записывает. Это знаменитыя «Слезы людскія, о слезы людскія...» Бог знает, не записала бы Анна Федоровна, может, они бы и не сохранились?

До 1836 года никто почти и понятія не имѣл, что вот есть такой поэт Тютчев. Мелочи появлялись в малоизвѣстных альманахах («Уранія», «Галатей») и журналах (вродѣ «Молвы»). Камергер Федор Иванович Тютчев пописывал стишки. Но для службы это не важно, для жизни тоже. Надо было, чтоб сослуживецъ, князь Иван Гагарин заинтересовался писаніемъ его. Амалія Максиміановна отвезла стихи его в Петербург — через Жуковского и Вяземскаго они попали к Пушкину, издававшему тогда «Современникъ». Он напечатал их в своемъ журналѣ. Подпись: *Ө. Т.* — «Стихотворенія, присланныя из Германіи».

Для чего давать свое полное имя? Пусть будетъ какой-то *Ө. Т.* «из Германіи». Такъ продолжалось и дальше. Автор никакого вниманія не обращал на свое дѣтство. Оно жило подпольно, само по себѣ, и до времени мало извѣстно. Кое кто его цѣнил. Но за годы — ни одного печатнаго отзыва.

Дальше идет и совсѣмъ странное: с 1840 по 1854 г. г., за четырнадцать лѣтъ ни одного стиха вовсе в печати нѣтъ. А писал он теперь как раз больше всего и едва ли не лучше всего. *J'ai fait quelques rimes...* — завернется в плащ, как полумѣсяцъ таинственный гдѣ-то за облаками — с него довольно. Как тайный, блѣдный мѣсяцъ... Даже не скажешь, Богу-ли предложены его стихи, или он их стихійно-волшебнo поет и ни о чем не думает — сейчас же забывает.

В 1850 году добрался до него Некрасов. Написал статью в «Современникѣ»: «Русскіе второстепенные поэты» — среди них Тютчев. (В извѣстной статьѣ Гоголя из «Переписки с друзьями» он рядом с Туманским и Плетневым. Знаменитыми считались тогда Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Крылов и Кольцов). Некрасов Тютчева очень хвалит. Но и объясняет: «поэтическая дѣятельность г. *Ө. Т.* продолжалась только пять лѣтъ» (стихи печатались в «Современникѣ» с 1836 по 1840 г.). «Не можемъ сказать навѣрное, печатал-ли он или нѣтъ гдѣ нибудь свои стихотворенія прежде». Но кто же он сам? Некрасов старается убѣдить, что все-таки русскій, хотя стихи присланы из Германіи. Гдѣ живет? Жив-ли еще? Пожалуй что и умер — «с тѣхъ пор это имя вовсе исчезло из русской литературы. Неизвѣстно навѣрное, обратило ли оно на себя вниманіе публики в то время, какъ появилось в печати; но положительно можно сказать, что ни один журнал не обратил на него ни малѣйшаго вниманія».

Так Некрасов писал в Петербургѣ, гдѣ в это самое время жил Тютчев, жил открыто, блистал в салонах, при всем том «добродушіи», о котором говорит Жуковский, был болѣе всего извѣстен остроуміемъ и острословіемъ, далеко не так добродушнымъ. Это дневная сторона его. А ночная, подземная: *quelques rimes*, тайных, никому почти невѣдомых, прокладывавшихъ путь к безсмертію. Но не через академіи. Нынѣ без Общества Любителей Словесности!

Для Некрасова же, его почитателя и хвалителя, Тютчева просто нѣтъ. Он растаял, куда то исчез, испарился.

Испариться Тютчев не мог никуда. Послѣ исторіи с самовольной отлучкою из Турина нѣкоторое время не служил, а потом и это наладилось. Лѣтом 44-го года, с Эрнестиною Федоровной и дѣтьми навсегда возвратился в Россію, поселился в Петербургѣ. С него сняли опалу, вернули «служебныя права и почетныя званія». Назначен был состоять при государственном канцлерѣ «по особым порученіям».

И вот этот европеец блестящій, дипломат, causeur, политик (как раз появилась его статья о Россіи и Германіи, очень замѣченная)... — и поэт! — становится вновь «русским». Каждый год ѣздит в Москву, на лѣто в родной Овстуг. Тут в нем двойное: и чувство к Россіи, великое, мистическое. И всегдашняя напитанность западом — от него не отойдешь. С одного конца он славянофил. Хомяковъ, Аксаковъ считают его своим. Но представитъ себѣ Тютчева в мурмолокѣ или боярском костюмѣ... Европа сидѣла в нем так же прочно, как Николай Афанасьевич Хлопов.

Петербург даже нравился ему, но Петербург именно и был для него Европа, все то же общество русско-международное, «свѣтъ», дипломаты, министры, дамы, все тот же французскій язык. Да и там сѣвер казался ему иногда «безобразным сновидѣньем». И оттуда влек его юг, солнце, Италія.

Что же говорить о деревнѣ! Сколь ни дворец в Овстугѣ, но вокруг первобытность. Он мог выйти в поле, в теплый лѣтній вечер, неубранные еще крестцы ржей, горькій запах полыни по межам, смиренный воз с навитыми снопами, мужик ведет лошадь степенно, воз поскрипывает и поле таким кажется златисто-безмѣрным, и другіе возы, бабы, дѣвки там гдѣ то вдали двигаются беззвучно — все это очаровательно, в глубоко-мистическом духѣ свое и пронзающее... — но жизнь как на необитаемом островѣ. Поля, лѣса, небо, смиренные люди полу-рабы, кто из них может прочесть двѣ строки напечатаннаго? Гдѣ Шеллинг, Гейне, салоны, дамы? Гдѣ связь с центрами и политики и культуры? Без этого трудно ему было жить. Брянская глушь обладала своей прелестью, но долго выдержать в русской деревнѣ, куда и газеты не доходили, он не мог.

По одному стихотворенію 1849 года можно подумать, что и вообще к Россіи он относился прохладно.

«Итак, опять увидѣлся я с вами,
«Мѣста немилыя, хоть и родныя...

Оно кончается совѣм печально:

«Ах, нѣтъ, не здѣсь, не этот край безлюдный
«Был для души моей родимым краем —
«Не здѣсь расцвѣл, не здѣсь был величаем
«Великій праздник молодости чудной —
«Ах, и не в эту землю я сложил —
«Все, чѣм я жил и чѣм я дорожил!»

Но вот как раз и тишина, нѣкое убожество, безответность родины и народа — это волновало и умиляло *несмотря* на великолѣпный запад. В поколыхиваніи коляски, ѣдет ли он вѣдъ-нибудь около Рославля или под Овстугом — там то вот и возникает другое, всегда жившее в нем, «другъ» Николая Аванасьевича Хлопова, жившее подспудно и неистребимо: и природа русская, и особая красота смиренной христіанской души, души народа тогдашняго —

«Эти бѣдныя селенья
«Эта скудная природа
«Край родной долготерпѣнья,
«Край ты русского народа!»

**

Как поэт к этому времени Тютчев созрѣл вполне — тайныя прозрѣнія в природѣ, чувство хаоса и трагедіи міра, призрачности блистательнаго дневнаго бытія, предчувствіе бурь общественных, очарованіе и мучительность любви — все это выразилось уже в главных своих частях (эросу, впрочем, предстояли еще завершительныя, пронзающіе звуки). Но твореніе было разбросано или по старым журналам, или по рукописным альбомам, просто в рукописях — находилось вообще в безпорядкѣ полнѣйшем. Тютчеву пятьдесят лѣтъ, с фотографіи мурановскаго музея глядит важный и строгій облик поэта-философа, с чуть германским оттѣнком, и у него ни одной книжки! Случай в литературѣ неприкрытый.

С 48-года он служит старшим цензором в Министерствѣ Иностраннаго Дѣла, у него три дочери от перваго брака, дѣти от второго — огромная семья, сложныя и трудныя отношенія с женой, сильный интерес к политикѣ и полное равнодушіе к судьбѣ писаній своих. Как ранѣе Гагарин занялся ими, так теперь Тургенев выпустил книжку его стихотвореній — в 1854 году. Труд собиранія, а отчасти и редактированія выпал Тургеневу. Тютчев ничего не дѣлал. Будто и не его стихи. Тургенев подправил кое что, может быть, с согласія автора, а часть вѣроятно, самовольно. Во всяком случаѣ, Тютчев своею небрежностью задал задачу

теперешним литературовѣдам: что Тютчевское, что Тургенев подчистил.

Как бы то ни было, книжка вышла. Она окончательно прилекла к Тютчеву знаменитѣйшихъ людей времени. Лев Толстой говорил, что без Тютчева нельзя жить и «для себя» ставил его «выше Пушкина». Достоевскій, Тургенев, из меньшей братіи Фет, Некрасов, Полонскій, Аксаковы, Аполлон Григорьев — всѣ стихами его восхищались. Но именно только элита. И художники. Критики все проморгали. Среди читателей его просто не знали — и так вплоть до Владимира Соловьева, в девяностых годах вновь и окончательно открывшаго и прославившаго его — главным образом как поэта философскаго и мистическаго прозрѣнія. (Сторону эроса Соловьев в нем обошел.) Русскіе символисты приняли и передали славу его в XX-й вѣкъ, как провозвѣстника символизма.

Но в его собственной судьбѣ, в началѣ пятидесятих годов, как и в звукѣ писаній его, связанных с любовью, не все было закончено. Даже, пожалуй, сильнѣйшее и наступало.

В Смольномъ Институтѣ учились двѣ дочери Тютчева (от перваго брака) Дарья и Екатерина. Тютчев бывал там. У инспектрисы Института, Анны Дмитриевны Денисьевой он познакомился с ея племянницей и воспитанницей Еленой Александровной — дѣвушкой двадцати четырех лѣтъ.

До сих пор в спискѣ тютчевскихъ странствій сердечных имена иностранок: Амалія, Эмилія-Элеонора, Эрнестина — теперь появляется русская Елена. С ней входит и иной міръ.

Раньше были великолѣпныя графини в брилліантах декольтэ, с гладкими буклями над ушами. Елена Александровна Денисьева, хоть и дворянка, но из мелких, отец ея служил даже в провинціи исправником. Достаточно взглянуть на фотографію Елены Александровны: скромно одѣтая, в накидочкѣ, причесанная как причесывались в шестидесятых годах наши матери, интеллигентка с тяжким, нервнымъ взглядом, болѣзненная, вспыхивающая, очаровательная в своей возбудимости и несущая уже в себѣ драму.

Тютчев встрѣтился с міромъ Достоевскаго. Так могла чувствовать, дѣйствовать Настасья Филипповна, или первая жена Достоевскаго.

Ея взглядъ соотвѣтствовалъ участи. Горе принесла ей эта любовь, быстро перешедшая в связь. Горе Эрнестинѣ Федоровнѣ, женѣ законной, с которой продолжал он жить — женщиной холодной, выдержанной и сильной, крест свой несшей с достоинством. Горе взрослым дочерямъ его от перваго брака, горе дѣвочкѣ Лелѣ, дочери Елены Александровны. Ему самому тоже. Но это рок, ничего нельзя сдѣлать. В его судьбу входило закланіе молодой жизни, его грѣх, породившій высокіе звуки поэзіи. За поэзію эту заплачено кровью.

Общество не прощало Тютчеву, а особенно Еленѣ Алексан-

дровѣ «незаконности» ихъ связи. Да еще у нея появились дѣти! Многіе просто с ней раззнакомились, презрѣніе и отчужденіе над ней висѣли. А по Институту она была знакома с дочерьми Тютчева — вот и пришлось встрѣтиться, напимѣр, при раздачѣ шифров. Как она чувствовала себя при этом!

И, конечно, казалось ей, что недостаточно он ее любит. Она все отдала — положеніе, доброе имя, вообще всю себя. Он продолжает жить с семьей. Живет, служит, пишет стихи. У него и литература — тоже соперница. Свой мір. А он должен так же утопать в ней, Еленѣ Денисьевой, как она в нем.

Стихи его мало она понимала. Больше всего хотѣлось, чтобы в новом изданіи все и открыто было посвящено ей. На это он не пошел, вышла ужасная сцена, вполне из Достоевскаго.

Она была туберкулезная. Бурная жизнь, страданія сердца ускорили все, и в июль 1864 года, послѣ четырнадцати лѣтъ связи с ним, она скончалась.

Весь день она лежала в забытіи,
И всю ее уж тѣни покрывали —
Лил теплый лѣтній дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она —
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала, — увлечена,
Погружена в сознагельную думу.

И вот, как бы бесѣдуя с собой,
Сознательно она проговорила:
(Я был при ней, убитый, но живой)
«О как все это я любила!»

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нѣтъ, никому еще не удавалось.
О Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось.

Если бы из гроба видѣла она, как принял он смерть ея, может быть, больше повѣрила бы в его любовь — хотя ей вообще нужна была безпредѣльность: все или ничего.

Вот что говорит об отцѣ и его положеніи в это время Анна Федоровна Тютчева, его дочь, жившая тогда в Германіи. «Я причащалась в Швальбахѣ. В день причастія я проснулась в шесть часов и встала, чтобы помолиться. Я чувствовала потребность молиться с особенным усердіем за моего отца и за Елену Д. Во время обѣдни также мысль о них с большою живостью снова явилась у меня. Нѣсколько недѣль спустя я узнала, что как раз в этот день

и в этот час Елена Д. умерла. Я видѣлась снова с отцом в Германіи. Он был в состояніи близком к помѣшательству...» И дальше: «Он всѣми силами души был прикован к той земной страсти, предмета которой не стало».

Сама она дошла до горестной, страшной мысли, что Бог не придет на помощь его душѣ, «жизнь которой была растрочена в земной и незаконной страсти».

А трагедія продолжалась: приносился в жертву еще новый агнецъ. Леля, дочь Тютчева и Денисьевой, дѣвочка лѣтъ пятнадцати. училась в извѣстном петербургском пансіонѣ Труба (она носила фамилію Тютчева, он узаконил ее). Однажды дама, мать сверстницы Лели по пансіону, спросила ее, как поживает ея мама — разумѣя Эрнестину Федоровну. Леля не поняла и отвѣтила о своей матери. Недоразумѣніе тут же выяснилось. На дѣвочку это произвело такое впечатлѣніе, что она убѣжала из пансіона и сказала Аннѣ Дмитриевнѣ, что никогда больше туда не вернется. Заболѣла нервным разстройством. А за ним скоротечная чахотка и она скончалась — в один день с полторагодовалым братцем своим Колей.

Это прошло мимо литературы. Смерть матери прославлена в стихах. О гибели дочери нѣтъ ничего.

**

Так заканчивал свою жизнь удивительный человек Федор Иванович Тютчев, нѣкогда юный принц Овстуга, баловень матери, мечтатель, не вмѣщавшійся ни в какія рамки, музыкант стиха, нарушавшій современные ему каноны его, предвосхищая будущій, юный дипломат и великій побѣдитель сердец женских. *Silentium* и кипѣніе страстей, созерцатель величія міра и душа непримиренная, душа Чистилища, человек вѣрующій, но владѣемый страстями, великій художник, как бы нехотя разбрасывающій богатства свои.

Ибсен на закатѣ дней считал, что *проглядѣл* собственную жизнь (для искусства). Флобер вообще все отдал искусству, от всего по монашески отказался. Тютчев был лирой, на которой сама стихія брала звуки, ей вѣдомые. Он лишь записывал — проносяшіяся сквозь него дуновения.

И был предан стихіи жизни. Эрос томил его до послѣдняго издыханія. Благочестиво-духовная Анна Федоровна желала бы, чтобы отец побѣдил духом, взшел на ступень над-жизненную. Этого ему не было дано. Ему было дано из своей жизни извлечь нѣкій нектар чарующій, в видѣ созвучій, в тишинѣ и безвѣстности собирать его, не гоняся ни за шумом и ни за славою. Шум не пришел и никогда имени этого не возмутит. Но пришла слава — поздняя и посмертная, благородная, настоящая золотая слава. В искусствѣ, к которому он относился как будто бы так равнодушно-

небрежно, он оказался побѣдителем — поздним, но прочным. Жизнь, которая будто волшебю улыбалась ему с ранняго дѣтства, несла за успѣхом успѣх, за одним женским сердцем другое, и третье... — и еще мы не знаем какое! — вот она то и поднесла поражение. Кажется, это вродѣ закона: лирики побѣждаются жизнью. Они слишком лунатичны и сомнамбуличны. Слишком стихіям подвержены, являясь вѣрными арфами их. Жизнь Тютчева можно разсматривать как художественное произведеніе: имя ему драма.

Никитенко записал у себя в дневникѣ, в іюнь 1873 года: «Недѣля прошла в борьбѣ со смертью. Тютчев сам вспомнил о священникѣ, но исповѣдываться не мог — язык ему не повиновался.»

Умирал он на руках Эрнестины Федоровны, сознавая всю тягость и трудность прожитого, всю отвѣтственность души своей, «болѣзненно грѣховной», и в самыя страшныя минуты, уже разбитый параличем, видя смерть, держался за давнюю подругу — послѣднее утѣшеніе.

«Все отнял у меня казнящій Бог:
«Здоровье, силу воли, воздух, сон,
«Одну тебя при мнѣ оставил Он,
«Чтоб я Ему еще молиться мог.»

Бор. Зайцев.

ПУШКИН ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ

Всякому, сколько-нибудь знакомому с исторіей русской мысли, извѣстно, какую центральную роль в ней играет тема об отношеніи Россіи к Западу, — к тому, что с русской точки зрѣнія обозначалось, как “Западная Европа” в смыслѣ всего европейскаго континента на запад от русской границы. Проблемы не только общественно-исторической и политической жизни, но и философскія и религіозныя по большей части ставились и обсуждались в связи с этой темой, — что со стороны, т. е. внѣ отношенія к идейной атмосферѣ русской жизни, должно казаться странным и даже противоестественным. Извѣстно также, что спор между сторонниками и противниками слѣдованія Россіи по пути “западной Европы” — спор, принявшій свою классическую форму в борьбѣ между “западниками” и “славянофилами” в 40-ых годах 19-аго вѣка, — в иных формах велся, по крайней мѣрѣ, с конца 18-го вѣка, продолжался в теченіе всего 19-го вѣка и продолжается въ 20-мъ вѣкѣ вплоть до нашего времени. Здѣсь достаточно напомнить, что въ исторіи новѣйшей эмигрантской мысли “евразійство” было эфемерной вспышкой радикальной и духовно узкой формы стараго “славянофильства”. Все творчество покойнаго Н. А. Бердяева в извѣстном смыслѣ вытекало из центральной для него вѣры в особое, не-европейское и активноевропейское существо и призваніе русскаго духа. В самой Россіи Ленин, сочетав Маркса с Бакуниным, в лицѣ большевизма создал особый вид активноевропейскаго марксизма: противопоставленіе правды “пролетарской” Россіи злу и разложению “буржуазной” Европы есть возрожденіе, с совсѣм иным содержаніем, стараго націоналистическаго отталкиванія от Запада. Эта установка достигла, как извѣстно, апогея вульгарности и недобросовѣстной тенденціозности в современном совѣтском націонализмѣ.

В этой проблемѣ совершенно особое мѣсто занимают воззрѣнія Пушкина. Как нам приходилось уже подчеркивать в других мѣстах (1), Пушкин был не только величайшим русским поэтом, но и одним из самых сильных, пронипательных и оригинальных умов Россіи, “умнѣйшим человеком Россіи” (как опредѣлили его Николай I послѣ первой встрѣчи с ним); но, странным образом, несмотря на огромную литературу “пушкиновѣдѣнія”, идейныя воззрѣнія Пушкина остаются доселѣ мало изслѣдованными или во всяком случаѣ недостаточно оцѣ-

1) «Пушкин, как политическій мыслитель». Бѣлград 1937. «О задачах познанія Пушкина», Бѣлградскій сборникъ к юбилею Пушкина, 1937.

ненными. В частности, остались неуряченными его совершенно оригинальные взгляды на занимающую нас здѣсь тему (2).

Пушкин не дожил до классической эпохи спора между “славянофилами” и “западниками”. Но в 30-ых годах он знал родоначальников обоих направлений. Первым западником — правда своеобразным, во многом отличным от западников слѣдующаго поколѣнія, — был его давнишній друг — в юности его духовный наставник — Чаадаев. Пушкин хорошо знал его взгляды и дожил до опубликованія (1836 г.) его знаменитаго “Философическаго письма”, на которое отвѣчалъ особым письмомъ к Чаадаеву (о чемъ подробнѣе ниже). Из двухъ основоположниковъ славянофильства, Ивана Кирѣевскаго и Хомякова, первый при жизни Пушкина еще не оформилъ своихъ позднѣйшихъ идей; но Хомяковъ уже с юныхъ лѣтъ выработалъ свое славянофильское міросозерцаніе, и Пушкину приходилось идейно с нимъ сталкиваться. Основа спора была ему, такимъ образомъ, знакома. Но такому человѣку, какъ Пушкин, и не нужно было знать чужія мнѣнія, чтобы задуматься надъ столь основнымъ вопросомъ русской духовной жизни. Онъ постоянно возвращается къ этому вопросу и в своихъ художественныхъ твореніяхъ, и в своихъ размышленіяхъ о русской и западной исторіи, в своихъ письмахъ, замѣткахъ и в дошедшихъ до насъ устныхъ высказываніяхъ. По этому матеріалу мы можемъ составить себѣ представленіе о совершенно своеобразной постановкѣ этого вопроса у Пушкина.

По своему непосредственному устремленію, по своимъ оцѣнкамъ Пушкинъ несомнѣнно былъ “западникомъ” в томъ смыслѣ, что высоко цѣнилъ западную культуру, былъ убѣжденъ в ея необходимости для Россіи и скорбѣлъ о культурной отсталости Россіи по сравненію с Западомъ. Уже в самыхъ раннихъ его письмахъ у него есть излюбленное противопоставленіе (в отношеніи явленій русской жизни) “азиатскаго” начала — “европейскому”, какъ низшаго высшему. Переселившись из Кишинева в Одессу, онъ пишетъ Александру Тургеневу: “надобно, подобно мнѣ, провести три года в душномъ азиатскомъ заточеніи, чтобы почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха” (1823). Шутя онъ называетъ Россію “родной Турціей” и Петербургъ “сѣвернымъ Стамбуломъ”. Когда находится щедрый издатель для его “Евгенія Онѣгина”, онъ пишетъ: “Какова Русь, да она в самомъ дѣлѣ в Европѣ — а я думал, что это ошибка географовъ”. Восхваляя статьи князя Вяземскаго, онъ называетъ ихъ “европейскими”; нахваля пестроту внѣшняго украшенія книги “безобразной”, онъ прибавляетъ, что она “напоминаетъ Азію”. В запискѣ о народномъ образованіи, поданной имъ Николаю I в 1826 г., онъ горячо отстаиваетъ пользу европейскаго образованія и желательность ученія русскихъ юношей за границей; в своемъ дневникѣ (14 апрѣля и 3 мая 1834) онъ рѣзко отрицательно отзывается объ указѣ, ограничивающемъ право русскихъ ѣздить в Европу. Онъ считаетъ главной причиною относительной отсталости русской культуры татарское иго, которое

2) Цѣнная в другихъ отношеніяхъ книга В. Зѣньковскаго «Русскіе мыслители и Европа», Парижъ 1926, совершенно обходитъ взгляды Пушкина и лишь мелькомъ упоминаетъ его имя.

отдѣлило Россію отъ судебъ Европы. “Духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгамъ и благодѣтельными потрясенія крестовыхъ походов не отзывались в краяхъ печальнаго сѣвера”. Онъ рѣшительно отвергаетъ какое-либо культурное вліяніе татар на Россію: “Нашествіе татар не было, подобно наводненію Мавровъ, плодотворнымъ: татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи” (“О русской литературѣ, с очеркомъ французской” 1834); отвергаетъ онъ и какое-либо вліяніе татарскаго языка на русскій (“О предисловіи Лемонте к переводу басен Крылова” 1825). С другой стороны, онъ указываетъ на раздѣленіе церквей, какъ на причину, отдѣлившую Россію отъ остальной Европы и лишившую ее участія в великихъ событіяхъ европейской исторіи (письмо къ Чаадаеву 1836).

Но самое яркое выраженіе “западничества” Пушкина есть его отношеніе къ Петру Великому. Пушкинъ создалъ, какъ извѣстно, в своихъ художественныхъ произведеніяхъ — в поэмахъ “Полтава” и “Мѣдный всадникъ”, в романѣ “Арапъ Петра Великаго” и в рядѣ мелкихъ стихотвореній — незабываемый образъ Петра, какъ “вѣчнаго работника на тронѣ”, человѣка, который “прорубилъ окно в Европу” и насадилъ европейское просвѣщеніе в Россіи. Онъ, правда, далеко не во всемъ былъ согласенъ с политикой Петра Великаго, считалъ его “воплощенною революціей — Робеспьеромъ и Наполеономъ в одномъ лицѣ”, ужасался жестокости его указовъ (которую онъ противопоставлялъ мудрости его законодательныхъ мѣръ) и признавалъ вредной “табелю о рангахъ”, видя в ней источникъ “демократическаго наводненія”, которое “выметаетъ дворянство”. Но эти частныя несогласія заслонены общимъ впечатлѣніемъ величія, в глазахъ Пушкина, историческаго преобразователя Россіи и убѣжденіемъ в благодѣтельности его реформъ. Пушкинъ остро сознавалъ, что вся русская культура 18-го и 19-го вѣка и всѣ начатки науки и искусства в Россіи имѣютъ своимъ источникомъ ту европеизацію Россіи, начало которой положилъ Петръ Великій. Онъ чувствовалъ самого себя органически связаннымъ с этимъ европейскимъ элементомъ, насажденнымъ в Россіи Петромъ. Можно сказать, что онъ безсознательно ощущалъ то, что позднѣе о немъ самомъ такъ мѣтко сказалъ Герценъ: “На призывъ Петра Великаго образоваться Россія черезъ 100 лѣтъ отвѣтила колоссальнымъ явленіемъ Пушкина”.

Но при болѣе тщательномъ рассмотрѣніи отношенія Пушкина къ Петру Великому мы уже здѣсь найдемъ существенное отличіе между Пушкинымъ и типическимъ воззрѣніемъ западниковъ. Можно сказать, что “западники” сходились со своими противниками “славянофилами” в одномъ: оба лагеря считали преобразованія Петра н е о р г а н и ч е н ы м и, не видѣли ихъ связи с національнымъ духомъ Россіи, а усматривали в нихъ прививку къ старой русской культурѣ какихъ-то совершенно новыхъ, внѣшнихъ началъ. Они расходились только в одномъ: западники считали такую прививку чуждыхъ элементовъ благотворной для Россіи, потому что не цѣнили уклада древней Россіи, находили невозможнымъ развитіе цѣнной культуры на основѣ русской національной самобыт-

ности и видѣли единственное спасеніе Россіи в усвоеніи западно-европейской культуры. “Славянофилы”, напротив, отвергали путь Петра Великаго, потому что дорожили древней русской культурой и насажденіе чуждых ей западныхъ началъ считали гибельнымъ ея извращеніем. Совершенно иное пониманіе мы находимъ у Пушкина. Пушкин — и в этомъ его мнѣніе подтверждается теперь выводами русской исторической науки — ощущалъ и а ц і о н а л ь н ы й характеръ дѣла Петра Великаго. Онъ подчеркиваетъ, прежде всего, національно-русскій патриотизмъ Петра: когда “самодержавною рукою онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе”, онъ “не презиралъ страны родной: онъ зналъ ея предназначеніе”. Петр, такимъ образомъ, повелъ Россію по пути европейской культуры, по мнѣнію Пушкина, именно исходя изъ убѣжденія, что національный складъ русскаго ума и духа можетъ на этомъ пути осуществить себя, свое собственное внутреннее предназначеніе. А. О. Смирнова сохранила в своихъ “Воспоминаніяхъ” слѣдующія слова Пушкина: “Я утверждаю, что Петръ былъ архирусскимъ человѣкомъ, несмотря на то, что сбрилъ себѣ бороду и надѣлъ голландское платьѣ. Хомяковъ заблуждается, говоря, что Петръ думалъ, какъ нѣмецъ. Я спросилъ его на-дняхъ, изъ чего онъ заключаетъ, что византийскія идеи московскаго царства болѣе народны, чѣмъ идеи Петра” (1).

Уже отсюда видно, что Пушкинъ ставитъ вопросъ о “народности” (или “самобытности”) и ея отношенія къ усвоенію другихъ культур гораздо глубже, чѣмъ обычные западники и славянофилы. “Народность” означаетъ для него своеобразіе духовнаго склада народа. “Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣмъ обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную фізіономію” — таково примѣрное опредѣленіе “народности” у Пушкина (в незаконченномъ наброскѣ “О народности в литературѣ”, в которомъ онъ жалуется на распространенность слишкомъ узкихъ пониманій “народности”). Народность в этомъ общемъ смыслѣ совсѣмъ не предполагаетъ замкнутости отъ чужихъ вліяній, обособленности національной культуры. Напротивъ, субстанція народнаго духа, какъ все живое, питается заимствованнымъ извнѣ матеріаломъ, который она перерабатываетъ и усваиваетъ, не теряя отъ этого, а, напротивъ, развивая этимъ свое національное своеобразіе. Реторическій вопросъ, поставленный Пушкинымъ Хомякову, дѣйствительно убійственъ для позиціи національной исключительности и мѣтко выражаетъ подлинное существо дѣла. В самомъ дѣлѣ, если культура московскаго государства, в которой славянофилы видѣли адекватное выраженіе національнаго русскаго духа, выросла на почвѣ, оплодотворенной вліяніемъ Византіи, то отчего же культура Петербургской эпохи заранѣе объявляется чуждой и враждебной національному свое-

1) Подлинность «Воспоминаній» Смирновой оспорена и нѣтъ сомнѣній, что ея дочь, издавшая ихъ, сильно ретушировала ихъ и многое внесла отъ себя. Но Мережковскій (в статьѣ «Пушкинъ» в книгѣ «Вѣчные спутники») совершенно правъ в своемъ указаніи, что приводимыя в «Воспоминаніяхъ» гениальныя идеи Пушкина безусловно подлинны по внутреннимъ основаніямъ.

образію только потому, что она оплодотворена западными вліяніями? Будучи послѣдовательными, сторонники національной самобытности Россіи должны были бы отвергнуть не только Петра Великаго, но и Владиміра Святаго, просвѣтившаго Россію рецепціей византійских христіанских традицій; между тѣм, основным тезисом славянофилов было именно убѣжденіе, что вѣрованія восточной православной, т. е. греческой церкви суть фундамент русскаго національнаго духа. “Мы восприняли от греков евангеліе и традиціи, а не дух ребячества и споров. Права Византіи никогда не были правами Кіева” — говорит Пушкин в уже упомянутом письмѣ къ Чаадаеву. Поэтому и Петр, несмотря на голландское платье и бритую бороду, мог не стать “нѣмцем”, а остается подлинно русским человѣком. Без взаимодѣйствія между народами невозможно их культурное развитіе, но это взаимодѣйствіе не уничтожает их исконнаго своеобразія, как своеобразіе личности не уничтожается ея общеніемъ с другими людьми.

Пушкин знал это по самому себѣ. Никогда не преступив, как извѣстно, западной границы Россіи, он глубоко воспринял в себя западную культуру, воспитался сначала на Вольтерѣ и французской литературѣ, потом на Байронѣ, Шекспирѣ и Гете. Но он не перестал от этого не только быть, но и чувствовать себя русским человѣком. В его душѣ утонченнѣйшія вліянія западной культуры мирно уживались с наивным русским духом, жившим в нем и питавшимся народными сказками яли Арины Родіоновны. Он любил Россію Петра, стихію Петербурга, но он любил и Москву и древнюю Русь, и никогда у него не возникал вопрос о несовмѣстимости того и другого. Убѣжденный “западник”, он чутьем гениальнаго поэта и историка глубоко и вѣрно воспринимал дух русскаго прошлаго и своей исторической драмой “Борис Годунов”, своими историческими поэмами и повѣстями болѣе, чѣм кто-либо иной, содѣйствовал развитію русскаго историческаго самосознанія. Его обработки русских народных сказок суть образец художественнаго претворенія непосредственныхъ выраженій народнаго духа в фольклорѣ; даже Жуковскому он должен был указывать, что в старыхъ русскихъ легендахъ, повѣртіяхъ и сказкахъ не меньше матеріала для романтической поэзіи, чѣм в произведеніяхъ западнаго фольклора. Он любил все, в чем ощущал “русскій дух” (Вступленіе къ “Руслану и Людмилѣ”); будучи в указанномъ смыслѣ “западником”, он ничуть не уступал славянофиламъ в непосредственной любви къ русскому народному укладу, ко всему, в чем выражается непонятное для “западнаго европейца” (но часто и его привлекающее) своеобразіе русской души.

Это сочетаніе “западничества”, восприимчивости и любви къ европейской культурѣ, с чувством инстинктивной, кровной связи с родиной во всем ея своеобразіи подкрѣплялось у Пушкина одним сознательнымъ убѣжденіем, которое — несмотря на простоту и лаконичность его выраженія — содержитъ глубокую философскую мысль. Пользуясь позднѣйшимъ терминомъ, можно сказать, что Пушкинъ былъ убѣжденнымъ и о ч в е н н и к о мъ и имѣлъ пѣкую “философію почвенности”. Лучшее всего онъ выразилъ ее в извѣстномъ стихотвореніи 1830-го года:

Два чувства дивно близки нам —
 В них обрѣтает сердце пищу —
 Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам.
 На них основано от вѣка
 По волѣ Бога самого
 Самостоянье человѣка
 Залог величія его.
 На них основано семейство
 И ты, к отечеству любовь.
 Животворящая святыня!
 Земля была без них мертва,
 Без них наш тѣсный мѣр — пустыня,
 Душа — алтарь без божества.

Связь с “родным пепелищем” и с “отеческими гробами”, с родным прошлым, по мысли Пушкина, не сужает, не ограничивает и не замыкает человѣка, а, будучи, единственной основой его “самостоянія”, есть напротив, основа подлинной свободы и творческой силы, “залог величія” личности — и, тѣм самым, народа. Укорененность в родной почвѣ, ведя к расцвѣту духовной жизни, тѣм самым расширяет человѣчeskій дух и дѣлает его воспримчивым ко всему общечеловѣческому. Этот мотив проникает и всю поэзію, и всю мысль Пушкина. Один из основных мотивов его поэзіи тема “пенатов” — религіознаго духа, которым обвѣян родной дом; в уединеніи родного дома, в отрѣшенности от “людского стада” только и возможно познавать “сердечную глубь”, любить и лелѣять “не-смертныя, таинственныя чувства”. В личной жизни Пушкина воплощеніем “алтаря пенатов” были два мѣста — родная деревня Михайловское, в которую он всегда возвращался для уединеннаго творчества, и Царское Село, в котором впервые, в годы отрочества и первой юности, раскрылась его духовная жизнь и произошла его первая встрѣча с музой. (Ср. стихотворенія “Вновь я посѣтил” и “Воспоминаніе в Царском Селѣ”). В послѣднем стихотвореніи поэт, возвратившись послѣ скитаній — внѣшних и внутренних — к родному мѣсту, гдѣ протекла его первая юность, чувствует себя блудным сыном, который в раскаяніи и слезах “увидѣл наконец родимую обитель”. Эта “родимая обитель” — мѣсто, с которыми связаны впечатлѣнія дѣтства и юности, — сливается в сознаніи поэта с понятіем “родины”, “отчества”: “нам цѣлый мѣр — чужбина, отечество нам — Царское Село”.

Философскую мысль, лежащую в основѣ этих чувств и мыслей, можно лучше всего выразить в короткой, но многозначительной формулѣ: чѣм г л у б ж е , т ѣ м ш и р е . Только в послѣдней, уединенной глубинѣ человѣческаго духа, питаемой традиціей, воспоминаніями дѣтства, впечатлѣніями родного дома и родной страны, человѣкъ, прикасаясь с послѣдней “несмертной”, таинственной, божественной глубиной бытія, тѣм самым обрѣтает свободу, простор для сочувствен-

наго воспріятія всего общечеловѣческаго. (Здѣсь, по аналогіи, — конечно, *mutatis mutandis* — приходит на ум отношеніе между “благодатью” и “свободой”: благодать не ограничиваетъ человѣческой свободы, не конкурируетъ с ней, а, напротивъ впервые освобождаетъ человека, даетъ ему широту, полноту, творческую свободу). Этимъ снимается сама дилемма, лежащая в основѣ спора между “націоналистами” и сторонниками “общечеловѣчности”: ли бо преданность своему, исконному, родному, ли бо доступность чужимъ влияніямъ. Какъ отдѣльная человѣческая личность, чѣмъ болѣе она глубока и своеобразна, чѣмъ болѣе укоренена в глубинной самобытной духовной почвѣ, тѣмъ болѣе общечеловѣчна (примѣръ — любой гений), так и народъ. Воспримчивость къ общечеловѣческому, потребность къ обогащенію извнѣ, есть въ народѣ, какъ и въ личности, признакъ не слабости, а, напротивъ, внутренней жизненной полноты и силы.

Именно отсюда вытекаетъ у Пушкина сочетаніе “европеизма”, рѣзкаго отталкиванія отъ культурной отсталости Россіи съ напряженнымъ чувствомъ любви къ родинѣ и національной гордости. Еще въ первую эпоху своей жизни, гонимый правительствомъ, негодуя на некультурность среды, въ которой ему негдѣ было развернуть свой гений, и стремясь убѣжать изъ Россіи, онъ пишетъ, однако: “Мы въ сношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда... Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство” (письмо къ кн. Вяземскому 1826). Въ зрѣлую эпоху и къ концу жизни это двойственное отношеніе къ родинѣ въ просвѣтленной и умѣренной формѣ выражено въ замѣчательныхъ словахъ письма къ Чаадаеву (1836): “Я далекъ отъ того, чтобы восхищаться всѣмъ, что я вижу вокругъ себя; какъ писатель, я огорчен . . ., многое мнѣ претитъ, но клянусь вамъ моею честью — ни за что въ мірѣ я не хотѣлъ бы перемѣнить родину, или имѣть иную исторію, чѣмъ исторія нашихъ предковъ, какъ ее намъ далъ Богъ”. Въ дневникѣ Муханова 1832 г. записано устное высказываніе Пушкина, осуждающее “озлобленныхъ людей, которые не любятъ Россію” и “стоятъ въ оппозиціи не къ правительству, а къ отечеству” (Вересаевъ: “Пушкинъ въ жизни”).

Теперь мы подготовлены къ разсмотрѣнію своеобразнаго систематическаго взгляда Пушкина на отношеніе между Россіей и Европой. Съ указаннымъ выше принципиальнымъ “европеизмомъ” у Пушкина сочетается твердое убѣжденіе въ своеобразіи русскаго міра, въ существенномъ отличіи между исторіей Россіи и исторіей Западной Европы. Въ программѣ одной изъ своихъ статей по поводу “Исторіи русскаго народа” Николая Полевого Пушкинъ говоритъ: “Поймите, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада”. “Россія была совершенно отдѣлена отъ западной Европы”. Пушкинъ доказываетъ, что въ Россіи не было ни феодализма, ни независимыхъ городскихъ общинъ. Эту отдѣленность Россіи отъ остальной Европы и это своеобразіе ея исторіи Пушкинъ отчасти воспринимаетъ — подобно “западникамъ” — какъ недѣ-

с т а т о к русской исторіи. “Феодализма у нас не было — и тѣм хуже. . . . Феодализм мог бы, наконец, развиваться, как первый шаг учрежденія независимости (общины были второй), но он не успѣл. Он разсѣялся во времена татар, был подавлен Иваном III, гоним, истреблен Иваном IV. По отрывочным замѣчаніям этого наброска, можно прийти к заключенію, что Пушкин сожалѣет, что исторія Россіи не создала тѣх навыков к личной свободѣ и независимости от власти, которые возникли в историческом процессѣ Европы. Этот взгляд совпадает с извѣстной высокой оцѣнкой Пушкиным аристократіи, как носителя независимаго общественнаго мнѣнія в государствѣ. “Наслѣдственность высшаго дворянства есть гарантія его независимости. Противоположное есть неизбежно средство тиранніи или точнѣе, развращающаго и извѣживающаго деспотизма” (“О дворянствѣ”).

Главный источник этой, вредной для Россіи, отдѣленности Европы от Россіи он видит в татарском нашествіи, отчасти также в раздѣленіи церковей (ср. выше). Послѣдняя тема заслуживает особаго вниманія: в ней Пушкин рѣзче всего расходится с славянофильством. Для послѣдняго — в особенности для его главнаго богословскаго представителя, Хомякова, восточная, православная церковь послѣ раздѣленія церковей осталась единственной подлинной церковью, т. е. единственным адекватным представителем подлиннаго христіанства; католицизм самым самочиніем нарушил основную заповѣдь христіанства любви; протестантизм есть слѣдующій шаг на пути того же самочинія; этот и другой, слѣдовательно, суть уклоненія от истины христіанской церкви. Совсѣм иначе смотрит на вопрос Пушкин; его мысль легко угадать, хотя она выражена лишь в кратких словах его писем. Он не раздѣляет, прежде всего, пристрастія Чаадаева к католицизму и его огульнаго отверженія протестантизма. “Вы усматриваете христіанское единство в католицизмѣ, т. е. в папѣ,—пишет он ему (1831).—Не заключено-ли оно в идеѣ Христа, которая содержится и в протестантизмѣ? Первая идея была монархической, она становится теперь республиканской. Я плохо выражаюсь, но вы меня поймете”. Вскорѣ послѣ этого он пишет Вяземскому: “Не понимаю, за что Чаадаев с братіей нападает на реформацію, т. е. на факт христіанскаго духа. Что христіанство в нем потеряло в своем единствѣ, оно приобрѣло в своей общедоступности (**popularité**)” (3 авг. 1831 г.). Пушкин, таким образом, считает нормальным постепенное развитіе форм вѣрованій в христіанской церкви, и видит, что развитіе совершалось на западѣ. Каково же его отношеніе к православію? Пушкин, начиная с середины 20-х годов, особенно в связи с собираніем исторических матеріалов для драмы “Борис Годунов”, отчетливо сознавал все значеніе православія для русскаго національнаго духа и для русской культуры. В образах лѣтописца Пимена и патріарха в “Борисѣ Годуновѣ” он обнаружил и глубокую сердечную симпатію к традиціонному типу православаго благочестія, и гениальную способность понять и художественно воспроизвести его. Еще в юношеских своих “Исторических замѣчаніях” (1822) он порицает гоненія Екатерины II на духовенство, утверждая, что этим она

“нанесла сильный удар просвѣщенію народному”. “Греческое исповѣданіе — говорит он там же —, отдѣльное от всѣх прочих, дает нам особый національный характер”. Вредному вліянію духовенства в католических странах, гдѣ оно “составляло особое общество, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію”, он противопоставляет благотворную роль духовенства в Россіи. “Мы обязаны монахам нашей исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ”. В письмах к Чаадаеву от 1836 г. он берет под свою защиту русское духовенство от нападок Чаадаева. “Русское духовенство до Феофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало бы реформациі в минуту, когда человечество нуждалось больше всего в единствѣ”. Он, впрочем, соглашается, что русское духовенство в повѣйшее время отстало, но видит причину этой отсталости в чисто внѣшней обособленности его от культурнаго слоя русскаго общества. И не только Пушкин цѣнил православіе, как творческую силу в исторіи русской культуры, но в послѣдніе годы своей жизни он и чисто религіозно чувствовал свою близость к православному благочестію, ощущал себя сам православным человѣком. Свидѣтельством этого является хотя бы его извѣстное стихотвореніе переложеніе молитвы Ефрема Сиріна (“Отцы пустынники и жены непорочны”).

И тѣм не менѣе, Пушкин безконечно далек от славянофильской точки зрѣнія. Он остается и здѣсь, как и во всем, трезвым и объективным. Мысль о вредѣ для Россіи ея обособленнаго от Запада существованія он распространяет и на оцѣнку православія. Он сожалеет, что “схизма отдѣлила нас от остальной Европы” (письмо к Чаадаеву 1836 г.). В приведенном выше письмѣ к Вяземскому о возвращеніях Чаадаева, защищая протестантизм, он прибавляет: “Греческая церковь — другое дѣло: она отдѣлялась от общаго стремленія христіанскаго духа”. Это отдѣленіе было и остается, по мысли Пушкина, источником ея относительной слабости. Смирнова сохранила нам на эту тему еще один, в высшей степени интересный разговор Пушкина с Хомяковым. На утвержденіе Хомякова, будто в Россіи больше христіанской любви, чѣм на Западѣ, Пушкин “отвѣтил с нѣкоторою досадою”: “Может быть. Я не мѣрил количество братской любви ни в Россіи, ни на западѣ; но знаю, что там явились основатели братских общин, которых у нас нѣтъ. А они были бы нам полезны”. Несмотря на свою высокую оцѣнку русскаго православія и свою личную сердечную преданность ему, Пушкин, таким образом, сознавал, что в судьбѣ и фактическом состояніи православной церкви в Россіи не все благополучно, и что Россіи в этом отношеніи есть чему поучиться у западнаго христіанства. Та же Смирнова передает слѣдующія слова Пушкина: “Если мы ограничимся своим русским колоколом, мы ничего не сдѣлаем для человѣческой мысли и создадим только приходскую литературу”.

Однако, это “западническое” убѣжденіе дополняется у Пушкина чрезвычайно интересной философско-исторической мыслью, имѣющей противоположную тенденцію. Татарское нашествіе и вызванное им обособленіе Россіи от Запада он разсматривает в перспективѣ всемир-

ной исторіи и с этой точки зрѣнія видитъ в нихъ особое служе-
ніе Россіи задачамъ европейски-христіан-
скои культуры. Эту общую перспективу не понимали, по его
мнѣнію, ни европейцы, ни русскіе западники (в лицѣ Чаадаева). По
поводу западно-европейскаго отношенія къ Россіи онъ говоритъ: “Долго
Россія была отдѣлена отъ судебъ Европы. Ея широкія равнины поглотили
безчисленныя толпы монголовъ и остановили ихъ разрушительное наше-
ствіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя в тылу порабощенную
Русь и возвратились в степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе
было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ
еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа, в отношеніи
Россіи, всегда была столь же невѣжественна, какъ и неблагогодарна”.
 (“О русской литературѣ, с очеркомъ французской” 1834). Ту же мысль
Пушкинъ повторяетъ в письмѣ къ Чаадаеву (1836): “Нѣтъ сомнѣнія, что
схизма отдѣляла насъ отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни
в одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали; но мы имѣли свое
особое назначеніе”. Повторивъ приведенныя выше слова о томъ, какъ та-
тарское нашествіе было приостановлено Россіей, Пушкинъ продолжаетъ:
“Этимъ была спасена христіанская культура. Для этой цѣли мы должны
были вести совершенно обособленное существованіе, которое, оставивъ
насъ христіанами, сдѣлало насъ однако чуждыми остальному христіан-
скому міру, такъ что наше мученичество дало католической Европѣ воз-
можность безпрепятственнаго энергичнаго развитія”.

Но эта мысль о всемірно-историческомъ смыслѣ и, слѣдовательно,
оправданіи обособленности Россіи и культурной отсталости ея про-
шлага дополняется в томъ же письмѣ къ Чаадаеву другою мыслью, в ко-
торой Пушкинъ энергично возстаетъ противъ идеѣ Чаадаева об отсутствіи
в Россіи вообще основъ исторической культуры. Пушкинъ рѣшительно от-
вергаетъ этотъ взглядъ типичнаго “западничества”, с особенной рѣзко-
стью выраженный, какъ извѣстно, в “философическомъ письмѣ” Чаада-
ева — взглядъ, по которому все прошлое Россіи есть какое-то пустое
мѣсто, — существованіе, лишенное элементовъ исторіи культуры. От-
вергнувъ опороченіе Чаадаевымъ восточнаго христіанства — правосла-
вія — на томъ основаніи, что оно было заимствовано изъ презрѣнной Ви-
зантіи (Пушкинъ мѣтко парируетъ эту мысль указаніемъ, что все хри-
стіанство тоже возникло изъ презираемаго всѣмъ міромъ еврейства) —
онъ продолжаетъ: “Что касается нашего историческаго ничтожества, то я
положительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и
даже удѣльныя войны — вѣдь это та же жизнь кипучей отваги и без-
цѣльной и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость
всѣхъ народовъ. Вторженіе татаръ есть печальное и великое зрѣлище.
Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ рус-
скому единству, конечно), оба Ивана, величественная драма, начав-
шаяся в Угличѣ и окончившаяся в Ипатьевскомъ монастырѣ, — какъ,
неужели это не исторія, а только блѣдный, полузабытый сонъ? А Петръ
Великій, который одинъ — цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II,
помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ
насъ в Парижъ? И (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-

то величественнаго в настоящем положеніи Россіи, чего-то такого, что должно поразить будущаго историка? Думаете-ли вы, что он поставит нас внѣ Европы?”.

М. О. Гершензон в своей книгѣ о Чаадаевѣ справедливо говорит, что если бы от всего Пушкина до нас дошло только это его письмо, его было бы достаточно, чтобы усмотрѣть гениальность Пушкина. В этом главном документѣ отношенія Пушкина к проблемѣ “Россія и Запад” — как в остальных, приведенных нами здѣсь его замѣчаніях — обнаруживается гениальная способность Пушкина к синтетическому, примиряющему противоположности, воспріятію, — к пониманію им исторической реальности. Против крайняго западничества Чаадаева он защищает цѣнность самобытной русской исторической культуры; против славянофильства он утверждает превосходство западной культуры и ея необходимость для Россіи. И это есть не эклектическое примиреніе непримиримаго, не просто какая-то “средняя линія”, а подлинный синтез, основанный на совершенно оригинальной точкѣ зрѣнія, открывающей новыя, болѣе широкія духовныя и философско-историческія перспективы.

Достоевскій в своей извѣстной предсмертной рѣчи о Пушкинѣ, в своей формѣ, на языкѣ своих убѣжденій, пытался выразить этот подлинный универсализм гения Пушкина, примиряющій “славянофильство” с “западничеством”. В это толкованіе он вложил много своего, но по существу, в том, что он уловил этот универсализм Пушкина, он был совершенно прав. Когда настанет день возрожденія русской культуры и государственности, старый вопрос о культурном отношеніи между Россіей и Западом вновь станет перед русским обществом. Надо надѣяться, что оно вспомнит тогда о мудрых и широких завѣтах своего величайшаго гения.

«ЗАКАВКАЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА»

ГЛАВА ИЗ ВОСПОМИНАНИИ.

1873 г. — 1947 г.

Кавказ был родной покойного Юлия Федоровича Семенова; Кавказу была отдана и его политическая молодость. Но только в Парижѣ, гдѣ он когда-то учился, — «доктор физики» Парижскаго университета только в Парижѣ приобрѣл он политическую извѣстность, как многолѣтній редактор «Возрожденія». В Парижѣ он и скончался.

Прирожденный журналист, недолго он был в родном Тифлисѣ скромным учителем физики: начал работать в газетах «Кавказ», «Тифлисскій Листок», там выдвинулся и с 1910 по 1918 год возглавлял и редактировал газету «Кавказское Слово». По своим политическим убѣждениям Семенов принадлежал тогда к кадетской партіи; и, по позднѣйшему печатному отзыву П. Н. Миллюкова, уже враждебно к нему настроеннаго, «не без достоинства представлял партію в запутанном клубкѣ мѣстных столкновений».

В войнѣ 1914 года Ю. Ф. Семенов принял участие как доброволец; служил радистом в воздушной эскадрильѣ; участвовал в боях под Трапезундом.

Послѣ революціи 1917 года был избран, в недолговѣчный Закавказскій сейм, представителем русскаго населенія Закавказья.

В дни «бѣлаго движенія» состоял, по отдѣлу печати и пропаганды, при ген. Деникинѣ и был им командирован, в цѣлях пропаганды, в Париж.

С 1927 года, и по 1940-й год, редактировал газету «Возрожденіе». Стойкій и непримиримый враг большевизма, человек с добрым, горячим сердцем, Ю. Ф. Семенов был, как редактор, видным, вліятельным и упорным выразителем правых теченій и надежд русскои эмиграціи.

Но печатаемая ниже глава из его воспоминаній воскрешает не эти безвозвратно унесенные войной парижскіе споры. Он возсоздает, с рѣдкой правдивостью, интереснѣйшую и почти неизвѣстную страничку русскои исторіи на Кавказѣ: дни «Закавказскаго сейма».

Послѣ ухода русскои арміи с Кавказскаго фронта, к началу февраля 1918-го года, Закавказье, фактически отрѣзанное от Россіи и от союзников, переживало смутные мѣсяцы. Положеніе было крайне неустойчивое. Турки могли ворваться, а большевики соглашались оказать помощь лишь при условіи признанія власти московскаго совѣта народных комиссаров. Мусульмане явно держали сторону турок; армяне и русскіе продолжали считать себя «в состояніи войны» с группой центральных держав; грузины хотѣли установить «положеніе нейтралите-

та” и с этой цѣлью готовы были заключить мир с кѣм бы то ни было. Денег не было; край находился в состояніи гражданской войны; продовольствіе нигде не поступало.

В таких условіях собрался Закавказскій Сейм, 10-го февраля 1918-го года.

Закавказскій Сейм, провозгласившій Закавказскую республику сначала в предѣлах Россіи и как ея часть, а затѣм объявившій себя независимым, состоял, номинально, из представителей 10-ти политических партій, а фактически — из трех национальных групп, ведших между собой борьбу на почвѣ разных позицій в мировой войнѣ.

Состав Сейма по партіям был слѣдующій: 38 с.-д. меньшевиков (всѣ — грузины, за исключеніем двух русских и трех армян); 1 к.-д. (русскій); 6 соц.-революціонеров (один русскій, два армянина и три грузина); 27 партій дашнакпутюн, всѣ — армяне; один грузинскій соц.-федералист; один грузин націонал-демократ; 30 человек мусульманской соц.-федералистической партіи “муссават”; 4 — партіи “мусульман в Россіи”, с такой же неопредѣленной программой, как и названіе; 7 — мусульманскаго социалистическаго блока, и 3 — партіи “гуммет” (мусульманскіе с.-д. меньшевики). Всего — 112 членов. Из 44 мусульман, трое меньшевиков голосовали в большинствѣ случаев с грузинскими меньшевиками, остальные 41 составляли компактную массу. В вопросѣ о независимости Закавказья опредѣленными противниками независимости оставались до конца один кадет и три соц.-революціонера (из шести). Этот вопрос вызвал раскол в маленькой партіи социалистов-революціонеров. Шесть человек разбились на двѣ враждебныя фракціи — армяне и русскіе отстаивали идею единства Россіи и вѣрность союзническим обязательствам; грузины в этом вопросѣ пригнули к меньшевикам.

Сейм засѣдал первые дни в помещеніи театра, а потом — во дворцѣ бывших кавказских намѣстников. Никакой торжественности, никакого парада не было при открытіи собранія, которое считалось его членами Учредительным Собраніем Закавказья. В грусти, буднично, оно родилось 10-го февраля и так же буднично умерло 25-го мая того же года. Душа его отлетѣла раньше воплощенія. И первыя же засѣданія были заполнены надгробными рѣчами по этой отлетѣвшей душѣ.

Открыл первое засѣданіе Н. Чхендзе, предсѣдатель комиссіи по созыву Сейма, избранный единогласно постоянным предсѣдателем. Свою привѣтственную рѣчь он посвятил критикѣ большевиков, дѣятельность которых назвал разбойной и преступной и, между прочим, произнес фразу “о ядовитой, злосчастной иллюзии выскочить из огненнаго кольца войны на укромное мѣсто”.

Вечером того же дня, когда была произнесена эта фраза, предсѣдатель комиссаріата получил телеграмму от турецкаго главнокомандующаго, Вехиба-паши, с предложеніем правительству *независимаго* Закавказья начать с Турціей переговоры о заключеніи окончательнаго мира, для чего турецкіе делегаты готовы выѣхать из Константинополя в Тифлис.

II Закавказскій Сейм, преисполненный мирных намѣреній, ли-

шенный арміи и знавшій, что он никому не может быть опасен, повѣрил в искренность турецких желаній даровать Закавказью мир и благодеп-ствие нейтралитета, в то время, как міровая война вступила в самую жестокую фазу своего развитія.

Сейм отвѣтил, что он готов начать переговоры, быстро выработал принципиальныя условія *постояннаго* мира и выслал делегатов в Трапезунд.

И началось жестокое издѣвательство над народами Закавказья. Люди то ликовали, надѣясь на скорое прекращеніе их страданій, то в негодованіи бряцали оружіем, чтобы на другой же день спрятать его, и вновь ликовали; и вновь собирались “скорѣе умереть, чѣм подписать позорный мир”. В концѣ концов, подписали то, что им приказали подписать, сдѣлали то, чего требовали Германія с Турціей, и до сих пор не вышли из огненного кольца войны.

Получив телеграмму от Вехиба-пашы, предсѣдатель комиссаріата Гегечкори немедленно созвал членов комиссаріата и Сейма на соединенное закрытое засѣданіе, состоявшееся в тот же вечер во дворцѣ.

На этом засѣданіи было рѣшено принять предложеніе Турціи о переговорах, отвергнуть мѣсто встрѣчи в Тифлисѣ и предложить, со своей стороны, Трапезунд послѣ 20-го февраля (ст. ст.), когда остатки русских войск покинут этот город. В ту же ночь отвѣт был послан по радіо Вехибу-пашѣ.

Характерным моментом засѣданія было отношеніе к союзникам.

В самом началѣ представитель кадетов запросил: “извѣщены-ли представители союзных держав об этих шагах Турціи, и вообще каковы отношенія между комиссаріатом и представителями союзников“?

Гегечкори отвѣтил, что комиссаріат никогда не скрывал своих поступков. Поэтому представители союзных держав были освѣдомлены о всѣх шагах комиссаріата, так же, как и все населеніе, читающее газеты. “В частности, — сказал Гегечкори, — на-днях у меня был представитель Англіи, полковник Пайк, который сдѣлал мнѣ нѣкоторые предложенія, но я не нашел возможным отвѣтить на них, в виду того, что Сейм должен был вскорѣ собраться. Предложенія англійскаго представителя будут сначала доложены Сейму, а затѣм правительство отвѣтит”.

В концѣ засѣданія тот же член Сейма предложил просить союзников принять участие в трапезундских переговорах, и его поддержал представитель партіи социалистов-революціонеров. Предложеніе, представленное на голосованіе, было отвергнуто.

Что же касается сообщенія полковника Пайка, о котором говорил Гегечкори, оно, конечно, никогда не было доложено Сейму, ибо, по словам Пайка, имѣвшего на другой день по этому вопросу разговор с членом Сейма Семеновым, в присутствіи французскаго полковника Шардиньи, он ничего официально не предлагал Гегечкори. Полковник говорил с ним лишь о том, что англичане готовы оказать финансовую поддержку національным совѣтам в дѣлѣ организаціи національных воинских частей, отправляемых на фронт.

Дѣйствительно, послѣ разговора с Гегечкори, полковник Пайк во-

шел в сношенія с армянским, грузинским и русским национальными со-
вѣтами по этому вопросу. Грузинскій совѣтъ отказался от денег. Армяне
и русскіе, в принципѣ, приняли. Но когда дѣло дошло до передачи де-
нег, встрѣтился ряд затрудненій. Главным затрудненіемъ было то обстоя-
тельство, что у англичан в Тифлисѣ не было денежных знаков, но были
чеки на лондонскіе банки. Ихъ нужно было учесть. Мѣстные банки учи-
тывали ихъ по очень низкой цѣнѣ, англичане и американцы торгова-
лись. На этотъ торг, на выясненіе суммы и условій передачи ушло два
мѣсяца. Армяне, все-таки, получили нѣкоторую сумму. Чекъ для Русска-
го Национальнаго Совѣта долженъ былъ быть уже подписан, когда 9-го ап-
рѣля Сеймъ провозгласилъ независимость Закавказья, и представители
союзныхъ державъ покинули Тифлис, выѣхавъ на сѣверъ.

Пославши отвѣтъ Вехибу-пашѣ съ принципиальнымъ согласіемъ на пе-
разговоры о мирѣ, Сеймъ сталъ выработать свою собственную физионо-
мію. Съ этой цѣлью одно засѣданіе было посвящено деклараціямъ партій.
Наканунѣ пришла телеграмма безъ всякихъ деталей отъ члена большеви-
стской делегаціи мира, Карахана, о томъ, что в Брестѣ будетъ подписанъ
миръ. Всѣ находились подъ впечатлѣніемъ этой телеграммы. И, тѣмъ не ме-
нѣе, всѣ деклараціи говорили о единствѣ Россіи.

Представитель мусульман, Агаевъ, сказалъ: “неумѣлая тактика ру-
ководителей революціи и непониманіе ими задачъ момента привели Рос-
сію на край гибели”. Высказавшись затѣмъ о необходимости скорѣйша-
го заключенія мира и разрѣшенія ряда социальныхъ и национальных
вопросовъ, онъ прибавилъ: “не надо медлить децентрализацией отдѣльных
сферъ государственной жизни, ибо для возсозданія Россіи свободныхъ на-
родовъ нѣтъ пути, кромѣ федераціи”. Поэтому его фракція настаиваетъ на
“практическомъ осуществленіи национально-территориальной автономіи
в Азербейджанѣ”.

Отъ партіи дашнакцутюн, Качазунни, сказалъ: “устраивая свою
жизнь на мѣстахъ, народы и страны, тѣмъ самымъ, закладываютъ прочный
фундаментъ для воздвиженія на немъ великаго дѣла — единой Россій-
ской Федеративной Республики. Однимъ изъ такихъ организующихъ цен-
тровъ долженъ стать Закавказскій Сеймъ”.

Въ деклараціи социалистов-революціонеровъ говорилось, что “фрак-
ція полагаетъ необходимымъ заключеніе мира с Турціей, в согласіи съ со-
сѣдными правительствами Россійской Республики, стоящими на плат-
формѣ Учредительнаго Собранія”. Ораторъ партіи закончилъ рѣчь при-
зывомъ къ борьбѣ “за возстановленіе единства всероссійскаго револю-
ціоннаго фронта, и за Учредительное Собраніе, во имя торжества еди-
ной Россійской Федеративной Демократической Республики”.

Декларація меньшевиковъ, прочитанная по листу Ноем Рамишвили,
подробно излагала планъ законодательства аграрнаго, рабочаго и т. д., а
по вопросу общей политики гласила, что “закавказская демократія,
предоставленная, благодаря политикѣ большевиковъ, самой себѣ, вынуж-
дена собственными силами добиваться разрѣшенія выдвинутыхъ россій-
ской революціей задачъ, в полной увѣренности, что сганизованныя обла-
сти, преодолевъши анархію, совмѣстными усиліями возсоздадутъ един-
ство всероссійской демократіи”.

Эти декларації представляли мнѣніе 106-ти депутатов из 112-ти. Мелкія фракціи расходились с ними лишь в мѣру разлічій партійной идеології, и только грузинскій націонал-демократ Гвазава настаивал на объявленіи Закавказья независимой республикой и на немедленной разработкѣ конституціи новаго государства.

Однако, уже и в этом засѣданіи Сейма, 15-го февраля, прозвучала нота отчаянія, которая показала, что за официальными деклараціями скрывается нѣкая иная сущность, и что эта сущность, быть может, сильнѣе желаній, намѣреній, а, главное, способностей Сейма.

Помимо деклараціи, Н. Жорданія произнес большую рѣчь об общем положеніи вещей. Он говорил, что нынѣшняя революція “не выходит из предѣлов товарнаго хозяйства”, что она “не касается основ буржуазнаго общества”, что, “если, вопреки исторіи, мы будем навязывать этой революціи то, чего она не может дать, мы получим не социальную революцію, а социальную реакцію. Ибо только из буржуазнаго общества может родиться социалистическое общество”. Затѣм, переходя к задачам Сейма, он сказал, что, благодаря большевикам, Закавказье очутилось изолированным от Россіи и предоставленным собственным силам. “Еще недавно, — говорил он, — мы мечтали и лелѣяли ту идею, что скоро, очень скоро, мы объединимся с російской демократіей и вмѣстѣ с нею будем устраивать экономически и политически Россійскую Республику. Но это становится нынѣ мечтой”. Что же касается Брестскаго мира, то он, по словам Жорданія, “еще рѣзче оборвал тѣ нити, которые нас связывали с Россіей. Послѣ этого акта, Сейм, долженствовавшій быть законодательным учрежденіем, превращается в Учредительное Собраніе, и первѣйшей его задачей является — заключить мир с Турціей. Но такого мира, — воскликнул Жорданія, — какой подписали большевики, мы не подпишем, и мы считаем, что лучше умереть с честью на посту, чѣм опозориться и предать себя на проклятіе потомству”. Увѣренный, что, “может быть, через год, может быть, через полгода к нам оттуда (из центра Россіи) будет идти быстрыми шагами самая свирѣпая реакція”, Жорданія заключил, что, “если Закавказье организуется в правовую республику, оно сумѣет отстоять себя от этой реакціи, надвигающейся с сѣвера”.

Исходя из правильнаго положенія, что, “вопреки исторіи”, нельзя навязывать жизни то, чего она не может дать, Жорданія не хотѣл или не мог принять во вниманіе, что исторія дѣлалась в тот момент на полях сраженій міровой войны: выйти из всеобщей катастрофы — выше сил отдѣльных единиц. Россія разваливалась именно благодаря попыткѣ за предѣлами исторіи выполнять теоретическія программы. Такую теоретическую программу начертал для Закавказья Жорданія, придумав “правовую республику” из трех частей, из которых двѣ были уже втянуты внутренним своим существом в общую міровую трагедію противоположными ей полюсами, а третья пыталась выскочить в укромное мѣсто нейтралитета.

В этом смыслѣ ему возражал представитель партіи к.-д.

Но мысли, бросавшіяся Н. Жорданія, подхватывались на-лету, и тѣ, кто не имѣли никаких своих мыслей, дѣлали их своими.

Из-за тройственности настроеній и направленій закавказской политической мысли, никакое теченіе не могло имѣть большинства и авторитета силы. Турецкаго направленія мусульман боялись грузины; его ненавидѣли армяне. Союзническаго настроенія армян не раздѣляли грузины, увѣренные в побѣдѣ Германіи, и в открытой оппозиціи ему были татары. Поэтому всѣ три стороны временно, внѣшним образом, сходились на грузинском нейтралитетѣ. А так как союзники были далеко, а турки близко, то для грузин мусульманская опасность была реальна. Этим объясняется, что общее руководство закавказской политикой оказалось в руках грузин-меньшевиков, как у нейтралитетов. Это руководство направилось в сторону установленія какого бы то ни было соглашения с мусульманами. Армянскіе же политики плелись в хвостѣ, все болѣе и болѣе отклоняясь от собственных желаній и от того, что дѣлал армянскій народ.

Несоответствіе внѣшних выраженій и внутренних настроеній, намѣтившееся в день партійных декларацій в Сеймѣ, рѣзко проявилось в тот же вечер в засѣданіи “комиссіи о мирѣ”. Комиссія разрабатывала план инструкцій для мирной делегации, отправлявшейся в Трапезунд. Присутствовали представители всѣх фракцій. Член фракціи дашнакцутюн, А. Хатисов, от имени партіи, изложил в четырех пунктах требованія армянскаго народа, долженствовавшія быть положенными в основу мирных переговоров: 1) автономія Арменіи в предѣлах Турецкой имперіи; 2) территоріей автономной Арменіи должны быть шесть вилайетов, как они указаны в Оранжевой книгѣ, касающейся проекта реформ 1913-го года, установленнаго союзными державами и подписаннаго Турціей; 3) гарантія безпрепятственнаго возвращенія армянских бѣженцев в Арменію. “Послѣ отдѣленія Закавказья от Россіи, — сказал А. Хатисов, — сдѣлалось возможным установленіе добрососѣдских отношеній армян с Турціей”, и 4) формированіе армянской милиціи на территоріи турецкой Арменіи.

Всѣ вышеизложенныя четыре пункта должны были быть гарантированы державами четвернаго союза Центральной Европы.

Развивая свои требованія, представитель партіи дашнакцутюн говорил, что положеніе дѣл в Европѣ и на Кавказѣ настолько измѣнилось, что теперь воплѣнны новыя перспективы для Турецкой имперіи. Идеи социализма распространяются и в Малой Азій; быть может, в турецкую федерацію войдут современным и закавказскія республики.

Так как эти заявленія официальнаго представителя партіи в присутствіи представителей всѣх фракцій Сейма и четырех національных совѣтов, в официальном засѣданіи парламентской комиссіи вызвали удивленіе нѣкоторых членов собранія, Хатисов сослался на утреннюю рѣчь Ноя Жорданія в Сеймѣ, которая, по его мнѣнію, “показывает, что среди меньшевиков оріентація значительно измѣнилась; общее положеніе дѣл таково, что для всѣх народов Закавказья уже рисуется возможность в будущем независимых Грузіи, Арменіи и Азербейд-

жана, которые войдут в турецкую федерацию. У армян в Турции нѣтъ и никогда не было тенденціи выдѣленія из Оттоманской имперіи; я, — подчеркнул Хатисов, — заявляю это категорически. Армяне явятся самыми лояльными гражданами Турціи и будут ограждать всѣ попользовенія на цѣлость Оттоманской имперіи, с чеѣ бы стороны эти попользовенія ни исходили. Вопрос о турецкой Арменіи был всегда международным, но если мы сейчас разрѣшим его удовлетворительно, он перестанет быть международным”.

Так говорили политики в комиссіи закавказскаго Сейма.

А в то время, как, под вліяніем тонких дипломатических комбинацій в нѣдрах Сейма, в головах политиков, по их собственному выраженію, происходила революція, армянскій народ с оружіем в руках сопротивлялся продвиженію турок, наступавших от Эрзерума к кавказской границѣ.

Сейм принялъ план, формулированный комиссіей в слѣдующих четырех пунктах:

1. “Закавказскій Сейм при создавшихся условіях считает себя правомочным заключить мир с Турціей.

2. Закавказскій Сейм, приступая к мирным переговорам, ставит себя задачей заключить окончательный мир с Турціей.

3. В основаніе заключаемаго мирнаго договора должно лечь возстановленіе государственных границ Россіи с Турціей, существовавших к моменту объявленія войны в 1914-ом году.

4. Делегация добивается права на самоопредѣленіе для народов Восточной Анатолиі, и, в частности, автономіи турецкой Арменіи, в рамках турецкой государственности”.

Принятіе этих четырех пунктов в засѣданіи Сейма 16-го февраля вызвало бурныя пренія, поднятая представителем партіи к.-д. Он внес предложеніе о совмѣстных с союзниками дѣйствіях в вопросѣ о переговорах с Турціей. Предложеніе это было отвергнуто. Кромѣ того, он возражал против второго пункта программы, — пункта об “окончательном мирѣ”, настаивая на том, что окончательный мир будет заключен лишь на мирной европейской конференціи, которая сможет измѣнить кавказскій мир до самаго его основанія, если этот кавказскій мир вообще имѣет какіе-нибудь шансы быть заключенным. Кромѣ того, он полагал, что ни о чем окончательном Сейм не может говорить, пока отвѣтственные представители крупных фракцій в теченіе дня рѣзко мѣняют свои точки зрѣнія по основным вопросам политики. Он сослался при этом на противорѣчіе утренней деклараціи представителя партіи дашнакцугюн и вечерних заявленій в комиссіи о мирѣ той же партіи. Но рѣчь члена партіи к.-д. имѣла результатом лишь болѣе тѣсное объединеніе всѣх на почвѣ рѣзкой критики русских и англійских “имперіалистов”. В этот день в первый и в послѣдній раз мусульмане поддержали армянскую партію дашнакцугюн и общались ей отстаивать автономію турецкой Арменіи.

На другой день, 17-го февраля, делегация Сейма, в составѣ представителей всѣх фракцій, за исключеніем к.-д., должна была отправиться в Трапезунд для переговоров о мирѣ. Но в этот день пришла

телеграмма от секретаря большевистской мирной делегации, Карахана, с сообщением о том, что на слѣдующій день в Брест-Литовскѣ будет подписан мирный договор, по которому Батум, Карс и Ардаган с их округами отходят к Турціи. Полагая, что послѣ Брестскаго договора позиція оттоманскаго правительства по отношенію к кавказской мирной делегации измѣнится (как будто турецкое правительство 10-го февраля не знало, что должно было произойти в Брестѣ в ближайшіе дни!), делегация осталась в Тифлисѣ, в ожиданіи отвѣта на посланный по этому поводу запрос в турецкую ставку. Но делегация так и не дождалась отвѣта, и, получив 22-го февраля телеграмму от русскаго генерала Колосовскаго из Трапезунда о том, что туда ожидается пріѣзд турецкой делегации, выѣхала в Батум и затѣм в Трапезунд. Прибыв к этому городу 23-го февраля вечером, делегация прождала на пароходѣ до 27-го числа, не имѣя никаких свѣдѣній ни об оттоманских представителях, ни о намѣреніях турецкаго правительства, и уже собралась возвращаться в Батум, когда пріѣхали турецкіе уполномоченные. Через день, 1-го марта, состоялось первое совѣщаніе конференціи.

В промежуткѣ закавказское правительство получило требованіе Вехиба-паши об эвакуации Карса, Батума и Ардагана, *во исполненіе Брестскаго договора*, несмотря на то, что закавказское правительство послало по радіо циркулярно-телеграфный протест против этого договора и заявленіе о том, что оно его не признает.

При первом же свиданіи предсѣдатель закавказской делегации, А. И. Чхенкели, представил туркам письменный запрос: означает-ли упомянутое требованіе Вехиба-паши отказ от веденія дальнѣйших переговоров? Турецкій предсѣдатель, Рауф-бей, в отвѣтъ на запрос, устно отвѣтил, “что прібытіе в Трапезунд турецкой делегации обусловлено желаніем Порты вести с Закавказьем переговоры, о требованіи же Вехиба-паши ему ничего не извѣстно”.

Тѣм временем турки повели наступленіе со стороны Эрзинджана на Эрзерум, заявив, что они будут продвигаться вперед до встрѣчи с русскими войсками, и объявили армянскія воинскія части вооруженными бандами, с которыми они будут обращаться, как с повстанцами. Другой турецкій отряд двигался от Трапезунда на Батум по берегу Чернаго моря и был уже на полпути, когда открылась Трапезундская конференція.

При ея открытіи предсѣдатель оттоманской делегации произнес на французском языкѣ слѣдующую рѣчь:

“Благодаря небо *) за ниспосланіе мнѣ случая обратиться от имени моей страны и моих коллег с благопожеланіями по поводу прібытія к уважаемым представителям народа Закавказья, постепенно подвигающагося послѣ паденія царизма по пути независимости, я имѣю честь разматривать этот драгоцѣнный случай, как одну из самых пріятных радостей в моей жизни. Привѣтствуя сегодня в Вашем лицѣ вашу страну, отнюдь не в силу лишь необходимости слѣдовать требованіям церемоніала и дипломатических традицій, я одушевлен

*) Официальный перевод мирной делегации.

скорбе чувством почтенія и желаніем содѣйствовать в священном дѣлѣ, представителями котораго Вы являетесь. В виду того, что всѣ военныя дѣйствія, ведшіяся нами в теченіе двухсот лѣтъ против царизма, были войнами оборонительными для наших стран, я думаю, что наши общія, судьбы связывались все болѣе и болѣе втеченіе этой славной исторіи. Послѣдній, пережитый нами період, который, к несчастью, помѣшал нам осязательно выолнить наш историческій долг в дѣлѣ помощи Вам, доказал рядом тяжелых испытаній всю важность единенія наших судеб. Во всяком случаѣ, я увѣрен, что всѣ мы здѣсь считаем паденіе раздѣлявшаго нас препятствія явленіем гораздо болѣе важным, чѣм наиболѣе выдающійся дипломатическій успѣх; ибо узлы, связывающія нас, являются отношеніями не только историческими и географическими, но скорѣе родственными связями, вытекающими из нашего общаго прошлаго. Именно поэтому народы кавказскій и турецкій состоят нынѣ из однѣх и тѣх же религій и націй и имѣют почти одинаковую исторію. Одушевленный этими чувствами, я желаю счастливаго исхода для наших совѣщаній и объявляю первое пленарное засѣданіе открытым”.

Рауф-бею отвѣчал Чхенкели. Не замѣтив, вѣроятно, исторической справки турецкаго уполномоченнаго о том, что турки и закавказскіе народы “однѣх и тѣх же религій и націй” в теченіе двухсот лѣтъ “славной исторіи” вели оборонительныя войны против русскаго царизма, он принес ему “от имени мирной делегаціи закавказскаго Сейма искреннюю благодарность за то пріятельное слово, которое угодно было ему сейчас произнести”, и отмѣтил искренность его тона.

Послѣ этого оттоманская делегація внесла письменное предложеніе слѣдующаго содержанія:

“Делегація Императорскаго Оттоманскаго Правительства имѣет честь заявить, что ея Правительство питает искреннее намѣреніе установить добрососѣдскія отношенія с республикой, находящейся в процессѣ образованія в Закавказьѣ.

Оттоманская делегація просит закавказскую сдѣлать ей точныя деклараціи относительно сущности, формы, политической и административной организаціи означенной республики и спрашивает, выполнены-ли послѣднія условія, которыя требуются международным правом для образованія государства”.

Таким образом, с перваго же дня конференціи, турки поставили закавказскую делегацію перед необходимостью объявить независимость Закавказья, то-есть отторгнуться от Россіи, а военное командованіе вооруженной силой осуществляло параграфы Брестскаго договора. Закавказье было поставлено перед дилеммой или объявить независимость и продолжать разговаривать, или прекратить разговоры и силой оружія отстаивать свою неприкосновенность.

Так турки измором брали Закавказье.

Вмѣсто того, чтобы принять одно из рѣшеній, делегація пыталась убѣдить турок, что они, турки, сами захотѣли разговаривать, что Закавказье — почти независимое государство, и что остались однѣ формальности, которыя будут выполнены при подписаніи мирнаго догово-

ра. При этом делегация продолжала утверждать, что Закавказье не признает Брестского мира.

На это турки ответили, что признание Закавказья независимым “не может иметь обратной силы, и что закавказское правительство, заявив в телеграмме от 10/23-го января о необходимости согласовать свои действия с поведением и актами других составляющих территориальное единство республики Российской автономных правительств и воздержавшись от посылки представителей на Брестскую конференцию, тем самым, сочло себя не независимым государством, а членом Российской Федеративной Республики. Оттоманское же правительство, узнав во время последующих военных действий против России об образовании государства в Закавказье и о намерении этого последнего отделиться от России, выразило желание познакомиться с ним и вступить в добрососедские отношения... Однако, до настоящего времени на Кавказском фронте стояла исключительно только русская армия”.

Мы видим, как турки подстегивают кавказцев, попрекая их за их медлительность и указывая, какие от этого произошли дурные последствия — отторжение Карской и Батумской областей.

Выше были цитированы декларации всех политических партий, групп, организаций и отдельных деятелей; из них никак нельзя понять, откуда Рауф-бей заключил о намерении Закавказья до 10-го февраля “отделиться от России”.

Мы увидим ниже, кто диктовал Рауф-бею это заключение и с какой целью. Что же касается самих турок, то независимость Закавказья сама по себе их несколько не интересовала. Им важно было получить то, что они получили в Бресте от большевиков.

Во время перерыва занятий конференции часть делегации вернулась в Тифлис и сдала доклад о своих впечатлениях. Делегаты говорили, что, помимо официальных заседаний, у обеих делегаций бывали беседы частного характера, во время которых турки говорили больше откровенно. Так, Рауф-бей сказал однажды, что Карс и Батум им нужны как крепости против России, ибо Россия, по их глубокому убеждению, будет вскоре так же сильна, как и раньше. И, конечно, не слабое Закавказье даст Турции гарантии против сильной России, тогда как определенное владение Турцией этими крепостями дает ей солидную гарантию. Мы, — сказал Рауф-бей, — в течение войны потеряли всякую надежду на будущее Турции. Нам казалось, что Турции уже нет, и, тем не менее, мы держались и не выходили из борьбы. И вот теперь Аллах посылает нам такие блага, которые доказывают государственную мощь Оттоманской империи. Наш народ по всей Турции празднует возвращение Карса, Ардагана и Батума и от них не откажется.

А закавказская делегация продолжала настаивать на заключении мира между Турцией и Закавказьем в бывших границах России 1914-го года и с автономией турецкой Армении, при чем, — писал А. И. Чхенкели туркам, — “при ратификации мирного договора независимым Закавказским государством будут выполнены все формальности, требуемые международным правом”.

Оттоманская делегация решительно протестовала против 4-го пункта (автономия Армении), видя в нем внимательство во внутреннюю долю Турции, и сообщила, что переговоры об официальном признании Кавказской республики могут быть начаты лишь после отказа Закавказья от всяких претензий на Батумский, Ардаганский и Карский санджаки. Для того, чтобы добиться, все-таки, каких-нибудь результатов, закавказский Сейм пошел на крупные уступки и облек А. И. Чхенкели чрезвычайными полномочиями.

Выслушав это заявление, оттоманская делегация заявила о необходимости перерыва занятий для получения дополнительных инструкций от Порты.

По возвращении своем 24-го марта (ст. ст.) из Константинополя, делегация привезла с собою ультиматум турецкого правительства с требованием окончательного ответа на свою ноту от 8/21-го марта в 48-часовой срок. Не получая ответа из Тифлиса, закавказская делегация добилась продления срока еще на 48 часов и, все-таки, не получила ответа (радио-станция в Батуме была в руках турок), делегация, по истечении срока, поздно вечером 28-го марта сообщила Рауф-бею, "что она принимает Брест-Литовский договор и готова вести дальнейшие переговоры, основываясь на нем".

На это турецкая делегация ответила 31-го марта, что к переговорам должны быть привлечены ее союзники. "Однако, для возможности привлечения союзников к переговорам о *договоре дружбы*, который пока она готова обсудить, необходимо прежде всего, чтобы Закавказье декларировало свою независимость".

Этот последний ответ показывает, кому была нужна независимость. Турция уже получила Батум и Карс. Но ее союзникам нужно было расчленить Закавказье и добиться доступа к Баку. Брест-Литовский договор не давал Германии легального прохода Батум — Баку. А независимое Закавказье нарушило Брестский договор, против него можно было начать новую войну и законным порядком захватить все, что угодно.

На другой день закавказская делегация, совсем для нея неожиданно, получила от своего правительства предписание немедленно вернуться в Тифлис. Телеграмма гласила: "В виду того, что мирное соглашение по вопросу о границах Закавказья между Турцией и Закавказьем не достигнуто, закавказской делегации предлагается выехать обратно в Тифлис".

Отозвание делегации означало продолжение состояния войны.

Что произошло? Почему такое разногласие между мирной делегацией Сейма и самим Сеймом?

До известной степени это может стать понятным, если рассмотрим состав делегации. Она состояла из двух меньшевиков, из которых один был мусульманин, другой — грузин, Чхенкели; из пяти различных представителей мусульманских фракций Сейма, из одного социал-федералиста, одного национал-демократа, Гвазава, единственного высказавшагося за отделение Закавказья в день деклараций в Сейме, и, наконец, из двух армян, Р. Качазнуни и А. Хатисова. Таким образом, де-

легация состояла в большинстве из определенных давнишних сторонников Турции или Германии, ненавидевших армян, или из недавних сепаратистов, как А. Хатисов, которые думали, что они могут кого-нибудь или что-нибудь спасти, убедивши турок, что армяне — самые верноподданные оттоманские граждане. Этим политикам текущего дня турки сказали в Трапезундѣ, что они считаются только с единовѣрцами, и что убеждают дѣла, а не слова.

Насколько мало считались отдельные члены мирной делегации с пославшим их Сеймом, можно судить по следующему факту. Когда Сейм постановил отозвать их из Трапезунда, что означало продолжение состоянія войны между Закавказьем и Турцией, некоторые члены делегации не подчинились, остались в Трапезундѣ и даже побѣхали оттуда в Константинополь. Таким образом, в то время, как Закавказье официально воевало с Турцией, член его парламента, М. Г. Гаджинский (мусульманин), продолжал вести какіе-то переговоры с врагами, а гласный тифлисской Городской думы Г. Вешапели (лидер грузинских национал-демократов), один из секретарей делегации, также не вернулся с остальными, но побѣхал в Константинополь, откуда пріѣхал в Тифлис лишь спустя некоторое время и занял свое прежнее положеніе в партиі и вообще в дѣлах мѣстной политики.

Что касается Сейма, то он относился к вопросу о независимости, как больной к тяжелой операциі, вслѣдствіе оттягивая ее, то совѣм готовый разрубить Гордиев узел, то стстраняясь в каком-то мистическом ужасѣ. 31-го марта Сейм окончательно рѣшил вопрос *единогласно* в отрицательном смыслѣ, “категорически и безповоротно”, для того, чтобы через девять дней торжественно провозгласить свою независимость, признать Брестскій мир и возобновить переговоры с Турцией о заключеніи с ней “договора дружбы”. Впервые слово “независимость” было произнесено в “день деклараціи” (15 февраля) депутатом Гвазава, но потребовался внѣшний толчок, чтобы вопрос принял болѣе конкретныя формы. Таким толчком оказалась телеграмма Карахана о Брестском мирѣ с уступкой Батума, Карса и Ардагана. На другой день по полученіи этой телеграммы, послѣ засѣданія Сейма, 18-го февраля, состоялось ночное соединенное засѣданіе правительства, представителей всѣх фракцій и членов мирной делегации, в котором возбужденные и негодовавшіе депутаты совѣм были готовы отложиться от Россіи в видѣ протеста против Брестскаго договора.

Однако, ночное засѣданіе 18-го февраля не привело ни к какому рѣшенію. Представители партиі муссават требовали назначенія засѣданія Сейма на другой же день для объявленія Закавказья независимой республикой. Их поддерживал націонал-демократ Гвазава. Армяне возражали, говоря, что необходимо отложить вопрос и поставить его в зависимость от хода мирных переговоров с Турцией, как аргумент при отстаиваніи границ 1914-го года. Большевики склонились на сторону армян, и вопрос не был поставлен в порядок дня.

На слѣдующій день вновь состоялось соединенное засѣданіе, в котором разсматривался этот же вопрос. В этот раз против независимости высказались меньшевики и представитель партиі к.-д. За нее

продолжали стоять мусульмане и национал-демократ. Армяне остались на прежней позиции. Тем не менее, по настоянию мусульман, вопрос был внесен на повестку дня ближайшего заседания Сейма.

Наконец, 21-го февраля дошла очередь и до этого вопроса.

Чрезвычайно показательной для настроения Сейма в этот день была речь армянского депутата Врациана. Он обратил внимание на то обстоятельство, "что в Сейме отсутствуют радость и торжественность, которых следовало бы ожидать при постановке такого кардинального вопроса, как самоопределение народов Закавказья".

Это настроение вполне понятно, ибо независимость Закавказья была не самоопределением, а отказом от всего прошлого под давлением Турции. Скачок в неизвестность, под влиянием паники! Жордания, в своей речи, характеризовал положение именно так. Он сказал, что нужно рассмотреть вопрос о независимости "с точки зрения той войны, в которой мы сейчас находимся, и которую мы должны закончить почетным миром. Тот диктует условия мира, кто побуждает. До сих пор мы были сильны Россией, которая защищала нас степною своих итыков. Теперь, впервые за 100 лет, меч выпал из рук России, и нам самим нужно создать ту силу, которая нас спасет. Нам грозит иго Турции. Каким способом мы можем освободиться от этого ига? Большевики купили мир ценою Батума и Карса, мы на такой мир не согласны. Но каким путем достигнуть мира? Есть только единственный путь — единение всех народностей Закавказья, их сплочение, что нам даст силу и спасение. Но для единения необходимо, чтобы оно было для всех выгодно. Огромное большинство населения Закавказья составляют мусульмане, без них мы не можем заключить почетного мира. Сто лет мы тянули мусульман к России, но теперь война все изменила. Война изменила России. Россия ушла из Закавказья, и все здесь имеют полное право иметь свою собственную ориентацию... Мы всегда держались русской ориентации и эту ориентацию сохраняем ныне, мусульмане же держатся турецкой ориентации. Необходимо найти средний путь... Мы не хотим попасть под турецкое иго, которое явится порождением не только для нас и для армян, но также и для мусульман. И вот нам поневоле приходится объявить Закавказье независимым. Вожди мусульман должны иметь что-нибудь для своих масс, чтобы они пошли с ними и с нами. Таким фактом для них явилось независимое Закавказье. Однако, для самостоятельности необходимо, чтобы она была признана Россией и всеми другими государствами. Поэтому этот акт должен быть совершен в процессе международных переговоров. Таким процессом являются мирные переговоры в Трапезунде".

Отметим в этой речи уверенность лидера руководящей партии, что международными переговорами считалась Трапезундская конференция, где могли присутствовать лишь представители центральных держав. Тут уже видно предположение, что независимость "поневоле" долженствовала отобразить назад у Турции Батум и Карс, выгодно кому-то другому, кому война не изменила, и кто может заставить принять свою волю все остальные государства мира, побужденные и лишенные поэтому голоса.

На эту сторону вопроса обратил внимание представитель партии к.-д. Он так же, как и Жордания, считал, что ставящийся в предобной обстановкѣ вопрос о независимости нужно разсматривать с точки зрѣнія войны. А так как Германия в этой войнѣ напрягла всѣ свои силы, подчинила ей всѣ стороны своей жизни, то, если ей может быть выгодно независимость Закавказья, очевидно, это соответствует каким-нибудь ея военным планам. Поэтому, объявив независимость, Закавказье отнюдь не выйдет из войны, не получит мира, которого оно хочет, а лишь перейдет из одной коалиции в другую. Эта измѣна будет содѣйствовать порабощенію Россіи, которую Германия расчленяет. А порабощеніе стомилліоннаго народа послужит источником послѣдующих войн, от которых Закавказье будет страдать больше всѣх. Становясь на путь, желательный для Германии, Закавказье не сможет остановиться на полдорогѣ. От него отдѣлится Баку, который уже и сейчас “самоопредѣляется” по-своему, затѣм Закавказье распадется на Азербейджан, Армению и Грузію, а потом и эти куски начнут расчленяться на мелкія части. И каждую часть в отдѣльности Турція и Германия проглотят без сопротивления. Поэтому, по мнѣнію представителя оппозиціи, необходимо было, не объявляя независимости, употребить всѣ усилія на организацію національных воинских частей.

Что касается мусульман, то, хотя они утверждали, что объявленіе независимости есть акт свободнаго самоопредѣленія, то и они не раз говорили, что “турецкое правительство неоднократно разсматривало нас, как самостоятельную единицу, оно настойчиво навязывало, если можно так выразиться, эту идею”...

Сейм в данный момент не пошел за мусульманами; принялъ предложеніе армян, не желавших высказаться по существу, передал вопрос в комиссію и на шесть недѣль успокоился.

Тем временем формула Ноя Жордания о независимости *по неволѣ*, как о средней линіи между туркофильством мусульман и руссофильством христіан, с обоюдными уступками, занимала мысль членов Сейма. Осуществленіе этой формулы требовало прежде всего категорическаго отвѣта от мусульман, рѣшаются-ли они быть гражданами Закавказской независимой республики до конца, т. е. до защиты ея границ даже *против турок* с оружіем в руках, или нѣтъ.

Этот вопрос поставил ребром в одном из слѣдующих засѣданій Сейма предсѣдатель фракціи социалистов-революціонеров, Лоркипанидзе. “Положеніе, — сказал он, — таково, что здѣсь нужна не дипломатія, не игра, а нужно опредѣленно сказать: мы с вами, или не с вами. Уйти тогда, когда будет начата борьба, будет предательством. Мы имѣем право, чтобы вы, — обратился он к мусульманам, — найдя общій язык для Закавказской Республики, сказали временному правительству: организуйте силы, и пусть всѣ знают, что если будет борьба, мы будем всѣ вмѣстѣ”.

Мусульмане ничего не отвѣтили на вопрос, поставленный прямо, но встревоженные, созвали межфракціонное засѣданіе 1-го марта и дали отрицательный отвѣтъ.

На засѣданіи присутствовали: восемь мусульман различных по-

литических отъѣнков, два представителя меньшевиков, Чхеидзе и Жорданія, армянин Карчикян, социалист-революціонер Лоркипанидзе и кадет Семенов. Мусульманин Усубеков, член закавказскаго правительства, открыл пренія, доложив, что собраніе это создано по просьбѣ мусульман, членов Сейма, так как вопросы, ставившіеся в послѣднем засѣданіи, ставят их в чрезвычайно затруднительное положеніе, ибо публично отвѣчать на них вредно. Мусульмане Закавказья, — продолжал он, — воевать с Турціей ни в каком случаѣ не будут, ибо они — *турки*. их объединяет с турками родство расовое, язык и религія. Но можно-ли сдѣлать подобное заявленіе сейчас с трибуны Сейма, когда ведутся мирные переговоры с Турціей? Однако, — прибавил он, — если вы пожелаете, мы можем заявить это и публично. Если же фракціи этого не желают, то пусть не задают нам таких вопросов, как это сдѣлал Лоркипанидзе в послѣднем засѣданіи Сейма.

Хан-Хойскій, также член правительства, в послѣдствіи — премьер-министр Азербейджанской республики, в пространной рѣчи сказал, что мусульмане, испытавшіе гнет самодержавія, ничего не получили от революціи, ибо революція не только не улучшила их положенія, а создала лишь такую анархію, благодаря которой люди рѣжут друг друга. Мусульманским массам революція не дала ничего. Правда, мусульманская интеллигенція кое-гдѣ привлекается к власти, но и то с большою опаской и с проявленіем недовѣрія. Так, в Баку, гдѣ вся губернія мусульманская, он, Хан-Хойскій, был единственным представителем мусульман в Исполнительном комитетѣ; остальные были солдаты и рабочіе всѣх прочих національностей, ничего общаго с населеніем не имѣвшіе. Совѣты солдатских и рабочих депутатов ни за что не хотѣли давать оружіе мусульманам для организаціи милиціи, как элементу сомнительному в смыслѣ революціонности. Благодаря этому в Восточном Закавказьѣ создались такія условія жизни, что нѣтъ больше сил их выносить. Населеніе не вѣрит никому, ни своим выборным, ни интеллигенціи, ни духовенству; мы потеряли всякое вліяніе на массы. Однако, в чем мы нисколько не сомнѣваемся, это в том, что воевать с Турціей наш народ не будет. И если бы мы пошли к нему с призывом пойти войной против турок, он разорвал бы нас на куски”.

Послѣ этих заявленій Жорданія спросил, гарантируют-ли мусульманскіе вожди, по крайней мѣрѣ, нейтралитет своего народа в случаѣ войны Закавказья с Турціей? Он жаловался на аджарцев Батумской области, измѣнивших, по его словам, Закавказью и Грузіи. Кѣм-то руководимые, они портят мосты, не пропускают по дорогам воинскія части, словом, выполняют какой-то план, в интересах, лежащих по ту сторону государственной границы. Представители партіи “мусават”, — продолжал Жорданія, — постоянно требуют провозглашенія независимости Закавказья, но что это за независимое государство, в котором будет двѣ категоріи граждан — одни не захотят защищать южныя границы, другіе — сѣверныя. Гарантируйте нас, по крайней мѣрѣ, от удара в спину. Если наш тыл, — закончил Жорданія, — не будет обезпечен, мы, конечно, ни о какой защитѣ своих границ разго-

варивать не можем, и нам придется складывать оружие, славаясь на милость побѣдителей.

Вопрос Жорданія остался без опредѣленного отвѣта.

Вмѣсто отвѣта, мусульмане сказали, что Закавказье, как государство, не их идеал. Их идеал — независимый Азербейджан, в составѣ персидскаго и закавказскаго Азербейджана с Дагестаном. Входя в Сейм, они, в силу необходимости, пошли на неприятный компромисс, который санкціонировал существующую границу между двумя Азербейджанами. В Закавказьѣ, благодаря столѣтнему русскому владычеству, культура выше турецкой, поэтому с турецким порабощеніем они также не примирятся. Но, — сказак Уссубеков, — Турція это тоже знает и дала нам понять, что с этим будет считаться.

Таким образом рушилась схема, построенная Ноем Жорданія на средней линіи между двумя противоположными ориентаціями, и идея независимаго Закавказья потеряла всякій внутренней смысл какого бы то ни было самоопредѣленія. За ней осталось одно лишь ничем не прикрытое требованіе побѣдителя, преслѣдовавшаго свои собственные цѣли.

Турецкая агитація в Восточном Закавказьѣ, толкавшая грузинских меньшевиков на поиски средней линіи между турецкой и російской ориентаціями, отрѣзывала в то же время Баку от Закавказья.

Как большевики прервали механически связь Россіи с Закавказьем и тѣм сдѣлали отдѣленіе его психологически неизбѣжным, так же точно турки с мусульманами, уничтожив желѣзнодорожную связь между Тифлисом и Баку, создали внутреннюю пропасть между этими двумя важнѣйшими центрами Закавказья.

С марта 1918-го года в Баку установилась совѣтская власть с націонализацией промышленности, городской недвижимой собственности, банков, торговли и всего прочаго. И тогда как закавказскій Сейм постепенно самоопредѣлялся в направленіи турецко-германской ориентаціи, бакинскій совѣт народных комиссаров самоопредѣлялся в направленіи московско-большевистском. Баку отдѣлился от Закавказской республики, лишив ея нефти и связанных с нею финасовых перспектив.

И Закавказская республика открыла военныя дѣйствія против Баку. Мусульманскій національный совѣт отправил свой корпус для завоеванія столицы нефти, будущей столицы Азербейджана. Эта экспедиція никогда не была санкціонирована Сеймом и, как таковая, представляла первый сепаратный акт азербейджанцев. Формально, Закавказье еще составляло часть Россіи, и экспедиція мусульманскаго корпуса могла рассматриваться как карательная экспедиція против банды большевиков. Но фактически это было исключительно дѣлом мусульман, которому грузинскіе меньшевики сочувствовали, ибо Баку ускользал из-под их власти.

Мусульмане не имѣли удачи. Всѣ их атаки были отбиты, и бакинскія войска отогнали татар до станціи Кюрдамир, Закавказской желѣзной дороги, болѣе 100 верст западнѣ Баку.

Отказавшись от защиты южных границ Закавказья против Тур-

ци, часть закавказской арміи, мусульманскій корпус, сражалась под Баку с русско-армянскими частями, находившимися под руководством большевиков. Затѣм в іюнь, к татарам пришли на помощь регулярныя турецкія войска и дагестанскій полк Горской республики. К бакинцам же на помощь пришел из Персіи русскій отряд Бичерахова, сражавшійся под трехцвѣтным россійским флагом. В іюль большевистская власть в Баку была свергнута, но бои все продолжались. В августѣ на помощь бакинцам пришли из Персіи англичане. И в то время, как на западѣ союзныя войска начали побѣждать германскую коалицію, в Баку, вокруг русскаго и англійскаго флагов нѣсколько тысяч русских, армян и англичан отстаивали союзническую идею от натиска 50-ти тысяч турок, азербейджанцев и горцев. Но отрѣзанные от міра, без злѣба, без воды (водопровод был перерѣзан турками), послѣ шестимѣсячной осады, бакинцы были побѣждены 25-го сентября. Штурм окончился трехдневной рѣзней армян, в которой погибло до 20-ти тысяч армян (мужчин, женщин и дѣтей). За штурмовавшей колонной, вмѣстѣ с турецким командующим Нури-пашей (братом Энвера), в город вѣхало впервые азербейджанское правительство под предсѣдательством Хана-Хойскаго, с конвоем отряда Горской республики, во главѣ правительства которой стоял бывший офицер конвола Его Величества Тапа Чермоев, впоследствии предсѣдатель горской делегации в Парижѣ.

17-го ноября, послѣ общеевропейскаго перемирія, в Баку вступили с моря русскія и англійскія войска под командой генералов Бичерахова и Томсона. Турки были прогнаны, Нури-паша — арестован и предан суду; но азербейджанское правительство осталось. Ему, впоследствии, при помощи англичан, удалось удалить из Баку остатки русских войск и подчинить себѣ бывших защитников города, сражавшихся против турок под союзными знаменами.

Так осуществлялись в россійском городѣ Баку 14 принципов президента Вудро Вильсона. Но вернемся ко временам закавказскаго Сейма.

Большевистскій переворот в Баку в мартѣ оказался послѣдним ударом по слабой спайкѣ народов Закавказья.

Мусульманскіе депутаты в Сеймѣ обвиняли партію дашнакцутюн и вообще всѣх армян в связи с большевиками. В то же время армяне всѣх политических теченій, на основаніи бакинскаго примѣра, стали склоняться к мысли, будто большевизм идет к настроеніям “единой Россіи”. Они думали, что, быть может, большевики сыграют в Россіи роль санкюлотов Французской революціи, побѣдивших весь мір. А так как в этот момент, по ходу Трапезундской конференціи, судьба армянскаго народа казалась им безнадежной, они, как утопающій хватается за соломинку, стали смотрѣть на большевиков с нѣкоторой надеждой. Так что упреки мусульман по их адресу не были лишены кое-какого основанія. И это обострило и без того острыя отношенія между татарами и армянами.

Грузинскіе меньшевики, боявшіеся Турціи не меньше, чѣм большевиков, увидя, что мусульмане предадут их туркам, прекратили по-

пытки сближенія с ними и стали думать об оборонѣ Закавказья вмѣстѣ с армянами, предоставив послѣдним защищать всю границу от Батумской области на восток и взявши на себя границу Батумской области. Русскій же корпус держали под подозрѣніем, полагая, что русскіе должны быть или большевиками, или имперіалистами-реакціонерами.

Вышнее положеніе Закавказской республики к концу марта было таково: на западѣ грузины постепенно, но вѣрно, теряли Батумскую область; на югѣ — армяне и русскіе теряли Карскую область; на востокѣ мусульмане, потерявъ Баку, тщетно пытались завоевать его силой оружія, а в Трапезундѣ турки вмѣстѣ с нѣмцами дѣлали с увѣренностью и безошибочно “свое дѣло” с делегацией закавказскаго Сейма.

Правительство получило 28-го марта от делегации из Трапезунда телеграмму об ультимативном требованіи Блистательной Порты признать в 48-часовой срок Брестскій договор, объявить независимость Закавказья и затѣм продолжать переговоры о заключеніи “дружбы” с Турціей и ея союзниками.

Вечером 31-го марта состоялось “историческое” засѣданіе Сейма, на котором было *единогласно* постановлено отозвать делегацию из Трапезунда и поручить организацию обороны “совѣту трех”, облеченному неограниченными полномочіями. В состав совѣта вошли два грузина и один армянин — Гегечкори, Рамишвили и Карчикян. Мусульмане поняли это обстоятельство как выраженіе им недовѣрія, что соответствовало дѣйствительности, и приняли его как вызов.

На слѣдующій день, 1-го апрѣля, пал Батум.

Пало и правительство Гегечкори, составилось новое, под предсѣдательством Чхенкели, продолжавшее считать себя правительством *независимаго* Закавказья, охраняющим в предѣлах своей демократической, свободной, федеративной республики завоеванія російской революціи...

Но быстро, в теченіе каких-нибудь двух недѣль, все Закавказье, за исключеніем Грузіи и Баку, оказалось в турецких руках.

Теперь для всѣх должно было сдѣлаться ясным, кому нужно было провозглашеніе независимости Закавказья. На этом должны были строиться дальнѣйшіе фазисы *германскаго* плана войны и владычества Германіи на Востокѣ послѣ войны.

Весь мір говорил о самоопредѣленіи народов, и закавказскіе народы нужно было поставить теперь в такія условія, чтобы они свободно и всенародно призвали к себѣ Германію, которая пришла бы не в качествѣ завоевательницы, а в качествѣ друга, избавителя, неся гарантію прав и европейской культуры.

Начальник штаба главнокомандующаго доносил закавказскому правительству, на основаніи доклада командира корпуса, ген. Габаева, от 4-го апрѣля, что в Батум вошло “регулярных турецких войск не больше пятнадцати рот. В Батум прибыло много техников, *преимущественно, пѣльцы*”.

Как только была объявлена независимость Закавказья, германскіе инженеры, терпѣливо ожидавшіе этого дня в Трапезундѣ и быв-

ше там до 1-го апрѣля в непрерывных сношеніях с делегаціей закавказскаго Сейма, немедленно пріѣхали в Тифлис и затѣм — в Чиа-туры (Кутаисской губ.), в мѣстонахождение марганцевых рудников.

Мусульманскіе члены закавказской делегаціи открыто показывали свое подчиненіе туркам. Бывали случаи, когда при обсужденіи нѣкоторых вопросов внутри самой делегаціи член ея, татарин Гаджинскій, говорил, что он не может высказать своего мнѣнія, так как он не успѣлъ еще поговорить по этому поводу с турецким представителем Халил-беем.

Видя такое поведеніе мусульман, грузины начали готовить в тайнѣ мѣры защиты своих сепаратных, грузинских, интересов. Нам неизвѣстно, когда они заключили с Германіей по этому поводу договор. Но уже в теченіе мая мѣсяца во дворѣ зданія шведскаго Краснаго Креста в Тифлисѣ собирались германскіе военноплѣнные, из них формировались мелкія части, производившія военныя упражненія.

И 25-го мая, по всѣм границам Грузіи, на перекрестках дорог и у мостов, неожиданно для всѣх, оказались германскіе пикеты с ружьями, знаменами и под командой германских офицеров.

Турки, продвигавшіеся с юга в предѣлы Грузіи, вдруг наткнулись на германскіе штыки и на германскіе флаги и должны были остановиться.

В тот же день, 25-го мая, в засѣданіи закавказскаго Сейма представитель меньшевиков, от имени грузин, заявил, что, в виду измѣнническаго поведенія мусульман, грузины вынуждены заботиться о себѣ самп. Поэтому они коллективно складывают с себя полномочія членов Сейма, считая, что Сейм не должен болѣе существовать.

Сейм распался, и Закавказская республика, живой труп со дня объявленія своей независимости, отошла в вѣчность.

Вмѣсто нея, образовались три республики — Грузинская, Азербейджанская и Армянская, первая — под протекторатом Германіи, вторая — под покровительством Турціи и третья, оккупированная Турціей.

Ю. СЕМЕНОВ.

АТОМНАЯ БОМБА

Новое оружие задумано совѣм недавно: первый заказ на атомную бомбу был сдѣлан перед Пэрл-Харбором в концѣ ноября 1941 года. Осуществлено оно 3 $\frac{1}{2}$ года спустя (июль 1945 г.), а примѣнено было лишь дважды. Оба примѣненія атомной бомбы имѣли мѣсто в аналогичных условіях разрыв бомбы сброшенной с самолета на значительной высотѣ. Загадочно лишь то, что опубликованныя цифры потерь при первом ея примѣненіи (Хирошима) почти вдвое превышают таковыя же при вторичном примѣненіи (Нагасаки). Результаты дальнѣйших опытов (Бикини и др.), когда атомная бомба была использована в совершенно иных условіях — взрыв на поверхности и под водой — никогда опубликованы не были. Все, что извѣстно по этому поводу, ограничивается репортажами не специалистов, носившими скорѣе характер сенсациі, чѣм реальной оцѣнки результатов, достигнутых в Бикини.

Таким образом твердых данных для сужденія объ эффективности и возможностях примѣненія атомной бомбы весьма мало, а имѣющіяся несомнѣнно устарѣли (август 1945 года). Трудно, однако, предположить, чтобы за три с половиной года, истекших со времени перваго примѣненія атомной бомбы, техника ея изготовленія не шагнула вперед. Не вдаваясь в технические детали, нужно отмѣтить, что самый принцип ея дѣйствія не составляет тайны. Разложеніе атома лабораторным путем было извѣстно задолго до появления атомной бомбы. Весь секретъ лишь въ технику ея изготовленія. И раз Соед. Штатам с их наиболѣе развитой в мѣрѣ техникой потребовалось 3 $\frac{1}{2}$ года для изготовленія бомбы, вряд ли можно считать, чтобы за тѣ 3 $\frac{1}{2}$ года, которые истекли со времени ея появления, другим государствам уже удалось наладить ея изготовленіе. Опыт Германіи с ея развитой техникой, за все время 2-ой міровой войны не сумѣвшей изготовить атомной бомбы, убѣдителен. Конечно, работа в этом направленіи идет во всѣх технически развитых странах міра. Однако, болѣе чѣм вѣроятно, что САСШ обладают и сейчас монополіей в смыслѣ возможности использованія атомных бомб. И, если бы даже допустить, что бомбы уже имѣются и в других странах, первенство САСШ во времени дает им такія преимущества, что новое оружие по справедливости можно считать главным козырем военного аппарата Америки.

Однако, практически, с военной точки зрѣнія, для рѣшенія вопроса о возможной роли атомной бомбы в будущем вооруженном конфликтѣ недостаточно одних лишь технических данных. Не менѣе существенны вопросы о возможности ея использованія в смыслѣ измѣ-

ненія пріемов веденія вооруженной борьбы. Крім того, и чисто-технічески, безспорно, что взрыв атомной бомбы на поверхности дает большій эффект, чѣм ея разрыв в воздухѣ над цѣлью пораженія, как это имѣло мѣсто при пораженіи японских городов в 1945 году.

Всякое новое достиженіе техники в военном дѣлѣ всегда склонно вызывать в средѣ широкой публики преувеличенное представленіе о его возможностях. Правда, изобрѣтеніе атомной бомбы значительно превосходит все, что до сих пор дала военная техника. Ея появленіе нельзя сравнить с изобрѣтеніем пулемета, танка или подводной лодки. Развѣ только использование воздушных сил для веденія войны можно считать этапом в развитіи военной техники нѣсколько приближающимся по своему значенію к изобрѣтенію атомной бомбы. Но завоеваніе авіаціей рѣшающей роли в веденіи войны потребовало десятилѣтій со времени появленія перваго боевого самолета. Атомная же бомба даже на первом этапѣ ея примѣненія совершенно измѣнила наши представленія о возможных масштабах разрушеній. К тому же возможность ея использования именно авіаціей, т. е. наиболѣе мощной отраслью современных вооруженных сил, еще повышает удѣльный вѣс этого средства нападенія. В то же время ея "портативность" (ничтожные по сравненію с авіаціонными бомбами вѣс и размѣры) допускают и другіе пріемы ея использования: и помимо воздушнаго флота; а также при посредствѣ ракетных снарядов, этих будущих наслѣдников воздушнаго флота. Опыты в Бикини кое-что в этом отношеніи уже показали. Конечно, степень эффективности атомной бомбы при использовании ея помимо переброски воздушным флотом — величина, пока, совершенно неизвѣстная. Но изучается и она.

С другой стороны лихорадочно разрабатывается вопрос и об увеличеніи радіуса дѣйствія атомной бомбы путем опытов по метанію ея при помощи ракет. Изобрѣтенные нѣмцами ракетные снаряды ("Фау 2" или "V 2"), к концу 2-ой міровой войны были еще в стадіи совершенно примитивной. Но с тѣх пор опыты в этом отношеніи ведутся и в САСШ и в СССР (а, вѣроятно, и в других странах). При этом всюду используется нѣмецкій техническій персонал, впервые начавшій разработку этого новаго пріема переброски снарядов. Во всяком случаѣ, и по отзывам печати, и по опыту японских бомбардировок можно полагать, что использование атомной бомбы путем ея переброски не только при посредствѣ самолета, а в будущем и при помощи ракеты, находится уже в стадіи реальных достиженій.

Из всего этого вытекает, что использование атомной бомбы для пораженія глубоких тылов противника и его индустріальной базы вѣроятно. Роль атомной бомбы, как средства дальняго боя, вряд ли кѣм-нибудь может сейчас оспариваться. Вопрос лишь в том, можно-ли считать, что эффективность атомной бомбы настолько подавляюща, что ея примѣненіе, как оружія дальняго боя, способно оказать быстрое и рѣшающее вліяніе на исход войны. Конечно, наивно полагать, что разрушеніе Москвы или Нью-Йорка, каков бы ни был моральный эффект подобной бомбардировки, может считаться достаточным для

рѣшенія войны. Тут встает основной вопрос о площади пораженія атомными бомбами, т. е. о размѣрах территорій, подвергающихся бомбардировкѣ, а наряду с ним и о дистанціях переброски. В ракетной стадіи атомной войны этот второй вопрос отпадает, но в нынѣшней, авіаціонной ея стадіи этот вопрос — воздушных баз, с одной стороны, и авіаносцев и нужных им морских баз с другой.

Теоретически, разрушеніе военного потенціала страны (ея военно-промышленной базы) путем пораженія атомными бомбами, въ сущности не встрѣчает возраженій. Вопрос лишь в наличіи соответствующих воздушных и морских баз и потребнаго количества атомных бомб. Подсчитав число объектов пораженія, их размѣры и дистанціи до них, легко опредѣлить величину "X", т. е. количество потребных атомных бомб. Но практически рѣшеніе этого вопроса сложнѣе. В масштабах, миниатюрных по сравненію с мировыми, территорій Европы эта задача не встрѣчает непреодолимых затрудненій. Но трудно сказать, насколько рѣшеніе этой задачи осуществимо при столкновеніи мировых имперій. Вѣдь атомная бомба — не ручная граната, суточная выработка которой, при мало-мальски развитой военной промышленности, практически не ограничена.

Чѣм обширнѣй территорія и чѣм разсредоточеннѣе военно-промышленная база страны, чѣм дальше отстоят исходныя воздушныя и морскія базы, тѣм задача сложнѣе. Но и в наиболѣе сложных условіях масштабы разрушеній атомных бомб и их моральный эффект дают основанія предполагать, что даже и частичное рѣшеніе может привести к быстрой развязкѣ: к отказу противника от веденія дальнѣйшей борьбы.

В будущей ракетной стадіи веденія атомной войны атомная бомба, как рѣшающее оружіе дальняго боя представляется идеальным рѣшеніем для замѣны затяжной войны — скоротечной. В нынѣшней, авіаціонной стадіи вопрос значительно осложняется необходимостью наличія нужнаго числа воздушных и морских исходных баз. Этот же вопрос связан с классическим приѣмом веденія вооруженной борьбы, — захватом нужных территорій, на что атомная бомба, по самому своему существу, конечно, неспособна. Центр тяжести рѣшенія вопроса лежит, слѣдовательно, в развитіи ракетной переброски атомных бомб. Лишь этим путем атомная бомба, как рѣшающее оружіе дальняго боя, способна самостоятельно привести к пораженію противника, не будучи в зависимости от приѣмов предъатомной, т. е. классической войны, объектом которой практически является захват территорій.

Еще труднѣе сказать, не располагая для этого нужными данными, какова сможет быть роль атомной бомбы, как оружія ближняго (стратегически, конечно, а не тактически) боя, т. е. в условіях ея примѣненія на самых театрах военных дѣйствій.

Недооцѣнка каждаго новаго средства веденія войны военными профессионалами настолько же типична, как и переоцѣнка каждаго новаго оружія в кругах широкой публики и среди диллетантов военного дѣла. Военная исторія дает не мало примѣров подобной недо-

оцінки; особливо с тѣх пор, как роль техники в военном дѣлѣ стала все болѣе и болѣе рѣшающей. И пулемет, и танк, и авіація должны были преодолѣть не мало треній именно со стороны того высшаго команднаго состава, который, казалось бы, должен был играть ведущую роль в признаніи новых средств борьбы. Желаніе начать каждую новую войну, базируясь на опытѣ предыдущей, стоило больше поражений и потерь, чѣм всѣ остальные ошибки в веденіи войн, вмѣстѣ взятая. Так, танк, бывшій откровеніем 1-ой міровой войны, получил свое признаніе только послѣ начала 2-ой и стал общепризнанным основным оружіем боя лишь в період своего “одряхлѣнія”, когда развитие авіаціи уже опередило рост танка. Точно так же, ружейный и пулеметный огонь считались в свое время основой обороны, несмотря на наличіе танка.

Сейчас в военных кругах вновь слышатся тѣ-же отголоски. Только на этот раз это реминисценціи, не 1-ой, а 2-ой міровой войны. Никто не отрицает, что не только танк, но и пѣхота и даже штыковой бой могут сыграть свою роль в нашу эпоху. Но никак нельзя ставить их во “главу угла”, — уже “на этапѣ” атомной бомбы.

Конечно, примѣненіе атомной бомбы, скажем для примѣра в окопной войнѣ, вряд ли мыслится и наиболѣе рьяными энтузіастами. Вряд ли вообще возможно ея примѣненіе на территоріях, могущих вскорѣ послѣ того быть занятыми своими войсками. Длительность послѣдствій, слѣдующих за разрывом, как будто исключает эту возможность. Примѣненіе бомбы, как оружія ближняго (стратегически) боя вѣроятно возможно в нѣсколько ином планѣ: в смыслѣ разрушенія военных тылов и узлов путей сообщенія арміи противника.

Опять-таки расцѣпка подобнаго рода операцій очень различна. Опыт 2-ой міровой войны все еще истолковывается по разному. Масивныя бомбардировки германских городов, центров промышленности и желѣзнодорожных узлов, не учитывая даже моральнаго эффекта подобнаго рода налетов на мирное населеніе, безспорно были одной из рѣшающих причин конечнаго пораженія Германіи, если только не главной его причиной... Сейчас общеизвѣстна та роль, которую сыграло отсутствіе бензина в германской арміи и авіаціи и послѣдній 1944 год опять-таки показал, что рѣшающую роль в успѣхѣ сыграла союзная авіація, совершенно парализовавшая маневренную способность германской арміи.

Рѣшающая роль авіаціи в исходѣ 2-ой міровой войны, однако, еще и сейчас не является общепризнанной. Все еще повторяются “старыя погудки на новый лад” о пѣхотѣ — царицѣ полей сражений, о рѣшающей роли артиллеріи и т. д. Не умаляя роли пѣхоты и особенно помятуя о ея жертвенной роли (а в современных условіях войны, можно даже сказать ея обреченности!), все-же сейчас вести войну, базируясь на сухопутную армію, было бы неэкономным и самым расточительным видом вооруженной борьбы. Опыт восточнаго фронта во 2-ую Міровую войну слишком в этом отношеніи убѣдителен.

Атомная бомба утысачеряет возможности авіаціи. И этот коэффи-

циент с развитием атомной бомбы непрерывно растет. Так что и как средство ближнего (стратегического) боя, атомная бомба имеет все шансы на то, чтобы изменить характер классической сухопутной войны по овладению территорией и захвату исходных воздушных и морских баз.

Остается вопрос защиты от атомных бомб. Конечно, сама по себе бесспорна в анналах военной истории истина, что всякое новое средство нападения автоматически вызывает появление "противоядия", т. е. средства защиты (артиллерия и броня и т. д.). Но тот же опыт военной истории учит, что появление средств защиты неизменно отстает на несколько лет от появления средств нападения. Танк появился в 1-ую Мировую войну, но противотанковая оборона стала действительной лишь к концу 2-ой, а противовоздушная оборона до сих пор еще в младенческой стадии по сравнению с авиацией.

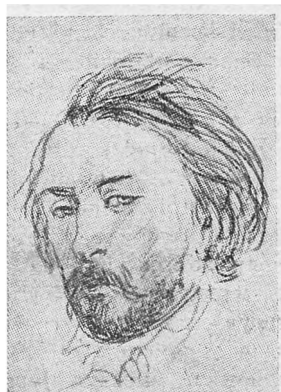
Теоретически защитой от атомных бомб являются: 1) убежища на большой глубине, 2) разредоточение вероятных объектов нападения и, может быть, 3) поражение бомбовозов-носителей атомных бомб до их появления над целью. Но все эти средства защиты пока еще в стадии чистой теории. Единственное надежное средство защиты от атомной бомбы, пока что, страх репрессий, т. е. ответного поражения атомными бомбами жизненных центров "агрессора". Этот принцип уже блестяще себя оправдал за время 2-ой Мировой войны: из боязни репрессий ни одна из сторон не рискнула прибегнуть к химической войне, несмотря на ту роль, которую газы сыграли даже в зачаточной стадии развития химической войны к концу 1-ой мировой катастрофы.

Естественно лишь, что для подобного рода защиты необходимо наличие атомных бомб и у той стороны, которая рискует подвергнуться нападению. А отсюда невольно напрашивается вывод, что в эпоху атомной войны наличие атомной бомбы дает державу, ею обладающей, преимущества рвущаяся.

А. Зайцов.

ПОЛОНСКІЙ

(К 50-лѣтію со дня смерти: 30 октября 1898 г.)

Яков Петрович ПОЛОНСКІЙ.
в годы его пребыванія на Кавказѣ (40-ые гг. XIX вѣка).
Портрет карандашом раб. А. Бейдемана.

Что помнит русскій читатель из произведеній Полонскаго?

Поэму «Кузнечик-Музыкант». Два-три дѣтских стихотворенія: «Ночью в колыбель младенца» и «Бѣда-Проповѣдник» («Аминь! — ему грянули камни в отвѣтъ»). Два-три романа: «Мой костер в туманѣ свѣтит»; «Отчего я люблю тебя, тихая ночь»; и «Молись, кунак» (часто не знают, что и эти послѣднія слова принадлежат Полонскому). Наконец, почти всѣ помнят знаменитыя «политическія» восемь строк. в наши дни звучащія так, как они никогда еще не звучали:

Писатель, — если только он
Волна, а океан — Россія,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихія.

Писатель, — если только он
Есть нерв великаго народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

50-лѣтіе со дня смерти Полонскаго ничѣм не было ознаменовано ни в совѣтской Россіи, ни в эмиграціи. Большевики не

любят Полонскаго, и любить им его не за что. Правда, в «гитлеровскій» період совѣтской исторіи (1933—1939 г. г.), когда шла психологическая «подготовка» русскаго народа к возможной войнѣ, совѣтское начальство вдруг полюбило русскую исторію и русскую литературу и стало заказывать писателям, уцѣлѣвшим от былых, культурных времен, тщательныя историко-литературныя зданія классиков; — тогда, в 1937 году, был напечатан однотомником и Полонскій. Но в этот однотомник вошла, напримѣр, длиннѣйшая и скучная поэма «Братья», потому только, что там изображено римское возстаніе против папы, — и не вошли такія замѣчательныя вещи, как «Вѣсть, что люди стали мучить Бога» и, в особенности, «Божья риза»: там упоминалось о Богѣ!

Ткань природы міровая, —
Риза... Божья, может быть,
В этой ризѣ я — живая,
Я — непорванная нить...
Нить идет, трепещет, бьется,
И уж если оборвется, —
Никакіе мудрецы
Не сплетут ея концы.

Біеніе «непорванной нити» всегда чувствуется у Полонскаго, хотя и запутывался, временами, его стих в нескладные узелки. Тогда казалось, что в неловкостях именно и скрыто очарованіе! Да, шероховато; да, незаконченно, — но сколько жизненной, непринужденной прелести! Вѣчный друг и вѣчный соперник Полонскаго, Майков, удачно выразил это, посвятив Полонскому стихотворный рассказ об итальянкѣ-натурщицѣ Маріэттѣ. Натурщица походила на Мадонну; художники ею восторгались; но когда ее показали заѣзжему педанту-цѣнителю —

Он же вдруг, да с озлобленьем:
«Три веснушки на вискѣ!»

Муза Полонскаго часто на таких поэтических «веснушках» и выѣзжала. Зато рядом с нею муза Майкова с ея безусловно-правильными чертами лица казалась безжизненной. Рѣдко касался Полонскій тем классической древности, зато когда касался — двѣ три чудесных подробности, влитое в стихи чувство — и все оживало. За одну «Аспазію» Полонскаго можно отдать всѣ античныя поэмы Майкова, с мраморными дворцами и блистательными пирами, гдѣ мудрствует, умирая — и все еще кому-то подражая — Сенека.

Я выпишу «Аспазію» цѣликом, — как дальше приведу еще нѣсколько стихотвореній Полонскаго: у многих-ли в эмиграціи под руками его стихи? Кто их забыл, кто никогда не знал, кто рад будет их перечесть... А нѣтъ — перевернут страницу.

У А С П А З І И.

Г о с т ь

Чтоб это значило? вижу, сегодня ты
Дом свой, как храм убрала:
Между колонн занавѣсы приподняты,
Благоухает смола.
Цитра настроена; свитки разбросаны;
У посыпающих пол
Смуглых рабынь твоих косы расчесаны,
Ставят амфоры на стол.
Ты же, блѣдна, словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей...

А с п а з і я

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозных галлерей.
Шум ея замер, — и это молчаніе
В полдень так странно, что вновь
Сердце мнѣ мучит тоска ожиданія,
Радость, тревога, любовь.
Буйных Афин тишину изучил я:
Это Перикл говорит.
Если блѣдна и молчит его милая, —
Значит, весь город молчит!
Чу! шум на площади, — рукоплесканія, —
Друга вѣнчает народ, —
Но и в лавровом вѣнкѣ из собранія
Он к этой двери придет!

Первый, кто поставил — прямо и не колеблясь — Полонскаго как поэта выше Майкова, был Тургенев. Но первый, кто пришел в восторг вообще от стихов Полонскаго, был Гоголь. Гоголь вписал в свою заветную тетрадку самых любимых стихотвореній одну из первых же вещей Полонскаго:

Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моих дверей.
Смѣлѣй глядит мнѣ прямо в очи
Глубокій мрак ея очей.
Над ухом шепчет голос нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ в лицо
Ея волос — моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.
Помедли, ноч! густою тьмою
Покрой волшебный мір любви!

Ты, время, дряхлою рукою
 Свои часы останови!
 Но покачнулись тѣни ночи,
 Бѣгут, шатаясь, назад.
 Ея потупленные очи
 Уже глядят и не глядят.
 В моей рукѣ рука застыла...
 Стыдливо на моей груди
 Она лицо свое сокрыла...
 О, солнце, солнце, погоди!

Бѣлинскій отнесся к ранним стихам Полонскаго сурово. Нашел, что его талант можно разсматривать «только через микроскоп: так он миниатюрен». Вѣрно, что неловкій, хрупкій, непосредственный талант Полонскаго почти всегда искалъ поэзіи в случайном, будничном, мелком. Любимая и лучшая его поэма, «Кузнечик-музыкантъ», переносит дѣйствіе в міръ крохотных наѣзжковъ, гдѣ кузнечик-маэстро как двѣ капли воды похож на неловкаго, застѣнчиваго Полонскаго.

Автобіографичность этой поэмы можно считать доказанной. Сын мелкаго провинціального чиновника, сам мелкій чиновник, потом гувернеръ в аристократических домах (у Мещерских, у Смирновой Росетти), Полонскій смолоду льнул, тянулся к придворным кругам, к знати. В бѣдной и захудалой семьѣ жило преданіе, будто бабушка Полонскаго была побочной дочерью Разумовскаго; этим почему-то гордились, и Полонскій мечтал о великосвѣтских «сильфидах», которыя его, бѣдняка, полюбят. Хладный свѣтъ неизмѣнно наносил чувствительному сердцу поэта «неотразимыя обиды». Это его не озлобило, но образумило.

Политически Полонскій всегда настроен был либерально. Чувство человѣческаго достоинства было его святыней. Подобно Тургеневу, он прежде всего — поэтъ гуманности. В исторіи русской литературы Тургенев «вышел» из поэзіи Жуковскаго: прямым и самым близким по духу продолжателем Тургенева был Полонскій.

Извѣстны стихи Полонскаго, посвященные революціонеркѣ Вѣрѣ Засулич:

Что мнѣ она! не жена, не любовница
 И не родная мнѣ дочь!
 Так отчего ж ея доля проклятая
 Спать не дает мнѣ всю ночь?
 Спать не дает оттого, что мнѣ грезится
 Молодость в душной тюрьмѣ.
 Вижу я своды... окно за рѣшеткою...
 Койку в сырой полутьмѣ.
 С койки глядят лихорадочно-знойныя
 Очи без мысли и слез.

С койки висят чуть не до полу темныя
Космы тяжелых волос.
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя к сердцу, без трепета
И без надежд впереди.
Что мнѣ она! не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь...
Так отчего ж ея образ страдальческій
Спать не дает мнѣ всю ночь?

Полонскій был, в стихах, горячим поборником и свободы печати: он в упор спрашивал у властей:

Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруем под музыку цѣпей,
Всякой мысли, выходящей из тюрьмы?

Но, увы! вмѣстѣ с Майковым и Тютчевым (под началом у Тютчева) сам Полонскій стал служить, к концу жизни, в цензурѣ... Всѣ три поэта

«Велѣнью высшему покорны,
У мысли стоя на часах...
Не арестантскій, а почетный
Держали караул при ней».

Так они увѣрили; так оно и было; и, тѣм не менѣе, в четких, волевых людях двусмысленность подобной политической позиціи вызывала естественныя насмѣшки и нареканія. Всею тяжестью своего бунтарскаго авторитета обрушился на Полонскаго, укоряя его в «вялости, безличности и в пугливости мысли», Салтыков-Щедрин. Заодно, Салтыков отрицал и принижал самый талант Полонскаго. Но это было уже явно несправедливо; и у Полонскаго нашлись в русской печати вліятельные заступники: прежде всего, Тургенев.

В письмѣ к Полонскому, утѣшая его, Тургенев писал: «На Руси... всѣ мы такіе деспоты в душѣ, что нам кажется, что мы не живем, если не бьем кого-нибудь по мордѣ». В печатной статьѣ о Полонском, Тургенев с силой и справедливостью, возстал против щедринскаго упрека в «безличности». Своеобразіе Полонскаго, дѣйствительно, быть трудно! Расхвалил Полонскаго, за своеобразіе «Кузнечика-музыканта», и Добролюбов, тоже вѣскій «лѣвый авторитет».

Пусть Полонскій не был ни волевым человѣком, ни темпераментным художником, а был — чуткою и робко-беспомощною «Эоловою арфой»; зато правдивость его откликов на русскую жизнь и подлинная реальность их изумительны.

Позднѣ Фет (уже из праваго лагеря) оригинально выразил свой восторг и преклоненіе перед Полонским. По поводу поэмы Полонскаго о вдовѣ Грибоѣдова, Фет писал Страхову: «преlestно от начала до конца! Так теперь не умѣют писать. Прогресс мѣшает».

Вот отрывок из этой замѣчательной поэмы.

Юная пружинская княжна, только что ставшая женою Грибоѣдова (по дорогѣ поэта в Тегеран, куда он был назначен посланником), внезапно узнает, что муж — «убит, убит...

Что труп его, кровавый труп,
Поруган был толпой,
И что скрипучая арба
Везет его домой.
Всѣ эти вѣсти в сердце мнѣ
Со всѣх сторон неслись....
Но не скрипучая арба
Ввезла его в Тифлис:
Нѣтъ, осторожно между гор,
Ущелій и стремнин,
Шесть траурных коней везли
Парадный балдахин.
Сопровождали гроб его
Лавровые вѣнки,
И пушки, жерлами назад,
И пики, и штыки.
Дымились факелы, и гул
Колес был эхом гор....
И память вѣчную о нем
Пѣл многолюдный хор.
И я пошла его встрѣчать,
И весь Тифлис со мной
К заставѣ эриванской шел
Растроганной толпой.
На кровлях плакали, когда
Без чувств упала я....
О, для чего пережила
Его любовь моя!

Полонскій шел общим путем русской поэзіи 19-го вѣка: от романтизма, через реализм, к символизму. Но Полонскому особенно хотѣлось всегда уловить, зачерпнуть стихом бѣглую, ускользающую струйку *реальности*. Его излюбленный, художественный прием — мѣшать будничное и тайну; этот же прием станет потом основным у Блока. Блок любил стихи Полонскаго и отразил на себѣ их прямое вліяніе. Ближе примыкает к Полонскому и Случевскій.

Вліяніе Полонскаго на послѣдующую русскую литературу вообще значительно; оно сильнѣе вліянія и Фета, и Майкова. Дружба Полонскаго с Гаршиным и с Чеховым общеизвѣстна. Чехова именно Полонскій, вмѣстѣ с Плещевым, «вытащил» из «Новаго Времени». Чехову Полонскій посвящал стихи, — («У двери»), Чехов отвѣчал: «благодаря вам, я в глазах публики и товарищей выросу на цѣлую сажень.

Стихами Полонскаго —

«В одной знакомой улицѣ
Я помню старый дом» —

вдохноелен совсѣм недавній превосходный разсказ И. А. Бунина.

«Бытовой провинціальный романс», — пренебрежительно писали о стихах Полонскаго совѣтскіе литературовѣды. Но говорить так — значит не понимать главной прелести стихов Полонскаго, их кровной, живой связанности с русской жизнью. Именно «простенькія» вещи часто хороши у Полонскаго: «За окном в тѣни мелькает русая головка», «Старая няня», «В новый дом».

Он никогда не боялся будничных тем, прозаических подробностей. Память о юношеской любви переплетается у него, в стихах, посвященных Чехову, с темной лѣстницей, уличными фонарями:

А тьма в окно разбитое
Вползала на чердак,
И смрад стоял на лѣстницѣ,
И шевелился мрак...

У него есть длинное стихотвореніе «Міазм» (!). В богатом, аристократическом особнякѣ Петербурга умирает ребенок, убитый болотными міазмами. Дом опостылѣл хозяевам, продается.

«И пустой стоит он. Только дождь стучится
В запертой подъѣзд.
И в окошках темных по ночам слезится
Отраженье звѣзд».

Полонскій любил так ловить звѣздный отблеск, — не в небѣ, а именно в слезящихся, темных городских окнах. Часто это не удавалось; многія вещи испорчены у него вялыми прозаизмами. Но, когда удавалось, — сила впечатлѣнія оказывалась неотразимой.

Особую группу стихотвореній Полонскаго образуют «цыганскія» его вещи. В московском университетѣ Полонскій подружился с Аполлоном Григорьевым, сверстником-студентом. Григорьев оказал на него сильнѣйшее вліяніе. «И разсудок и память и сердце губя», «Неотвязная», «Мой костер», «Подойди ко мнѣ, старушка», всѣ эти стихи Полонскаго звенят, тревожат гитарными перезвонами.

«Чѣмъ развяжется
Эта жизнь моя?
Гдѣ доскажется
Мнѣ любовь моя?»

По-цыгански переизвѣщаетъ и любимый авторомъ «Колокольчикъ» («Побранить меня некому, — милаго нѣтъ!»). «Колокольчикомъ» восхищался Достоевскій: «какіе это мучительные стихи! Господи, какъ это хорошо!»

Горькій, съ его пристрастіемъ къ драматическимъ эффектамъ, къ театральной романтикѣ, считалъ лучшими у Полонскаго стихи «Орелъ и Змѣя», часто читавшіеся на литературныхъ вечерахъ:

На горахъ, подъ мятелями,
Гдѣ лишь ели одни вѣчно зелены,
Сѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подъ елями.
И глядитъ: изъ разсѣлины
Выползаетъ змѣя, извивается —
И на темномъ гранитѣ змѣиная
Чешуя серебромъ отливается.
У орла гордый взглядъ загорается,
Заиграло, знать, сердце орлиное:
«Высоко ты, змѣя, забираешься,
Молвилъ онъ: будешь плакать, расквѣешься!»
Но змѣя ему кротко отвѣтила:
«Изъ-подъ камня горячаго
Я давно тебя въ небѣ замѣтила
И тебя полюбила, могучаго!
Не пугай меня злыми угрозами;
Нѣтъ, бери меня въ когти желѣзные,
Познакомь меня съ темными грозами
Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя»...
Засвѣтились глазки змѣиные
Тихимъ пламенемъ, по змѣиному.
Распахнулись крылья орлиныя,
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному.
Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное.
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася;
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.
Съ бурей борются крылья орлиныя;
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя...
Вдругъ — змѣя его въ сердце ужалила!
И въ очахъ у орла помутилось,
Онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный.
А змѣя уподзла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

Удачны стихи Полонскаго о Кавказѣ: они не теряют своеобразной правдивой прелести (напр., — виды Тифлиса) — даже рядом с великолѣпными Лермонтовскими и Пушкинскими картинами. Эффектно замыкается весь этот «цикл» стихами, рисующими возвращеніе поэта из-за снѣжнаго кавказскаго перевала — в родныя степи:

Все, что было обманом, измѣною,
Что лежало на мнѣ, словно цѣпь,
Все исчезло из памяти — с пѣною
Горныхъ рѣк, выбѣгающихъ в степь.

Тема возврата с юга на сѣвер — одна из частых тем у Полонскаго. С наибольшим блеском выражена она в изысканной артистической фантазіи «Хлѣдбѣющая Ночь». Ею я и закончу сплошныя, длинныя выписки:

Там, под лаврами, на югѣ,
Странник бѣдный, только ночь
Мог я взять себѣ в подруги,
Юга царственную дочь.

Боже, как она умѣла
Раны сердца врачевать!
Как она над морем пѣла!
Как умѣла вдохновлять!
Но, увы, судьбой на сѣвер
Приневоленный идти,
Я сказал подругѣ-ночи:
Ненаглядная, прости!
А она со мной разстаться
Не хотѣла, не могла.
По горам, от слез мигая,
Вслѣд за мной она текла.
То сходила на долину
С томно-блещущим челом
И задумчиво стояла
Над моим степным костром;
То со мною ночевала
Над рѣкою, у скирдов,
Вѣя тонким ароматом
Рано скошенных лугов...

То, в туманы облачаясь,
Мѣсяц прятала в кольцо;
То с одеждъ холодный иней
Отрясала мнѣ в лицо.
Чѣм я дальше шел на сѣвер,
Тѣм гналась она быстрѣй:

Раньше день перегоняла
Уходила все позднѣй...
И молила, и стонала...
И, дрожа, я молвил ей:
«Ты на сверѣ не можешь
Быть подругою моею».
И, сверкнув, у синей ночи
Помутились глаза,
И застыла на рѣсницах
Накипѣвшая слеза.

Сквозь метель, на сверѣ хладный
Я кой-как добрел домой...
Вижу, — ночь лежит в долинѣ
Под серебряной парчей,
И беззвучно мнѣ лепечет:
«Погляди, как я мертва!
Сердце глухо, очи тусклы,
Холодѣет голова.

«Но повѣрь, что если снова
Ты воротишься на юг, —
В прежнем блескѣ я возстану,
Чтоб принять тебя, мой друг!
С прежней нѣгой над тобою
Я склоню главу мою,
И тебѣ, сквозь сон, над ухом
Пѣсню райскую спою...»

Одѣньте: сколько в этой безудержной «фантазіи» разсыяно у
Полонскаго живых, неповторимых черточек именно русской при-
роды! Он всегда смѣялся над стихами и картинами, писанными
«из головы».

Спросите — гдѣ эти лилеи,
Нарциссы, лавры, купы роз,
Чинары, темныя аллеи,
И капли жемчуга и слез?
В каком-таком подлунном мире.
В Россіи или в Кашемирѣ?
Не спрашивайте! Сам поэт
Вам затруднится дать отвѣтъ...

Есть форма, но она пуста.
Красиво, но не красота.

Это не означало, что он не дѣлал «формы» или не работал
над ней. Его «домашняя» простота давалась ему не так-то просто!

Из воску или из тафты
Нетрудно смастерить цвѣты;
Но взять алмаз в корѣ, и сразу
И грань и блеск придать алмазу,
Или из мрамора изсѣчь
Огонь лица и холод плеч, —
Увы, нельзя; тут нужно время...

Много времени и труда тратил Полонскій на свои непринужденные, простые стихи...

Но подведем итоги.

С коммунистической точки зрѣнія все выходит для Полонскаго куда как плохо. Поэт расплывчатый, безыдейный, с уклонами. Зато тѣм ближе он, полу-безсознательно, к евангельскому завѣту: «обращаться в малых сих».

«С довѣрчивостью дѣтской
Себя высказывать свободно и легко».

Под старость, впрочем, это его величайшее достоинство обратилось в величайший недостаток: в болтливость. Полонскій прожил почти до 80 лѣтъ, и написал очень много слабых, плохих вещей. Брал темой «Выжатые Лимоны»... Но, хорошо отсѣянные, вещи его полновѣсны и многое у него первоклассно. Как поэт и человек — он правдив, прост, сердечен. Общая т у р г е н е в с к а я складка: маловѣр, поэт гуманности; художник, чуткій и к красотѣ и к земной радости, но в особенности — к людской боли.

По его собственному опредѣленію, поэт — «нищій»;

«И душу дѣлит пополам
С такими ж нищими, как сам».

Ив. Тхоржевскій.

ЗАБЫТЫЙ

Н. Г. РУБИНШТЕИН.

БРАТЯ НИКОЛАЙ И АНТОН РУБИНШТЕИНЫ.

1.

Начало 1881-го года вышло траурным для Россіи. В рядѣ одна за другой слѣдовавшихъ смертей — Достоевскаго (12-го февраля), Императора Александра II (1-го марта), Мусоргскаго (16-го марта) — 11-го марта 1881-го года в Парижѣ, в Гранд-Отелѣ, скончался Николай Григорьевичъ Рубинштейн.

Он умер в расцвѣтѣ сил, 46-ти лѣтъ, привезенный из Москвы уже смертельно больным (туберкулез печени).

На отпѣваніи, в церкви на Дарю, присутствовала вся русская колонія; музыканты и литераторы, среди них — Тургенев, Флобер, Віардо. П. И. Чайковскій, находившійся тогда в Ниццѣ, поспѣшил в Париж, но не застал уже друга в живых. Он поспѣл только к отпѣванію и выѣхал в Москву одновременно с тѣлом покойнаго.

Похороны Н. Г. в Москвѣ носили необычайный характер. Можно без преувеличенія сказать, что вся Москва хоронила “своего” Рубинштейна. Имя его было всероссийским; но в Москвѣ он властвовал над душами не только силой своего артистическаго таланта, а и всѣм своим обликом.

Много лѣтъ, много событій прошло с тѣх пор. И многіе-ли знают или слышали, что представляя собою этот изумительный артист, рѣдкій человек? Мнѣ кажется, большинство знает о нем лишь то, что он был братом знаменитаго піаниста Антона, и что он основал Московскую Консерваторію.

Этим и ограничиваются всѣ свѣдѣнія о Николаѣ Григорьевичѣ, как артистѣ и человекѣ.

Мои дѣтскіе и ранней юности годы прошли в Москвѣ, в кругу, близком къ Московской Консерваторіи, учеником которой был мой старшій брат Николай. В это время (от смерти Николая Григорьевича его отдѣляло уже десятилѣтіе) память о нем была не только жива, но дух его парил над всѣм консерваторским міром: традиціи, им установленныя, обычаи, им введенные, весь уклад консерваторской жизни продолжали невидимо руководиться умершим.

Мнѣ довелось близко знать этот мір. Я знал Петра и Модеста Ильичей Чайковских. Г. А. Лароша — блестящаго музыкальнаго критика, прозваннаго “музыкальным Бѣлинским” (на дочери его был женат мой брат): хорошо знал С. И. Танѣева, Н. Д. Кашкина, А. С. Аренскаго. Дружил с очень многими питомцами консерваторіи, пріобрѣтшими в послѣдствіи громкую извѣстность. Особенно близок я был с Г. А. Ларош и Модестом Чайковским.

Несмотря на разницу лѣтъ, я был очень дружен с знаменитым, в послѣдствіи, виолончелистом Анатоліем Андреевичем Брандуковым, обожавшим Рубинштейна и благоговѣнно чтившим его память. Ему довелось присутствовать при послѣдних его минутах, о которых он не мог вспомнить без слез.

Другим, близким къ Рубинштейну человекѣм был дядя моей жены — Виктор Николаевич Мамонтов, один из учредителей Русскаго Музыкальнаго Общества в Москвѣ. Он принадлежал къ числу людей, для которых музыка составляла весь смысл существованія; когда он, уже в преклонном возрастѣ, разорился — то он стал вторым хормейстером оперы Московскаго Большаго Театра.

От этих сподвижников Н. Г., от близких его друзей и молодых учеников я знал все о нем, как об основателѣ Консерваторіи, о его геніальной игрѣ и изумительном дирижерствѣ.

Шли годы. Память о нем понемногу тускнѣла, стиралась, и теперь, когда нас, стариков, осталось немного, хочется собрать воедино все о нем что уцѣлѣло в памяти.

2.

Из того немногаго, что было написано современниками о Н. Г. Рубинштейнѣ, наиболѣе цѣнно свидѣтельство къ Члвгенія Николаевича

Трубецкого, в его небольшой книжкѣ семейной хроники князей Трубецких (одна глава посвящена Н. Г.). Это свидѣтельство тѣм болѣе цѣнно, что принадлежит перу выдающагося человѣка, имѣвшаго безспорное вліяніе на русскую интеллигенцію *).

Вот каким рисует князь Николай Рубинштейна.

“...В мою память вѣззался его образ, как олицетвореніе служенія прекрасному. Когда я, в юности, впервые познакомился с “Моцартом и Сальери” Пушкина, Рубинштейн всегда олицетворял для меня образ Моцарта. Но это было вѣрно только отчасти. С Пушкинским Моцартом его сближали двѣ черты. Это бы, во-первых, человѣкъ, беззаветно преданный своему искусству, все ему отдававшій и в нем горѣвшій, покуда он и не сторѣл до конца; во-вторых, внѣ своего служенія красотѣ, это был “гуляка праздный”, тот подлинный жрец искусства, который, в свободное от занятій время, не облачается в мантию жреца, не принимает торжественной позы, а “гуляет” во всю свою широкую натуру. Я помню его всегда простым, ясным и веселым, безконечно жизнерадостным и остроумным, душой того общества, которое он посѣщал”.

Эпоху, в которую жил и творил Николай Рубинштейн, можно было бы назвать эпохой романтизма в исполнительном искусствѣ. Ему были присущи характерныя черты романтизма — страстный порыв и мечтательность, “опьянѣніе радостью и уход к потустороннее”, которыми так характеризует игру Н. Рубинштейна кн. Евгений Трубецкой. В самом дѣлѣ, развѣ не романтиками были Лист и Клара Шуман, Николай и Антон Рубинштейны, К. Ю. Давидов, Генрих и Иосиф Венявскіе? И романтиками не только на эстрадѣ но и в жизни, очаровательной, бездомной, кочующей жизни, той *grande boheme*, конец которой, по словам Антона Рубинштейна, означал бы и конец самого искусства.

Николай Григорьевич был наименѣ “кочующим” из всѣх музыкантов. Он на всю жизнь был связан с Москвой, из которой рѣдко выѣзжал, но всѣм образом своей жизни — одинокой, широкой, разгульной, — всѣм существом он принадлежал к этой *grande boheme*, “Чувства у Рубинштейна, — продолжает кн. Евгений Николаевич, — были сильныя и страстныя. В его жизни всегда чувствовался тот бурный темперамент, который так увлекал в его игрѣ. Кутить — так кутить, любить — так любить, а служить — так служить. Он был весь в этом порывѣ, которому отдавался. Знал и бурное веселье. и бурныя страсти. В него без конца влюблялись, из-за него стрѣлялись, о его многочисленных романах говорила вся Москва”.

*) Семья Трубецких в 4-х поколѣніях увлекалась музыкой. Отец Евгения Трубецкого — князь Николай Петрович Трубецкой, один из ближайших друзей Рубинштейна — был его страстным поклонником. В подмосковном имѣніи Трубецких «Ахтыркѣ», собирались выдающиеся музыкальные дѣтели, композиторы, артисты. Там процвѣтала камерная музыка — квартеты, трио; все это одушевлялось Рубинштейном, знаменитым скрипачем Ф. Лауб, виолончелистом Фитценгаген и другими. А правнучка Николая Трубецкого, княжна М. В. Трубецкая, — многообѣщающа молодая пѣвица, обладательница прекраснаго голоса, — нынѣ в Италіи.

Но чего не знал Евгений Трубецкой и о чем догадывались немногие, что избалованный успѣхом Рубинштейн был неудачником в любви и хранил в своем сердцѣ тайну нераздѣленной, глубокой страсти.

3.

Продолжаем цитировать кн. Евгенія Трубецкого: "он был настоящим безсеребрянникъ, не знавшій цѣны деньгам, сорившій ими, а, вмѣстѣ с тѣм, необычайно добрый человекъ, который был не в состояніи в чем-либо отказать лицам, нуждавшимся в его помощи. Он много и часто кутил, но так же много раздавал другим. Я знаю случаи, когда, не имѣя денег, он отдал бѣдному ученику консерваторіи, гдѣ был директором, свою шубу" **). Он благотворительствовал широко и в общественной жизни. В період русско-турецкой войны он дал по Россіи тридцать концертов, весь сбор с которых пожертвовал Красному Кресту. "Это была не холодная благотворительность, а горячность сердца", — говорит Трубецкой.

Эта богема, кутила, страстный игрок, мог быть настоящим подвижником и аскетом, когда уходил в любимое искусство. Он мог работать дни и ночи, жить в скромной консерваторской квартирѣ, которую пять лѣтъ дѣлили с Петром Ильичем Чайковским, столуясь у консерваторскаго товарища, К. К. Альбрехта.

Кипучая дѣятельность этого администратора, піаниста, дирижера и педагога была направлена всецѣло на увеличеніе доходов консерваторіи, им созданной и руководимой. Кн. Евгений Трубецкой говорит дальше о нем: "...Славою Николай Григорьевич пренебрегал и дал тому разительныя доказательства. Сила его таланта была такова, что слава его могла бы наполнить весь мір, если бы только он этого хотѣл. Вмѣсто того, в отличіе от своего брата Антона, который гастролировал по всей Россіи, Европѣ и Америкѣ и приобрѣл громкую всемірную извѣстность, Николай Григорьевич почти не выѣзжал из Москвы, и только в видѣ исключенія, ежегодно давал один концерт в Петербургѣ. С Москвой его связывало любимое дѣло. Московская Консерваторія, гдѣ он был директором, и Музыкальное Общество, коего он был душой". Из-за этого он отказывался от гастролей, по той же причинѣ этот безсеребрянник, который мог бы заработать огромное богатство концертами, часто оставался без гроша.

На этой почвѣ однажды произошел трогательный эпизод, обнаружившій всю силу любви, которую он внушал.

Привычка сорить деньгами и раздавать их направо и налево вовлекала его в неоплатные долги. Перед ним стояла дилемма: или бросить любимое дѣло, которое без него если не погибло бы, то сильно пострадало бы, и ѣхать гастролировать ради уплаты долгов, либо попасть в долговое отдѣленіе, куда сажали несостоятельных. Но Москва во-время узнала о грозившей ему опасности и сумѣла спасти своего

**) Тот ученикъ, о котором говорит кн. Евг. Ник. — был Анатолій Брандуков; я лично слышал об этом от Брандукова.

любимца. Друзья и поклонники Рубинштейна собрали необходимую для уплаты долгов сумму, на которую приобрели у ювелира очень ценное кольцо, под условием, что ювелир примет кольцо обратно и вернет уплаченную за него сумму. Кольцо было поднесено Рубинштейну на его концертъ, а Рубинштейн, вернув кольцо ювелиру, уплатил свои долги.

4.

Николай Григорьевич Рубинштейн родился в 1835-ом году. Он, как и брат его, обнаружил уже в дѣтствѣ блестящія музыкальныя способности. При этом он имѣлъ влеченіе не только к игрѣ на роялѣ, но и к композиціи. Однако, в этой области он не проявил своего генія, быть может, оттого, что у него не было времени, настолько он был поглощен своим дѣтищем — консерваторіей. Извѣстен лишь один альбом его сочиненій, изданный Юргенсоном. В него вошли мазурки, болеро, гарантелла, вальсы и полонез. Наибольшей извѣстностью пользуется его блестящій *Valse de Concert*.

Первоначальное музыкальное образованіе Н. Г. получил от своей матери — Калеріи Христофоровны. Когда семья Рубинштейнов переехала в Берлин, он занимался на роялѣ у Кулака, а по теоріи — у знаменитаго Дена, учителя Глинки.

Когда позднѣе в Петербургъ старшій брат, Антон Григорьевич Рубинштейн, свершил свой незабвенный культурный подвиг — основаніе Русскаго Музыкальнаго Общества и Консерваторіи, он нашел, в лицѣ младшаго брата, достойнаго сподвижника и энтузіаста.

В 1860-ом году Николай Григорьевич переехал в Москву и основал там отдѣленіе Музыкальнаго Общества и музыкальныя классы, в 1866-ом году преобразованныя в Консерваторію, во главѣ которой он стал и с которой больше не разставался.

Он сумѣлъ привлечь туда выдающіяся педагогическія силы: Фердинанда Лауб, Коссмана, Фитценгагена и др., которые помогли ему завоевать новому учрежденію огромный авторитет. С поразительным чутьем угадывал он педагогическія способности в людях, как-будто не имѣвших для этого данных. Так, он пригласил в качествѣ профессора по классу рояля — Н. А. Звѣрева, разорившагося помѣщика и большого русскаго барина, оказавшагося гениальным педагогом: в числѣ учеников Звѣрева с гордостью можно назвать: Зилоти, Рахманинова, Максимова, Пресмана и других выдающихся наших пианистов.

По отношенію ко всему, связанному с музыкой, он был исключительно строг, требователен даже итерпѣлив. Характерен слѣдующій эпизод, о котором мнѣ рассказывали очевидцы. Он пригласил преподавателем по классу рояля П. А. Шостаковскаго, ставшаго много лѣтъ спустя директором Московскаго Филармоническаго Общества, и, по установившемуся обычаю, выпустил молодого педагога в симфоническом концертѣ. Тот выступил, вмѣстѣ с Николаем Григорьевичем, в вариациях Шумана для двух роялей. Но Шостаковскій так смутился, что с самаго начала нацуптал в своей партіи. Оба пианиста вы-

нуждены были остановиться. Н. Г. громко сказал Шостаковскому: “убирайся вон с эстрады”, — и доиграл один обѣ партіи.

В 1866-ом году, с открытіем Консерваторіи, он пригласил туда только что окончивших Петербургскую Консерваторію — П. И. Чайковского и Г. А. Лароша. Чайковскій был приглашен профессором гармоніи.

Велико было значеніе Николая Григорьевича в жизни Чайковского! Он не только стал руководителем молодого Чайковского на первых порах его самостоятельной дѣятельности. Он поселил его у себя на квартирѣ и всячески заботился о нем матеріально. Так, он познакомил его с Юргенсоном, который заказал П. И. переводы многих учебников. В биографіи Чайковского, брат его, Модест Ильич, пишет: “...Можно смѣло утверждать, что никто не сыграл такой роли в судьбѣ Петра Ильича, как композитора, никто как художник и друг, не сдѣлал столько ради славы П. И., как исполнитель и дирижер его произведеній в Москвѣ, как Н. Г. Рубинштейн”. В письмѣ къ Николаю Григорьевичу Чайковскій писал: “Еще раз благодарю тебя за высочайшее удовольствіе, которое ты мнѣ доставил исполненіем Сонаты. Это было одним из чудеснѣйших моментов в моей жизни”. И в другом письмѣ: “Ты — единственный человекъ, который умѣешь мой товар показать лицом”. Смерть старшаго друга потрясла Чайковского. К ужасу перед смертью, едва-ли не впервые ворвавшейся в жизнь Чайковского, примѣшивалось и другое чувство. С нѣкоторых пор в отношенія друзей вошла струя охлажденія. Это случилось, когда, послѣ неудачной женитьбы, Чайковскій просил освободить его от профессорства в Консерваторіи, и Рубинштейн черезчур уж легко, как казалось Чайковскому, согласился на его уход. Оба чувствовали ненужность этого охлажденія, но, хотя внѣшне оба оставались друзьями, и Н. Г. попрежнему неумоимо, как дирижер, пропагандировал сочиненія Чайковского, наладить прежней теплой дружбы так и не удалось. Теперь, со смертью Н. Г., Чайковскій весь отдался горестным впечатлѣніям и написал свое извѣстное тріо “Памяти великаго артиста”, посвященное Николаю Рубинштейну.

5.

В эту эпоху имя Антона Рубинштейна, как піаниста, было вознесено на недосягаемую высоту во всем мірѣ. Но тѣ, кто слышал за роялем Николая Григорьевича, почти единогласно признавали, что Николай превосходил своего брата. Это не было мнѣніем только широкой публики, но и таких музыкантов, как Чайковскій, Ларош, Ташев. Бурный темперамент, блестящая техника, чистота исполненія позволяли считать его гениальным піанистом. Анатолій Бандуков ставил его наряду с одним лишь Листом.

Кн. Евгеній Николаевич Трубецкой оставил слѣдующее свидѣтельство о его игрѣ: “...Когда я его слышал в послѣдній раз, мнѣ было 17 лѣтъ, но силы этих впечатлѣній я никогда не забуду. Современный мір не знает ничего, подобнаго этой силѣ, ничего, что могло бы слу-

жить хотя бы отдаленным напоминаніем о той магн звуков, которая была в игрѣ обонх Рубинштейнов. Это были даже не звуки роаяля, им удавалось иногда достигать впечатлѣнія полной нематеріальности звука, полной его отрѣшенности, как бы внѣмрности. Но рядом с этим, ни у кого так сильно, как у них, не звучали красота и соблазн посторонняго. Никто послѣ них не мог с таким совершенством, как они, дать почувствовать в ноктюрнѣ тайну звѣздной ночи, воспроизвести в каком-нибудь *au bord d'une source*, волшебство звучащаго ручья, а потом вдруг зажечь всю залу безумным вакхическим восторгом михревого вальса или Листовской рапсодіи. В игрѣ Николая Рубинштейна гамма чувств и переживаній была так же разнообразна, как и в его жизни. В музыкѣ он показывался весь, а потому тут раскрывалось рѣшительно все, что в нем таилось, — и буря страстей, и поэтическая греза, и гнѣвные вспышки, и нѣжность любящаго сердца, и опьянѣніе радостью здѣшняго, и уход в потустороннее... При этом этот человек, столь простой, естественный, чуждый всякой аффектаціи или позы в обыденной жизни, сразу проникался чувством священнодѣйствія, когда он играл или дирижировал оркестром. Помню, как он, взойдя на эстраду, при громѣ аплодисментов, как-то неуклюже кланялся всѣм корпусом, иногда с явным выраженіем нетерпѣнія, потому что эти аплодисменты не давали ему начать: ему нужен был не этот рев многоголоватаго звѣря, а тот звуковой мір, куда он уходил”.

Не менѣе изумительным был он и дирижером. Соединеніе этих двух талантов объясняет, как и чего достиг в короткій срок Рубинштейн в области музыкальнаго воспитанія широких слоев московской публики.

Если считать родоначальниками симфонической музыки в Россіи Глинку и Даргомыжскаго, то не будет преувеличеніем сказать, что русская симфоническая музыка начала существовать лишь с 1850-го года, в то время, как европейская насчитывала тогда уже столѣтія. И талант одного человека воспитал в такое короткое время массы в любви к музыкѣ, создал потребность в поклоненіи ей.

Симфоническіе концерты в Москвѣ, — их было до десяти в сезонѣ, — всегда были переполнены. Не быть на симфоническом концертѣ — было для москвича лишеніем. А когда одна дама извинялась перед Рубинштейном, что не могла быть в концертѣ, так как должна была быть в этот вечер у всенощной, — то Рубинштейн, вспыхнув, сказал: “Для вас концерт и должен был быть всенощной”.

Рубинштейн иногда жаловался на равнодушіе публики. О “равнодушій” не могло быть конечно, рѣчи, но, дирижуя десять раз в году, он стал для Москвы привычным дирижером. Его дирижерство утрачивало характер рѣдкаго событія. Однажды кто-то сказал: “Николай Григорьевич, мы относимся к вам, как муж к любимой женѣ, которая всегда с ним. Пусть это чувство — спокойно, но оно — глубоко”. Рубинштейн вспыхнул и крикнул: “Я хочу, чтобы вы относились ко мнѣ не как к женѣ, а как к любовницѣ!”.

Характерен эпизод, связанный с прїѣздом в Москву Вагнера, в 1876-ом году. Вагнер дирижировал в Большом Театрѣ, при чем для

Москвы было новшеством, что он дирижировал программу (из своих собственных произведений) наизусть. Мисіе "будирующіе", по московской привычкѣ, против Н. Г. не преминули указать на этот факт, как на преимущество Вагнера, как дирижера, перед Н. Г. На слѣдующем очередном концертѣ, которым дирижировал Н. Г., присутствовал Вагнер. Он сидѣлъ в первом ряду с генерал-губернатором, кн. Долгоруким. Когда Рубинштейна встрѣтили обычными аплодисментами, и в залѣ наступила тишина, Рубинштейн громко позвал завѣдующаго нотами, служителя Козлова, и когда послѣдній подбѣжал к нему, Н. Г. сказал, указывая на ноты: "Убери!". И продирижировал концертом, из произведений Вагнера, наизусть.

6.

За его вѣрность, за его жертвенность Москва умѣла отплатить Николаю Григорьевичу. Авторитет и обаяніе его в Москвѣ были колоссальны. Конечно, этому способствовала обаятельная личность Рубинштейна, его шарм, дѣлавшій его всеобщим любимцем***).

Рубинштейн выѣхал из Москвы, уже смертельно больной, 28-го февраля 1881-го года. Провожая его, московскій геродской голова, С. М. Третьяков, один из ближайших друзей, вручил ему чек на 25.000 франков на вокзалѣ, из опасенія, чтобы тот не проигрался накануне отъѣзда.

На несчастье Рубинштейна, в одном с ним вагонѣ, ѣхал в Париж Оливье, хозяин и основатель московскаго ресторана "Эрмитаж", тоже страстный игрок. В Париж Рубинштейн пріѣхал 5-го марта, и в тот же день С. М. Третьяков получил от него телеграмму: "Чек у Оливье, переведи деньги".

Забутый!..

Геніальный артист, замѣчательный человек, он может считаться забытым только в том смыслѣ, что меньше всего позаботился о міровой славѣ, на которую имѣлъ неоспоримое право. Эти строки — дань памяти человеку, заслуги котораго перед русской музыкальной культурой — неопѣнимы.

С. К. Альеринно.

***) Как велико было обаяніе Рубинштейна свидѣтельствует эпизод, рассказанный кн. С. М. Волконским в его «Воспоминаніях».

Рубинштейн пріѣхал в Тулу и в гостях у губернатора познакомился с мѣстным почтмейстером, страстным любителем музыки и не менѣе страстным поклонником Рубинштейна.

Узнавъ, что он играет на виолончели, Рубинштейн предложил ему сыграть что-нибудь вмѣстѣ. Вздволнованный почтмейстер стал настраивать свой инструмент, и когда Рубинштейн взялъ на рояли «ля», почтмейстер упал и скончался от разрыва сердца.

ДЪЛА И ЛЮДИ

(ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, ХРОНИКА).

Величіе и свобода Россіи.
Достоинство и права человѣка.
Цѣнность культуры.

Эти слова мы поставили на заглавном листѣ настоящих тетрадей, и под этим знаменем мы возобновляем наше служеніе Россіи и нашу борьбу.

ГИПНОЗ ВЕЛИЧІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Совѣтская власть не скрывает, что право, культура, человѣческая свобода — для нея ничтожныя мелочи. Безвыходную нищету русскаго народа тоже не спрячешь никуда. Только безумная растрата милліонов русских **жизней** покрывает убыток от злостнаго хозяйничанья большевиков на русской землѣ в интересах міровой революціи. Недавніе подсчеты профессоров С. Н. Прокоповича и С. И. Тимашева, основанные на совѣтских же данных, показали, что жителей в Совѣтской Россіи на 17 милліонов меньше, чѣм на бумагѣ их значится (не 197, а 180 милліонов). — Ни благопслучія, ни свободы, ни равенства...

Что ж остается?

Остается, для многих, гипноз **“величія”**, будто бы возросшаго при совѣтской власти. Совѣтов-де боятся, как никогда не боялись раньше Россіи. Но как раз за международную политику совѣтов, за их вызывающій, безстыдный **“нахрап”** Россія рискует **заплатить** своим историческим величіем.

Самая высокая идея 20-го вѣка — идея мирнаго объединенія народов — на наших глазах оборачивается постепенным военным сплоченіем міра **против совѣтскій Россіи** и **“кольца”** ея невольных прислѣшников. А вѣдь полвѣка назад именно Россія, устами императора Николая Второго, призвала культуры державы к дружественному разрѣшенію конфликтов и положила основаніе Гаагским конференціям.

В наши дни англійская печать так уже говорит иногда о Россіи (**“Дэли Мел”** 11 ноября, 48):

“В Берлинѣ, самом ярком фокусѣ мірового кризиса, мы можем наблюдать всѣ разновидности русской тактики: ковар-

ную, фанатическую, не считающуюся ни с какой логикой пропаганду, извращение закона и полицейских правил под видом их защиты, вмешательство в личную жизнь каждого, беспощадная чистка и грубую комедию, когда неудачники из мелкой буржуазии претендуют на роль защитников рабочего класса.

Мы видим также самоуверенность и силу на-диво сработавшейся организации, слишком уже могучей, чтобы скрывать свои цели и лишь по временам чуть смягчающей свою тактику. Мы не можем хитрить с ней, не можем заставить ее измениться. Мы можем только бороться с нею ее же собственным оружием.

Советчики используют каждое проявление слабости, каждое наше колебание. Весь берлинский кризис — плод нашей собственной нерешительности. Это новая тоталитарная война и мы должны научиться, как ее вести. Если мы не будем колебаться, мы сможем держать свои две-трети Берлина сколько угодно времени. Но в тылу этой передовой линии мы должны использовать целиком все наши моральные и материальные возможности.

Советские солдаты в лица коммунистических партий всего мира уже вторглись в наши страны. Их надо нейтрализовать. Советские граждане и агенты должны быть ограничены в правах, как ограничены в правах иностранцы в России.

Наша анти-германская пропаганда во время войны была блестяща. В нынешней войне против советов она отсутствует вовсе. За желѣзным занавѣсом имѣются десятки и сотни тысяч людей, готовых рисковать жизнью за дѣло свободы. Мы почти их не используем. Лишь глупый террор удерживает сейчас сателлитов России в ее орбите. Безчисленны надломы и трещины Советской Империи, которые мы могли бы со временем расширить для разрушения всей гнилой постройки. Только если мы сумѣем это сдѣлать, сможем мы избѣжать “огнестрѣльной” войны”...

Еще болѣе знаменательно и еще гораздо болѣе вѣско **американское заявленіе:** самого президента Трумана, так настойчиво желавшаго послать своего “близкаго человека”, Винсона, в Москву для непосредственного сговора со Сталиным.

27 декабря президент заявил (в городѣ Индепенденс), что он готов употребить хотя-б и всѣ четыре года своего новаго президентства на установление добрых отношений с Советами, но что к сожалѣнію “их система морали вовсе не моральна”, ибо никакіе “контракты не священны для Советскаго Правительства”. И далѣе: “Я добился нѣкоторых соглашеній в Пѣттодамѣ, но ни одного из них Советское Правительство не сдержало”...

Правда, начало 1949 года было ознаменовано в Америкѣ

уходом генерала Маршала и нѣкоторыми другими личными переменными, которыя большевики толкуют, как сдвиг Трумана “влѣво”, в сторону “болѣе миролюбивой политики по отношенію к Совѣтской Россіи”.

Так толковать — выгодно большевикам; но вряд-ли сами они серьезно заблуждаются относительно значенія происшедших перемен. Генерал Маршал ушел, но “план Маршала” остался. Глаза Америки и всего міра на подлинную сущность совѣтской власти уже раскрылись; они болѣе не закроются. Организациа Объединенных Націй сыграла свою роль, — огромную и пагубную для большевиков: вмѣсто трибуны для коммунистической пропаганды, она стала мѣстом неустаннаго **разоблаченія** совѣтских происков.

Если внутренняя политика Трумана станет лѣвѣе, демократичнѣе, — тѣм труднѣе для совѣтской пропаганды будет изображать Америку страной хищническаго капитализма! Улучшеніе положенія трудящихся всюду в мирѣ — не самый-ли серьезный способ борьбы съ коммунизмом? Что касается внѣшней политики Соединенных Штатов, то, если штатскіе и смѣнят военных, если время ультиматумов, ничѣм не кончающихся, и смѣнится политикой болѣе гибкой, ясность положенія от этого не измѣнится. Отсрочка же военнаго столкновенія с неизбежностью диктовалась не произволом сановников, а настроеніями народов.

В журналѣ «Foreign Affairs» обычно отражающем взгляды американскаго государственнаго департамента, появилась замѣчательная новогодняя статья: “Сталин и Революція”. Автор скрылся за подписью “Историкус”, но по неопровергнутой справкѣ “Нью-Йорк Геральд” от 4-го января, это не кто иной, как видный дипломатическій чиновник, Джордж Морган, бывший первый секретарь посольства Соединенных Штатов в Москвѣ. Морган на сорока страницах излагает “марксистско-ленинскіе” труды Сталина, — и вот вывод, вытекающій из этого изложенія:

“Хозяева Совѣтскаго Союза тридцать лѣтъ уже повторяют без устали главнѣйшіе тезисы коммунистической догматики; но похоже, что Запад только сейчас начинает серьезно считаться с возможностью им повѣрить... Всесоюзный самодержец (не говоря уже о его безчисленных попутчиках за границей) **вынужден** всѣми своими **основными убѣжденіями** придерживаться безкомпромисной революціоннсй доктрины”... “То, что он, по тому или иному случаю, скажет какому-нибудь Рою Ховарду или Гарольду Стассену, дсйжно разсматривать, как чисто тактическое заявленіе; вѣрованія-же его запечатлѣны незыблемо”...

“Это и не должно бы нас удивлять. Вѣсти из совѣтской и лимитрофных столиц с монотонной настойчивостью доказывают, что Совѣты дѣйствуют в полном соответствіи со сво-

ими принципами. Но мысль, что большевики дѣйствительно вѣруют в свою уродливо-несуразную соціально-политическую доктрину и осуществляют ее на практикѣ, так убійственна для всякой надежды на установление с ними разумных междуна-родныхъ отношеній,,, что невольно мысли этой противишься...

“Мы не понимали в достаточной мѣрѣ всей ужасающей внутренней логики совѣтской идеологіи... Мы подозрѣвали большевиков в лицемѣріи... Мы и сейчас не можем полностью постигнуть и допустить гораздо болѣе страшную воз-можность: а что, если они вполне искренне и всерьез **фана-тики?**”

РЕАЛИСТЫ КРЕМЛЯ.

Русскіе эмигранты не думают, чтобы послѣ 30-лѣтняго опыта жуткаго крушенія в Россіи коммунистическихъ планов, правящая клика, выигравъ войну только цѣной временнаго отказа от своей доктрины, а затѣм укрывъ у народа добытую народомъ побѣду, искренне продолжала вѣрить в спаситель-ность коммунизма. У реалистовъ Кремля вся установка другая.

Законъ красной Москвы — самосохраненіе. Цѣль — дер-жаться у власти. Большевики могутъ разсчитывать на взрывча-тую силу коммунистическихъ идей в странахъ коммунизма еще на своей шеѣ не испытавшихъ, — в особенности в Азіи. Могутъ они разсчитывать и внутри Россіи долго еще продержаться безопасными приемами угнетенія. Значит, — думаетъ Кремль, — надо **сохранять власть** и поддерживать, раздувать міровой пожаръ революціи. Но для этого необходимо ухудшить общее положеніе, взрывая всѣ попытки Европы и Америки наладить послѣвоенную жизнь трудящихся. Отсюда повелительная не-обходимость для Сталина поддерживать какъ можно выше свой **престиж** в глазахъ иностранныхъ коммунистическихъ партій; а для этого небезполезно говорить с другими правительствами самоувѣренно-вызывающимъ тономъ, не доводя впрочемъ дѣла до войны, до окончательнаго разрыва.

Поведеніе совѣтскаго представителя на послѣдней сессіи “Объединенныхъ Націй в Парижѣ”, Вышинскаго, было рѣзкимъ. Весь міръ с тревогой интересовался тѣмъ, до какой же степени совѣтское правительство велѣло Вышинскому довести за-остреніе и накалываніе своего, почти военнаго вызова демо-кратіямъ?

Но результаты? И самъ Вышинскій, и вся совѣтская пе-чать, оцѣнивая результаты послѣдней сессіи, говорятъ: “шагъ назад”. Препятствія к мирному сожителству “инороднаго тѣла” — (такъ называлъ Совѣтскій Союзъ Чичерин) — с нор-мальными государственными тѣлами обоихъ полушарій угро-жающе выросли. Многія, нейтральныя раньше, страны заняли позицію, враждебную Совѣтамъ. И для многихъ умовъ Запада

стал яснѣе, обнаженнѣе фактъ, что не Россія сама по себѣ, а совѣтскій строй. — источникъ треній, гнѣздо болѣзни.

Хирургическое лѣченіе болѣзни отложено. Но любителямъ быстрыхъ рѣшеній полезно напомнить, чѣмъ была бы нынѣшняя война.

АТОМНАЯ БОМБА.

В этой же тетради “Возрожденія” читатели найдутъ подробную статью проф. А. А. Зайцова, зарубежнаго русскаго военнаго спеціалиста о рѣшающемъ значеніи атомнаго оружія в будущихъ войнахъ. А вотъ что думаютъ по этому поводу видные англо-саксы.

Среди американскихъ военныхъ, одна стратегическая школа, откровеннымъ застрѣльщикомъ которой является полковникъ авіаціи Д. О. Смитъ, выдвигаетъ идею 30-дневнаго превентивнаго “блицца” противъ “очереднаго противника” (т. е. СССР). Онъ исходитъ при этомъ изъ разсчета, что одинъ бомбовозъ, снабженный атомной бомбой, можетъ нанести противнику такой же уронъ, какъ эскадрилія в 200 такихъ-же аппаратовъ съ обыкновенными бомбами (какими громили Германію в прошлую войну), а, слѣдовательно, налеты 300 “атомныхъ бомбовозовъ в теченіе 30 дней кряду должны имѣть результаты не менѣе внушительныя, чѣмъ двадцатилѣтняя ежедневная бомбардировка старыми методами. В дѣйствительности, думаетъ полк. Смитъ, уронъ будетъ еще болѣе непоправимый, ибо (писалъ онъ недавно в журналѣ “Университета Воздушныхъ Силъ САСШ”):

“Это будетъ всеобщее разрушеніе всѣхъ промышленности данной страны, безъ малѣйшей надежды на быстрое возстановленіе. Когда одновременно будутъ уничтожены запасы горючихъ матеріаловъ, пути сообщенія, главнѣйшія электическія станціи, заводы тяжелой и военной промышленности, непріятель не сможетъ разсчитывать на свои починочныя возможности: онѣ будутъ сведены къ нулю. Когда мы вынуждены были довольствоваться несчастными нитро-теллуоловыми бомбами, намъ поневолѣ приходилось выбирать и концентрировать свое вниманіе на той или иной уязвимой промышленности противника... Теперь, что мы располагаемъ возможностью наносить удары повсюду заразъ, намъ не надо будетъ выбирать между тѣми или иными промышленностями, и заданіе нашимъ летчикамъ будетъ гласить: по всей экономикѣ противника, пли!

“Когда-же, — невозмутимо продолжаетъ полк. Смитъ, — нами будетъ разрушена вся промышленная система непріятеля, безъ всякой надежды для него возстановить ее в сколько-либо разумный срокъ, нація эта умретъ, какъ таковая, съ такой-же математической неизбѣжностью какъ

умирает индивидуум, кровеносная система котораго преврана одновременно во многих мѣстах. Ни провизія, ни топливо не смогут больше подаваться в крупные городскіе центры, гдѣ (среди горящих или сгорѣвших складов) сразу-же воцарится голод. Лишенное крова, городское населеніе будет вымирать и от непогоды. Что-же касается вооруженных сил, находящихся на рубежах государства, располагая провіантом и боевым запасом вѣроятно не болѣе, чѣм на мѣсяц, зная, что их очаги разрушены, а близкіе умирают от холода и голода, всѣ эти бойцы, как бы хорошо они ни были вооружены, не будут стоять ни гроша. Никакая армія в мірѣ не может сражаться, имѣя вмѣсто тыла полную пустоту..."

Важно только, по мнѣнію полковника Смита, чтобы начало такого "блинца" было столь-же неожиданным, как в свое время нападеніе японцев на Пэръ-Харбор...

Впрочем, эта цинично-упрощенная "стратегія" отнюдь не встрѣтила сочувствія среди не только ответственных руководителей Государственного Департамента, но и у высшаго военного командованія САСШ, у государственного секретаря авіаціи В. Стюарта Симингтона и его начальника штаба Хойта С. Ванденберга. Они отклонили "план Смита", якобы, по слѣдующим соображеніям:

Воздушная защита СССР может оказаться гораздо болѣе дѣйствительною, чѣм обычно предполагается; и лишь часть бомбовозов сможет прорваться к своим цѣлям.

Надо считаться также с вошедшей в поговорку способностью русских переживать любые удары. Пережили-же они и Наполеона, и Гитлера.

Затѣм, стратегическій план полк. Смита опирается слишком сильно на фактор внезапности нападенія, а внезапность трудно осуществима при демократическом правительствѣ. К тому-же, чтобы использовать дѣйствительно этот фактор, пришлось-бы вѣроятно напасть на непріятеля первым, т. е. проявить себя откровенным "агрессором".

Потом, даже если-бы удалось быстро разрушить главные русскіе города, помѣшает ли это Красной Арміи, с имѣющимися у ней полевыми запасами, оккупировать всѣ города Западной Европы, которые Соединенным Штатам все-же не хотѣлось бы подвергать атомной бомбардировкѣ.

Наконец, буде план такой 30-дневной войны, по какой-либо из вышеозначенных или других причин, не удастся, американское высшее командованіе, сосредоточившее все свое вниманіе и всѣ силы на подготовкѣ "блинца", вынуждено было бы в спѣшном порядкѣ и м п р о в и з и р о в а т ь другіе планы и вести войну непредусмотрѣнными способами... В результатѣ может получиться не тридцати-дневная, а чего добраго — новая тридцати - л ѣ т н я я война...

Это не мѣшает профессору Бернарду Броди (занимающему кафедру международных сношеній знаменитаго Эльскаго Университета) настаивать в одном из самых серьезных американских журналов, на цѣнности атомной бомбы, как “политическаго фактора”; Броди настаивает на необходимости откровеннаго и методическаго использованія Соединенными Штатами того аванса, которым они располагают в данной области по отношенію ко всему остальному міру и Совѣтскому Союзу в частности (вооруженныя силы “совѣтов”, пишет проф. Броди, “даже еслибы Совѣты не были тѣм, что они есть”, достаточны, чтобы США считали их врагом № 1). Причин для такой политики он указывает четыре:

I) Международная оргάνизація всеобщаго мира сейчас еще опредѣленно недостаточна, чтобы гарантировать безопасность Соединенным Штатам;

II) Нѣтъ никаких основаній надѣяться, что в ближайшее время возникнет в международном масштабѣ болѣе дѣйствительная оргάνизація “мира всего міра”;

III) Поскольку, при таких условіях, Соединенным Штатам приходится выбирать между политикой уступок или-же запугиванія строптивых партнеров, они больше всего должны дорожить полной с в о б о д о й в выборѣ того или другого метода в зависимости от обстановки;

IV) Атомная-же бомба, как плод длительнаго технологическаго усилія американскаго народа, является таким идеальным инструментом запугиванія, что недооцѣнивать его грѣх.

В заключеніе, поясняя свою мысль, проф. Броди говорит, что Западный Мір может еще долго сосуществовать параллельно с Совѣтским Союзом, “даже агрессивно марксистским”, поскольку добрый запас атомных бомб будет в каждый данный момент служить хорошим аргументом для откладыванія коммунистами “послѣдняго и рѣшительнаго боя” до болѣе благоприятных времен...

Иначе выразил ту же мысль главный стратег минувшей войны, Черчилль:

“Не будь нѣкотораго запаса атомных бомб в распоряженіи Соединенных Штатов, не было бы никакой возможности остановить поработченіе Западной Европы... Если бы Соединенные Штаты согласились, в обмѣн на какое-нибудь соглашеніе на бумагѣ, уничтожить имѣющійся у них запас атомных бомб, то они **были бы повинны в убіеніи человѣческой свободы**”.

СОВѢТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА УЩЕРБѢ.

Атомной бомбы у большевиков нѣтъ, и едва-ли она у них скоро будет. Таково впечатлѣніе профанов, — таково мнѣніе спеціалистов.

В холодной же войнѣ, — войнѣ нервов и пропаганды, положение Совѣтскаго Коммунистическаго Союза за послѣднее время ухудшилось. Суть общаго міроваго положенія в том, что красное рабоче-крестьянское знамя, с серпом и молотом, никого болѣе не обманывает. Ни один европейскій или американскій рабочій для себя участи русскаго рабочаго болѣе не желает! Уровень совѣтской жизни извѣстен на Западѣ, и нѣтъ у совѣтчиков злѣйших, болѣе сильных, болѣе опасных для них врагов, чѣм социалисты, честные, независимые социалисты всѣх толков! Январскій раскол в международной федерации профсоюзов (выход Америки, Голландіи, Англии) — новое тому доказательство! О судьбѣ же русских крестьян, загнанных — подобно скоту — в колхозы, нечего и говорить.

А раз это так, душа у совѣтской пропаганды вынута. Правды у них больше нѣтъ. В самой Россіи власть их ненавистна. Борьба за нѣмецкія сердца совѣтами тоже, на наших глазах, проигрывается. Захват сосѣдних, небольших государств и кипящая там, за желѣзным занавѣсом борьба обернутся, в случаѣ войны, не усиленіем, а ослабленіем совѣтских армій. И неизвѣстно еще, чѣм кончится для Сталина личная, старая, смертельная вражда к нему Тито, годами сидѣвшаго в сталинской тюрьмѣ.

ТИТО.

Новогоднія заявленія Тито — прямой вызов Москвѣ.

“Мы, югославы, ни перед кѣм не согнем спины, мы никогда не станем пресмыкающимися, мы не примем коммунистической теоріи, будто цѣль оправдывает средства! От наших предков мы унаслѣдовали преданность дѣлу правды и справедливости!” Одновременно московское агентство “Тасс” оповѣстило весь мір, что “недружественное поведеніе Българскаго правительства” побуждает Москву сократить торговый обмѣн с Югославіей, и сократить даже не вдвое, а на семь восьмых. Объявлено о заключеніи Тито важнаго торговаго договора с Англией и о прямых переговорах его, торговых и политических, с Италией.

Все это не есть еще окончательный разрыв с Москвой, но похоже, что южный, сербскій “фланг” коммунистическаго совѣтскаго фронта “обнажается”, — и может быть прорван.

В БОЛГАРИИ.

Рѣшительная совѣтизація этой страны облегалась тѣм, что в Болгаріи довольно давно дѣйствовала уже своя, сильно заряженная фанатизмом, коммунистическая партія. Но какая трагическая борьба кипит и в Болгаріи, показывает дѣло Николы Петкова, хотя погибшаго полтора года назад, но в условіях, которыя только теперь стали достояніем міровой печати.

11 декабря 1946 года произошло первое рѣзкое столкновение Петкова с министром Внутренних Дѣл, коммунистом Юговым и другими членами большинства Скупщины, в том числѣ и с "самим" Георгіем Димитровым. Заимствуем из "Фигаро" живой, драматическій рассказ об этом и послѣдующих эпизодах:

ПЕТКОВ: — Кровью и террором вы не завоеуете симпатій народа.

ЮГОВ: — Оппозиція сама старается вызвать беспорядки.

ПЕТКОВ: — Ваши руки всѣ в крови.

(Сочувственные возгласы на скамьях оппозиціи).

ЮГОВ: — Оппозиція стремится создать беспорядки, чтобы поддержать мировую реакцію. Она — противница коммунистов, противница рабочего класса.

ПЕТКОВ: — Мы противники не рабочего класса, а вашей тирании. Мы ваши противники потому, что вы занимаетесь массовым уничтоженіем болгарскаго народа.

ЮГОВ: — Отвѣтственность за нѣкоторые эксцессы во время выборов лежит всецѣло на оппозиціи.

ПЕТКОВ: — Нѣт, вы за них отвѣтственны.

ЮГОВ: — Народ сам опровергает факты, приводившіеся в газетах Петкова.

ПЕТКОВ: — Эти опроверженія исходят от арестованных вами лиц. Раз попавши в ваши застѣжки, они способны "сознаться" в чем угодно, даже назваться Юговыми.

ЮГОВ: — Уже и в прошлом Петков всегда защищал фашистов.

ПЕТКОВ: — Я покинул Отечественный Фронт лишь по тому, что вы начали примѣнять фашистскіе методы террора. Вы принялись за искорененіе тѣх, что прославился подвигами во время сопротивления врагу. У вас на совѣсти столько-же убійств, как и у фашистских насильников..."

28 января, Петков обрушился и на болгарскаго диктатора Димитрова, когда тот высказал подозрѣніе, что всѣ главари оппозиціи "платные иностранные агенты". Вскочив с мѣста, Петков сказал:

"Я запрещаю Вам так говорить. Я позволю себѣ напомнить Вам, что я по крайней мѣрѣ никогда не принимал иностраннаго подданства и не был на службѣ у иностранной державы"...

Стрѣла попала в цѣль и, красный от ярости, Димитров вызывающе воскликнул:

"Я был гражданином великаго Совѣтскаго Союза... Это большая честь и привилегія".

ПЕТКОВ: — Вы сдѣлались снова болгарским гражданином всего лишь за два дня до выборов. Это было официально объявлено в московских газетах.

ДИМИТРОВ: — Я Вас скоро проучу.

ПЕТКОВ: — А все-же Вы двадцать лѣтъ были официально иностранным подданным, на службѣ у иностранной державы...

Н. ПЕТКОВ.
болгарскій герой.

А вот что говорил Петков в своей послѣдней парламентской рѣчи, за нѣсколько минут до ареста в Скупщинѣ:

“Вы удерживаетесь у власти лишь примѣненіем голыи силы. Ружье и висѣлица ваши единственные доводы. Я предпочитаю иную власть: ту, что выражается в свободной рѣчи. Но ея-то вы — коммунисты — боитесь больше всего на свѣтѣ. Потому-то вы и прибѣгаете к террору...”

“Я считаю, что ваши нападки не направлены в сущности против меня, хотя вы и имѣете в виду мою личную гибель. Тут ясно нападеніе на парламентскій образ правленія, на демократію, на свободу: на все, что обезпечивает человѣческое достоинство. Тут прежде всего еще шаг к окончательному порабощенію болгарскаго народа. Вот почему всѣ тѣ, кто защищает его свободу, должны с вашей точки зрѣнія быть уничтоженными”...

Его вывели из зала силою коммунисты, поддержанные милицией, и бросили в полицейскую машину, стоявшую у зданія Скупщины. Но до послѣдней минуты Петков и его немногочисленные сторонники кричали: “да жи-ви сво-бо-да!”.

ФИНЛЯНДІЯ, ПОЛЬША, ВЕНГРІЯ.

На сѣверѣ Европы, Финляндія все рѣшительнее сопротивляется коммунистическому зажиму, и совѣтам невыгодно пока круто за нее взятыся. В Польшѣ сильнѣйшее сопротивленіе встрѣтило введеніе крестьянских колхозов. Упорным врагом совѣтской политики показала себя в Польшѣ и католическая

Церковь, — древняя, искусная, могущественная организация.

Еще трагичнее оборачивается борьба с католической Церковью Венгрии, где кардинал Миндсентный, глава Церкви, был в конце года заточен в тюрьму. Конечно, официально вменяемая ему вина не имеет ничего общего с истинной причиной этого акта гонимого насилия. Безстрашно стоял этот вышедший из народа доблестный архипастырь за независимость возглавляемой им церкви. А его обвиняют — в “фашизм”, “шпионство” и “спекуляция валютой”... Тактика большевиков до монотонности повсюду и везде та же! Но неизменна и возмущенная реакция мирового общественного мнения. С этой реакцией большевикам еще придется считаться, в дни войны, как и в дни мира.

КИТАЙ.

Остается один крупный бесспорный успех для коммунистической советской власти: Китай. Но их-ли это успех? Подождем опубликования дипломатических “Белых” и “Синих” книг. Слишком еще недавно Чанг-Кай-Шек был близок к полному торжеству в Китае над коммунистами. Может быть, у американцев хватит мужества раскрыть всему миру то, что говорилось на самом деле в лагере Чанг-Кай-Шека! Сколько там под лживым именем национализма крылось продажности, разложения и неправды! Зловеще и упорно, отовсюду ползут слухи о том, что китайские коммунисты оказались сильнее противника не столько советской помощью, сколько слабостью и безчестностью тех, что использовал американскую помощь Китаю в интересах не своей родины, а своих родственников! Возможно, что в северном Китае, называющем себя коммунистическим, честности, справедливости и патриотизма, с китайской точки зрения, было больше.

Будущее покажет: найдет-ли советская Москва в бурлящем четырехсотмиллионном Китае верного раба и союзника, хватит-ли у нея на это организаторских сил? И не захлебнется-ли она в этом изменчивом, безбрежном “Желтом море”?

По началу, разумется, переход Китая в коммунистический лагерь усилит международную позицию Москвы. Но не найдутся-ли в скорости и у китайцев свои, китайские Тито?

“ОБЩИЙ ЯЗЫК”.

Основной расчет Москвы — на ухудшение мирового положения и на коммунистические перевороты в странах, отчаявшихся наладить свою жизнь иначе, — этот расчет возможен. Могучие союзники Москвы — злоба, зависть, грязь, нищета, голод. Но до сих пор на этом пути — отчаяния — бывали только временные успехи; все “эпидемии” человечеством до

сих пор побѣждались. А страшный опыт Россіи не позволяет видѣть в коммунизмѣ начало оздоровляющее; — только жуткій **урок** правящим и богатым.

В ожиданіи переменѣн, полагаясь на свое военное превосходство, на здравый смысл народов и на улучшение экономической жизни Европы, великія державы Запада продолжают — “пока что” — попытки найти “общій язык” с совѣтской властью.

Одной из удач в этом направленіи была единодушно принятая Объединенными Націями резолюція, осуждающая “геноцид”, т. е. массовое убійство.

“ГЕНОЦИД”.

Новый термин обозначает “дѣйствія, имѣющія цѣлью уничтожить, цѣликом или частью, какую-либо національную, этническую, расовую или религіозную группу людей, как таковую”, будь то путем массоваго убійства или “созданія для нея условий жизни, рассчитанных на постепенное физическое искорененіе”...

“Кивок” на Гитлеровскія звѣрства тут ясен, — и не может живое человѣческое, а тѣм болѣе христіанское чувство, не возмущаться, со всею непримиримостью, сознательным, беспощадным, массовым истребленіем евреев.

Но американская печать поставила по этому поводу неожиданный и неприятный большевикам вопрос: почему же в перечисленіи преступных видов человѣкоубійства, “геноцида”, не была упомянута “ликвидация путем террора” экономических классов и политических партій, неугодных ликвидаторам? Развѣ такія дѣйствія не столь же противны справедливости и возмутительны для человѣческой совѣсти, как и другіе, отнынѣ заклеянные словом “геноцид”, террористическіе акты? Печать сама же и отвѣтила: “Причин такого упущенія искать далеко не приходится: у СССР совѣсть в этом отношеніи слишком нечиста, чтобы жестокость по отношенію к политическим противникам могла бы быть официально провозглашена преступленіем уже сейчас”.

В послѣдніе дни англійская газета “Дэйли Телеграф” и генерал Андерс напомнили еще о другом, массовом избіеніи, совершенном большевиками, — о польских военных, уничтоженных в Катыни.

Дѣло это, казавшееся в Нюрнбергѣ затушенным, повидимому, разгорится вновь міровою сенсацией.*)

*) Интересныя подробности о Катыни читатель найдет в изданной «Возрожденіем» на французском языкѣ книгѣ американца Уайта: «W. L. White. «A travers l'URSS en guerre», Paris, 1948, (стр. 185 и слѣд.).

“ПРАВА ЧЕЛОВѢКА”.

Совѣты участвовали в обсужденіи и другой резолюціи, также принятой Объединенными Націями: в деклараціи “прав человекѣка”. Но в преніях по поводу этой деклараціи участіе коммунистической державы, охраняющей свои границы свирѣпыми полицейскими собаками, выразилось, как и слѣдовало ожидать, главным образом, в протестѣ против дарованія политическим бѣглецам **права убѣжища**. Отчеты об этих, довольно бурных засѣданіях во дворцѣ Шайо, составят со временем драгоцѣнный матеріал для будущаго русскаго историка при характеристикѣ безчеловѣчности совѣтской власти, той нечувствительности ея к правам отдѣльных, живых людей, которая особенно поражала, в преніях, представителей западнаго, культурнаго міра.

Ту же нечувствительность, уже в другом аспектѣ, отмѣтил в своих воспоминаніях генерал Эйзенгауэр.

ЭЙЗЕНГАУЭР И ЖУКОВ.

К воспоминаніям Эйзенгауэра “Возрожденіе”, в послѣдующих тетрадах, еще вернется. Сейчас же слѣдует отмѣтить любопытную запись Эйзенгауэром разговора его с совѣтским маршалом Жуковым о том, как преодолевались Красной арміей минныя заградительныя поля.

Маршал Жуков, оказывается, сказал американскому генералу, как-то в минуту откровенности, что совѣтскій метод заключался в простом и г н о р и р о в а н і и мин, по крайней мѣрѣ, индивидуальных, противоположных. Атакующая совѣтская пѣхота просто посылалась вперед без предупрежденія о возможных минных полях, ни тѣм паче их предварительной расчистки. Только, когда пѣхота уже прошла, оставив на мѣстѣ взорвавшіяся на минах тѣла, саперам поручалось расчистить проходы для бронемашин от противотанковых мин, раньше, чѣм двинуть туда бронечасті...

Во время другого разговора, в отвѣт на замѣчаніе ген. Эйзенгауэра, что американцы давали нѣмецким плѣнным такой-же паек, как своим солдатам, во избѣжаніе репрессій наци по отношенію к американским военноплѣнным в Германіи, маршал Жуков воскликнул: “Да какое могло быть Вам дѣло до захваченных нѣмцами людей? Вѣдь раз они сдались в плѣн, это уже больше не бойцы?..”.

Все это — не случайныя обмолвки. Такова систематическая, совѣтская, бездушная **школа**. Она ведет свое начало от Ленина. Ленин уже “отпѣл” гуманизм и провозгласил новую эру: **варварства**, оснащенного научною техникой.

Сталин возвел варварство в политическій догмат и сдѣ-

дал его душой совѣтской системы. Гуманность там кажется слабонервностью.

А Сталин — беспорный и, пока, единственный властитель Россіи.

КТО ПРАВИТ В РОССИИ.

Время от времени, то Труман, то кто-либо иной из политических дѣятелей Запада. ставят этот вопрос: кто же в Москвѣ правит? Всемогущ-ли диктатор Сталин, или и он сам — “плѣнник Политбюро”, а правят эти “тринадцать членов Политбюро” — коммунистическая “чортова дюжина”?

В одном, мало извѣстном широкой публикѣ, но очень вліятельном вашингтонском еженедѣльникѣ появилась, на эту тему, слѣдующая подробная статья («U. S. News», X, 48).

“Сталин сам подобрал подчиненную группу правящих лиц, и эта группа привыкла дѣйствовать дружно. Ни один из ея членов не располагает возможностями лично протолкаться к власти или организовать путч...”

“Правящая партія, коммунистическая, насчитывает в СССР 6 милліонов членов. Во главѣ партійной машины — 13 способных людей, руководимых Сталиным. Он опытный политическій командир и нѣтъ признаков, чтобы он выпускал власть из своих рук...”

“На практикѣ, большинство членов Политбюро является одновременно и членами совѣтскаго правительства; но Совѣт министров — чисто официальный орган, и собирается он крайне рѣдко, тогда как Политбюро, в особенности в критическіе періоды, собирается почти ежедневно...”

(Перед читателем ниже пройдут, в порядкѣ их нынѣшняго значенія для Россіи, портреты-медальоны двѣнадцати членов Политбюро. Тринадцатый или первый — Сталин).

“Не всѣ члены Политбюро в равной мѣрѣ вліятельны: все зависит от близости их к Сталину. Смерть Жданова дала Сталину повод приблизить к себѣ, через головы многих, Георгія Маленкова и Лаврентія Берія.

“Триумвират, составленный ими и Молотовым, в ближайшем окруженіи Сталина имѣет наибольшій вѣс при принятіи тѣх или иных рѣшеній, в частности и международных.

“Молотов сотрудничает со Сталиным уже 35 лѣт. Он пользуется полным довѣріем диктатора. Как министр иностранных дѣл и единственный из членов Политбюро, находящійся в постоянном контактѣ с государственными людьми Запада, он очень вліятелен. Но “мистер Молотов” значительно менѣе категоричен в выраженіи своих мнѣній, чѣм многіе из его коллег.

“Маленков, которому сейчас 45 лѣт, был личным секретарем Сталина до того, как сдѣлаться членом Политбюро. Он обладает удивительной памятью на имена. За границей бывал

не часто, но, как глава совѣтской тяжелой промышленности во время войны, хорошо осведомлен о военных возможностях американской и западно-европейской промышленности.

“Берія, третій из приближенных, — начальник двадцати дивизій войск особаго назначенія МВД, всей внутренней секретной полиціи и концлагернаго вѣдомства. Его агенты орудут не только в СССР, но и в вассальных Москвѣ государствах, а также — в строго секретном порядкѣ — и по всему міру.

Молотов
министр Ин. Дѣл.

Маленков
Секретарь комм. партіи.

Берія
министр Вн. Дѣл.

“Дѣятельность Политбюро протекает в строгой тайнѣ. Ни один иностранец никогда не присутствовал на его засѣданіях. Но иногда приглашаются эксперты по какому-либо специальному вопросу из среды других членов Компартіи, и поэтому обычный порядок засѣданій Политбюро не так уже неизвѣстен.

“Рѣшеніе всегда остается за Сталиным. Голосованій в Политбюро не бывает. Каждый, кто имѣет опредѣленное мнѣніе, волен его высказать. Но когда Сталин считает, что вопрос исчерпан и что дальнѣйшія пренія излишни, он просто говорит: “Молотов прав” или “Маленков прав”, одобряя тѣм самым любезное ему мнѣніе, будь оно мнѣніем большинства или, наоборот, меньшинства собранія.

При этом Сталин и Политбюро не могут не видѣть, что и они иногда ошибаются. Так, напримѣр, рѣшеніе задержать совѣтскія войска в сѣверной Персіи долѣе условленнаго срѣска было принято по приказу Политбюро. Молотов тогда (в 1946 году) думал, что СССР сможет удержать Персію под своим контролем. Но вмѣшательство западных держав и резолюція Совѣта Безопасности Объединенных Націй этому помѣшали. Войска были уведены, но Молотсъ не потерял из-за этого своего положенія в Политбюро. Замѣтим в скобках, что таким образом установлено, что один раз за свое существованіе организациа объединенных націй оказала, во всяком случаѣ, рѣшающее вліяніе на ход міровых событій.

“Общее правило, подсказывающее обычно Сталину и Политбюроу всѣ их рѣшенія, это — свобода маневрированія, “текучесть” совѣтской политики, “игра по слуху, а не по нотам”, возможность быстрой перемѣны тактики для достиженія цѣ-

ли. Члены Политбюро реалисты и они не связаны в своих тайных рѣшеніях коммунистическими догматами, которым менѣе высокопоставленные коммунисты должны всегда отдавать дань, хотя бы на словах...

Дополним эти вашингтонскія сообщенія краткой, но чрезвычайно выразительной **шведской** замѣткой.

Г. Мэрлинг, один из руководящих редакторов шведской коммунистической газеты "Ни Даг", вышел из редакціи, а также и партіи. А он был дѣятельным коммунистом и первым шведским писателем, допущенным на территорію СССР послѣ войны.

Вот что Мэрлинг пишет теперь о Сталинѣ: "Сталин обращается с марксистскими теоріями, как с **воском**, в зависимости от своих тактических надобностей, ставя иногда заграничных коммунистов в самое смѣшное положеніе"...

Но что Сталину Маркс? Маркс пригоден только для вывоза. А внутри Россіи? Там, по свидѣтельству новой эмиграціи, люди спрашивают друг друга: "что, докатились мы уже до социализма — или будет еще хуже?" Там нужны другіе приемы. Французская серьезная газета "Ле Монд", в номерѣ от 8-го января, сообщает, что московскій патріарх предписал во всѣх церквах поминать имя Сталина, как "избранника Божьяго Промысла", и возносить за него — (завятаго атеиста) — моленія.

Что это? цезаризм? бонапартизм? годуновщина?

КАК ОНИ ПРАВЯТ.

Безмѣрный героизм русскаго народа, безпримѣрная его терпѣливость и исключительная талантливость позволяют советскому строю, несмотря ни на что, держаться. Но, если влечь, выдѣлать в идущих из Россіи сообщеніях, то, что приходится собственно на долю власти, правительства, — то рѣзко, с неумолимою четкостью возникают два основных ощущенія: во-первых, крайней жестокости приемов власти, и, во-вторых, рѣдкаго культурнаго ея убожества.

Вот нѣсколько иллюстрацій.

РАБСКІЙ ТРУД.

В "Балтійском Обзорѣ", издаваемом по-шведски в Стокгольмѣ, бывший совѣтскій экономист, Михаил Романенко (проведшій 11 лѣт в совѣтских арестантских лагерях) пишет:

Экономическая выгода рабскаго труда выявилась в 1930 году, когда была сдѣлана сводка результатов массоваго опыта принудительнаго труда при рубкѣ лѣса и постройкѣ проѣздных дорог. Процвѣтаніе концентрационных лагерей началось по-настоящему с этого момента.

Вот эти результаты: свободный рабочій работает в год

275 дней по 8 часов в день, всего в год 2200 часов. Подневольный работает в год 308 дней по 10 часов, всего — 3080 часов. Цифры эти взяты из “Плана”, т. е. официального документа, и доказывают, что подневольный работает на 880 часов или на 40 процентов больше свободного.

При этом свободный рабочий в районах сѣвера получает около 10-ти рублей в день, а подневольный стоит всего 5 рублей, включая в эту плату и расходы по содержанию стражи, барачков, питания и одежды заключенных, медицинскую помощь и т. д.

Булганин
министр воору-
женных сил.

Андреев
Зам. Предсѣд.
Сов. Министров.

Микоян
министр виѣшней
торговли.

Сколько прибыли приносит эта разница совѣтскому правительству, понять не трудно. Уже в 1940-ом году концлагерников насчитывалось до 4-х миллионов, а сейчас эта цифра значительно выше 10-ти миллионов, по подсчетам экспертов.

Конечно, каторжный труд мало производителен, но у большевиков есть свои мѣры к повышению производительности труда. Мих. Романенко называет четыре главнѣйших: голод, наказанія, награды и пропаганда.

Самый дѣйствительный из них, разумѣется, первый; но, поскольку люди от голода ослабѣвают, то, в концѣ концов, выгоды второй: кнут! Голодные рабочіе выдерживали максимум 6-7 лѣт; болѣе-же сытые под кнутом террора могут работать значительно больше. Впрочем,, — заканчивает Романенко, — голод все-же остается главным стержнем. Страх быть уморенным крутит “колеса машины” и вызывает к жизни стахановцев, ударныя бригады, — вообще будит в рабах худшіе человѣческіе инстинкты.

Производительность труда и общій уровень жизни остаются при этом крайне низкими. Но большевикам это только на-руку: власть их крѣпче — над нищими.

Еще ниже культурный уровень населенія. Но это также совѣтскую власть только радует.

ПОРАБОЩЕНИЕ НАУКИ.

Коммунистам, считающим себя передовыми людьми, свойственно умалять значение прошлого, а стало быть и наследственности: наоборот, естественно подчеркивать значение среды и влияний, которым подвергаются живые организмы, в том числе люди. Но только в советской России, могло произойти, что Политбюро, — т. е. верх коммунистической партии — предписали академии наук объявить такую-то биологическую доктрину верной, а все остальные — ересью. Профессор Лысенко, котораго советская печать именует “борцом и преобразователем природы”, а вся остальная мировая печать — шарлатаном, сдѣлал в Академіи доклад “о положеніи в биологической наукѣ”. Ссылаясь на Энгельса и на гениальнаго Мичурина (“котораго открыли и спасли для народа Ленин и Сталин”) Лысенко объявил всѣх, признающих наследственность, “мистиками и реакціонерами”. Этот научный доклад был утвержден партійно-коммунистическим центральным комитетом. Партия признала, что Лысенко опроверг своих оппонентов, и Президіум Академіи Наук должен был “покаяться” в поддержкѣ “реакціонно-буржуазнаго направленія в биологической наукѣ”. Многие академики были смѣщены, часть лабораторій закрыта, а работавшіе там ученые устранены.

В блестящей статьѣ, тогда же напечатанной в американской газетѣ “Новое Русское Слово”, проф. Делевскій первым заявил, что “исторія тираній не знала еще подобнаго примѣра пресѣченія свободы научной мысли”; что “цезарское безуміе” Сталина превзошло безумныя претензіи Тиверія и Нерона.

Нѣскольکو мировых ученых с возмущеніем отказались от принятаго ими ранѣ званія члена-корреспондента советской академіи: Послѣ наиболее звонкой из таких пощечин, когда знаменитый американскій биолог, Нобелевскій лауреат, Мюллер, написал Лысенко, что “руководители Академіи ведут себя не как ученые, а злоупотребляют своим положеніем для разгрома науки во имя политических цѣлей”, Академія СССР рѣшила сама перейти в контр-наступление. Как на-днях сообщил Предсѣдатель англійскаго Королевскаго Общества, сэр Роберт Робинсон, Москва официально порвала сношенія с этим старѣйшим, почти трехсотлѣтним научным учрежденіем Англій.

Что-же касается проф. Мюллера, то он продолжает утверждать, что советская власть борется с негодными ей научными теоріями путем голаго террора. Большинство лично ему извѣстных русских “генетистов”, Кольцов, Серебровскій, Левицкій и др. умерли “от невыясненных причин” (Левицкій — на каторгѣ в заполярьи, куда сосланы были вмѣстѣ с ним, в 1936 г., также ученые Аголь и Левит). Самый же видный из “честных русских изслѣдователей в области генетики” (как

характеризует его проф. Мюллер) Ник. Ив. Вавилов был даже официально приговорен к смерти в 1941 г., и хотя приговор в исполнение приведен не был, Вавилов погиб от истощения в 1942 году в Сибири, куда был сослан.

Косыгин
Зам. Предсѣд.
Сов. Министров.

Каганович
министр тяж.
промышленности.

Вознесенский
предсѣдатель
Гос.плана.

А в Рождественском номерѣ англійскаго “Экономиста” напечатано письмо в редакцію Г. Финлей Ширраса, гдѣ сообщается, — в дополненіе к извѣстіям о судьбѣ русских генетистов, — как в Москвѣ рѣшаются экономическіе вопросы. Вот какой участи подверглась книга виднѣйшаго совѣтскаго спеціалиста по вопросам міровой экономики, профессора венгерца Варга, проживающаго с 1920 года в Москвѣ.

В прошлом году, проф. Варга напечатал книгу под заглавіем “Экономическіе сдвиги в капиталистической экономикѣ послѣ Второй Міровой Войны”. Книга в началѣ сильно рекламировалась; ей даже присудили сгоряча Сталинскую премію. Но потом она стала вызывать оживленные споры в СССР в особенности среди академиков. Рѣзко напал на нее профессор К. В. Островитянов — глава Секціи Политической Экономіи Института Экономики. Дискуссія академиков по этому вопросу растянулась на цѣлых три дня, — и книга была изъята из обращенія. Институт, гдѣ проф. Варга состоял директором, слит с Институтом Экономики профессора Островитянова. Журнал профессора Варга “Міровая Экономика и Міровая Политика” закрыт и замѣнен журналом “Вопросы Экономики”, главным редактором котораго назначен тот-же Островитянов. “А вина проф. Варги, — пишет г. Ширрас, — заключалась в слѣдующем: он утверждал в своей книгѣ, что хотя Соединенные Штаты быть может и не смогут избѣжать экономического кризиса вообще, но вряд-ли таковой произойдет в теченіе первых десяти лѣтъ послѣ войны. С точки зрѣнія Совѣтскаго Правительства это абсолютно “не-марксистскій” подход, поскольку он не предсказывает скорого и неотвратимаго кризиса в западных капиталистических странах, — предсказанія, диктуемаго не столько объективными фактами, сколько потребностями совѣтской внутренней политики. Вот

уж поистинѣ, — заключаетъ англійскій журналъ: — когда политика подходитъ къ дверямъ, экономика вылетаетъ черезъ окошко”.

ПОРАБОЩЕНІЕ ИСКУССТВА.

О состояніи литературы в Совѣтской Россіи, под новымъ партійнымъ зажимомъ, читатель можетъ судить по двумъ разсказамъ Зоценко, напечатаннымъ выше: за это карать, — и требовать только славословіи! Но и в области музыки коммунисты хотятъ командовать. Генеральный секретарь Союза композиторовъ, Хрѣнниковъ, пробираетъ Прокофьева и Шостаковича за то, что они сочиняютъ “пустую музыку”: они-де “не вывели нужныхъ заключеній изъ февральскаго партійнаго декрета о музыкѣ”. Совѣтская власть вмѣшивается буквально во все! Она караетъ даже московскихъ портнихъ “за подражаніе гнилымъ, бульварнымъ модамъ капиталистическаго Запада”. Всѣ виновны, всѣ кайтесь, кто не служилъ слѣпо коммунизму, а думалъ и о своей работѣ, и об интересахъ и вкусахъ живыхъ людей! Вотъ гдѣ слабость и преступленіе! Коммунистическая чистка коснулась даже архитектуры. “Правда” обрушилась недавно на нѣкоего несчастнаго Бурова, обвиняя его в зараженности “гнилой реакціонной идеологіей буржуазнаго Запада”. В отвѣтъ Буровъ опубликовалъ покаянное письмо с признаніемъ своихъ ошибокъ: — “грѣшенъ, увлекался конструктивизмомъ”. В чемъ тутъ для архитектора преступленіе, изъ текста письма не видно. Но искусство в СССР гложетъ.

ОБЩАЯ КУЛЬТУРНАЯ АТМОСФЕРА.

В Америкѣ, два раза в день, всѣ дороги, ведущіе в Детройтъ, забиваются тысячами автомобилей, принадлежащихъ рабочимъ и служащимъ Форда или Дженерал-Моторс. В Харьковѣ, передъ совѣтскимъ автозаводомъ стоитъ—какъ пишутъ—одна, и та директорская машина. А на-дняхъ официальное агентство Москвы “Тасс” сообщило, какъ о величайшемъ достиженіи, что в СССР введена свободная продажа легковыхъ машин, открыто двѣнадцать распредѣлительныхъ пунктовъ (на шестую часть свѣта!) и каждый пунктъ продаетъ ежедневно не менѣе **двухъ** машинъ в день.

В Америкѣ (в Соед. Штатахъ) лѣсонасаженіемъ занимаются, безъ всякаго шума, какъ нормальнымъ, полезнымъ дѣломъ, и за послѣдніе 15 лѣтъ засажено болѣе 34.000 кв. километровъ лѣсныхъ полос, оградившихъ отъ климатическихъ случайностей свыше 400 милліоновъ десятинъ земли.

А в совѣтской Россіи? “Слава великому, геніальному Сталину; онъ впервые рѣшилъ, путемъ лѣсонасаженій, измѣнить русскій климатъ, побѣдить русскую природу”. Пока — на бумагѣ; но уже опубликованъ новый семнадцатилѣтній планъ борьбы с засухой путемъ грандіозныхъ лѣсонасаженій. Это печатаетъ “Правда”, органъ коммунистической партіи, с неизбѣжнымъ славословіемъ, печатаетъ и попутно, вскользь признается, что не-

урожай 1946-го года был одним из самых страшных в истории России (в тот момент это упорно отрицалось)

Убожество — и бахвальство! Так Америки не догонишь.

При спорах о том, есть ли у большевиков атомная бомба, полезно иметь в виду и следующую московскую мелочь жизни, характеризующую уровень советской культуры.

Профессор Московского Технологического Института Сандомирский был пойман студентами в списывании формул на доску с собственной ладони, при чем так их перевернул, что ясно было, что он в них ничего не смыслил.

Шверник
председатель
Верх. Совѣта.

Хрущев
Секретарь комм. партіи
на Украинѣ.

Ворошилов
Зам. Предсѣд.
Сов. Министров.

Ученые дипломы у этого столичного профессора оказались в порядке. Но получил он их на основании свидетельских показаний знакомых московских профессоров, за деньги; те показали, будто Сандомирский получил в 1932 году профессорское звание от народного комиссариата просвещения Бѣлорусской республики, но что все его документы погибли во время войны. — “Гдѣ же вы с тѣх пор преподавали?” — Сандомирский назвал ряд учебных заведений; ни одно его ссылок не подтвердило.

Другой случай:

Советским биологическим лабораториям понадобились для опытов бѣлая мышь. Московский “Зоо-комбинат” сдѣлал из этого “дѣло”. Нѣкій Голованов вошел с “наукою” в соглашение — и вскорѣ стал “мышинным королем”: нажил состояніе, приобрѣлъ нѣсколько подмосковных дач.

Этот практический реализм (идуший сверху), разъѣдает весь советский казенный быт. Мѣста в “домах отдыха для рабочих” продаются, за деньги, спекулянтам. Сравненіе нищенских барачков, гдѣ ютятся рабочие, с квартирами партійных чиновников приводит иностранных (шведских) наблюдателей в возмущеніе. Названный уже выше швед Мэрлинг закончил свои московскія впечатлѣнія так: “я сыт по горло пошлостями! Какой уж там в советской Россіи безклассовый строй! Там все еще огромныя классовыя различія”. “Я разговаривал с рядовыми партійными коммунистами. Их неискреннее, тенден-

ціозное мышление способно привести в ярость всякого кто уже не мальчишка”.

ДОЛГ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.

Медленно, мучительно-медленно будет, вѣроятно, изживаться Россіей наслѣдіе совѣтскаго владычества: **одичаніе**. Но может все произойти и иначе. Будущее от нас скрыто; а долг наш, старой эмиграціи, ясен: посильно и непрерывно утверждать, хотя бы за рубежом, хотя бы в изгнаніи, начала русской культуры и нашу независимость от Совѣтов. Пусть звучит подлинный русскій голос: не подневольный!

Младшее поколѣніе эмигрантов, выдвигаясь на Западъ повсюду на первыя мѣста, с блеском исполняет свою историческую задачу: своею исключительною культурностью **отстоять честь русскаго имени** перед Европой и перед Америкой; не дать ему стать здѣсь символом первобытной дикости. Это — готовый живой мост между двумя мірами.

Задача старшаго поколѣнія держаться, культурно и морально, на высотѣ, достойной русскаго прошлаго, освѣщать настоящее, а в вопросах будущаго служить **только** величію и свободѣ Россіи.

И первая обязанность наша за рубежом — братски встрѣтиться с новой эмиграціей, внѣ зависимости от каких-либо разногласій. Всѣ мы — русскіе, всѣ — на чужбинѣ, и почти всѣ — в бѣдѣ.

“ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ”. (Судьба “ди-пи”).

Администраціей ИРО, — международной организаціей вѣдающей бѣженцами, — только-что выпущена богато-документированная брошюра под заглавіем “Бѣженская проблема”.

До данным ИРО, немедленно вслѣд за крушеніем Гитлеровской имперіи, в Европѣ насчитывалось болѣе восьми милліонов людей, выметенных из своих гнѣзд военным ураганом. «Displaced Persons», откуда столь, увы, привычное уже для русскаго уха сокращеніе: “Дипи”.

По установленіи перемирія, началось массовое, частью вольное, а потом все болѣе невольное возвращеніе основной массы бѣженцев к мѣстам их прежняго жительства. К концу 1945 года 5½ милліонов было так или иначе репатрировано.

В теченіи 1946 года, хотя и болѣе замедленным темпом, репатриация продолжалась: к концу года осталось — по официальным данным — всего 1.600.000 бѣженцев. Для опеки над ними и была создана Объединенными Націями бѣженская организація ИРО.

Совѣты не приняли участія в этой организаціи. Тѣм не менѣе, в угоду им, Объединенными Націями сдѣлана была

оговорка, что покровительством ИРО не могут пользоваться, — наравнѣ с уголовными преступниками или лицами, добровольно оказывавшими военную помощь врагам Объединенных Наций, также и всѣ “члены организаций, ставящих себѣ цѣлью сверженіе правительства какой-либо из Объединенных Наций, и руководители движеній, противящихся возвращенію бѣженцев на их родину” (пункт 4-й).

Центральный орган ИРО (помѣщающійся в Женевѣ) начал официально дѣйствовать 1-го іюля 1947 года. К этому времени его предшественница УНРРА передала на его полное иждивеніе 704.000 бѣженцев, живущих главным образом в различных лагерях оккупированных Западными Союзниками стран: в Германіи, Австріи, Италіи, а также на Ближнем и Дальнем Востокаѣ, в Африкѣ и т. п. Кроме того ИРО взяла под свою юридическую защиту еще 900.000 человек, существующих так или иначе самостоятельно, в том числѣ бѣлые русскіе, красные испанцы, армяне.

В настоящее время, по данным ИРО, на его иждивеніи состоит: 508.000 “ди-пи” в Германіи, 37.000 в Австріи, 25.000 в Италіи и 30.000 в других странах.

Около четверти всѣх этих “ди-пи” — евреи.

Что касается паспортнаго состава этой, еще находящейся на попеченіи ИРО человѣческой массы, то из 300.000 опрошенных лиц: 128.000 были до войны польскими гражданами, 68.000 — “прибалтийскими”, 46.000 — украинскими, 15.000 — югословенскими, 8.000 — румынскими, 6.000 — венгерскими и 25.000 — гражданами других стран; а 7.000 уже и до войны были “апатридами”.

Эта (официальная, но неясная и неполная) статистика не дает возможности установить: сколько же именно бывших совѣтских граждан находится среди общаго числа ДП? Московскія “Извѣстія” увѣряли, в августѣ 1947 года, что их там еще до 300.000 — цифра, вѣроятно преувеличенная.

Главной задачей ИРО является нынѣ, если не “репатриация” (возможность, почти уже исчерпанная), то п е р е с е л е н і е в одну из двадцати стран, давших на это принципиальное согласіе.

В теченіи ближайшаго года ИРО и надѣется переселить туда около 350.000 человек, а именно:

57.000 — в Западную Европу (Англию, Францію, Голландію, Бельгію и Люксембург)
и 291.000 — в заморскія страны, по слѣдующему подсчету:
75.000 — в США, 60.000 — в Канаду, 50.000 — в Палестину (если там будет мир), 30.000 — в Аргентину, 20.000 — в Австралію, 15.000 — в Бразилію, 10.000 — в Венецуелу, 10.000 — в Колумбію, 5.000 — в Гватемалу, 5.000 — в Чили, 5.000 — в Перу, 3.000 — в Парагвай, 2.000 — в Сѣв. Африку и 1.000 — в Новую Зеландію.

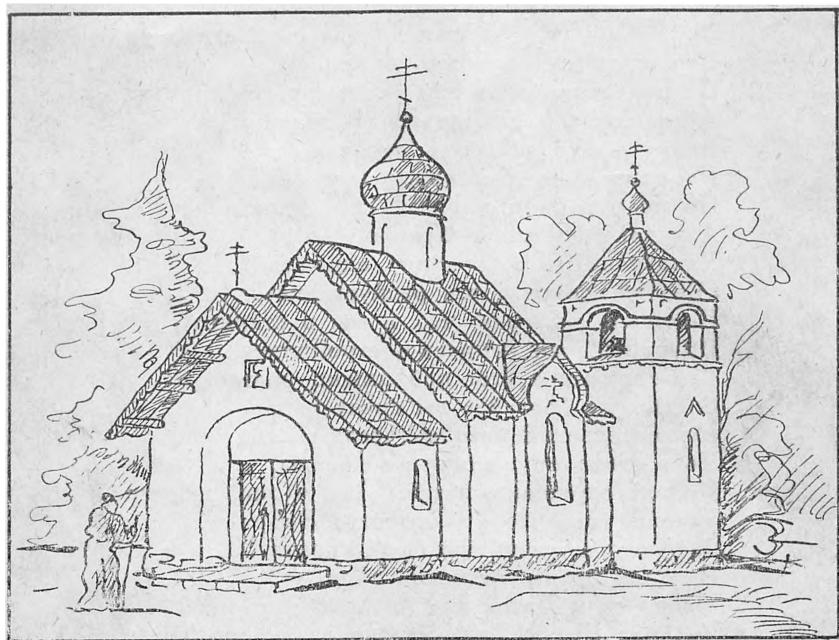
По профессіям работоспособные мужчины и женщины распредѣляются так:

Лица либеральных профессій или годные на командные административные посты

Лица либеральных профессій или годные на командные административные посты	29.000	мужч.	и	15.000	женщ.
Мелкіе служащіе и продавцы . .	12.000	"	и	10.000	"
Прислуга	8.000	"	и	20.000	"
Земледѣльцы	57.000	"	и	19.000	"
Квалифицированные рабочіе . .	72.000	"	и	22.000	"
Полуквалифицированные	19.000	"	и	4.000	"
Без квалификаціи	28.000	"	и	25.000	"

Наконец, по возрасту бѣженцы распредѣляются приблизительно так: 85% — менѣе 45 лѣтъ (из них 24% менѣе 18 лѣтъ) и только 15% старше 45 лѣтъ. Так что, главным образом, это все люди молодые.

Отмѣтим, что одною из самых притягательных для бѣженцев стран казалась до сих пор Аргентина. На переселеніе туда записалось в Европѣ свыше 100.000 русских бѣженцев; в числѣ записавшихся было немало и "старых" русских бѣженцев, с нансеновскими паспортами. В послѣднее время начались затрудненія и разочарованія. Тѣм не менѣе, тяга в Аргентину все еще велика.

Православная церковь, строящаяся в Мар-дель-Плата, по проекту художника **Н. И. Исцѣленова**.
 Мар-дель-Плата — морской курорт в Аргентинѣ,
 в 400 км. к югу от Буэнос-Айреса.

ПОТОК-БОГАТЫРЬ В ЗАРУБЕЖЬИ

Всѣ знаютъ, что графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой избралъ эпическаго русскаго богатыря Потока (или Потыка, Михайлу Ивановича) в герои своей знаменитой сатирической баллады. Но не всѣмъ быть можетъ извѣстно, что этотъ богатырь, имя котораго происходитъ от древне-славянскаго корня «тъкъ», обозначающаго теченіе или бѣгъ, считается в наукѣ выраженіемъ кочевого, бродяжническаго начала в нашемъ эпосѣ и, слѣдовательно можетъ почитаться «патрономъ» и русскихъ бѣженцевъ, осужденныхъ на «потокъ и разореніе» захватчиками нашей Родины.

Такъ послушайте-же сегодня «продолженіе» Толстовской баллады:

«Али, почвы уж новыя ради,
Пробудиться ему во Царьградѣ?»
А. Толстой (по изданію 1884 г.)

Эх, не думалъ поэтъ, такъ кончая свой стихъ,
Что случится ему быть пророкомъ:
На полсютню лишь лѣтъ богатырь нашъ притихъ,
А проснулся... в Царьградѣ далекомъ!
Видитъ — ходятъ вездѣ русачки,
Не одинъ и не два: прямо сотни-полки;
Но не в ратномъ порядкѣ, не скрою,
А какой-то унылой толпою.
Удивился Потокъ, говоритъ одному:
«Что вы, соколы, такъ распустились?
Полонили вы градъ, что и мы в старину
Полонить, такъ напрасно, стремились.
Такъ держите-жъ его: побѣдивши враговъ,
Боевыхъ не бросайте вы сразу рядовъ,
Непріятельской бойтесь засады».....
Но в отвѣтъ ему, плюнувъ с досады,
Молвитъ спрошенный такъ: «Ты, чудакъ, не остри!
Знаешь самъ, что от Краснаго Звѣря
Еле ноги и жизнь мы сюда унесли».....
И, ушамъ своимъ прямо не вѣря,
Узнаетъ нашъ Потокъ про великій погромъ,
Что над Русью Святой разразился, какъ громъ.
В жаръ и в холодъ его тутъ бросаетъ,
И от горя онъ... вновь засыпаетъ!

Пробудился — в Парижѣ. За длинным столом
Размѣстился знакомый людской буредом:
Все из тѣх, что встрѣчал он в Царьградѣ,
С видом важным, ну впрямь на парадѣ.
Вопрошает Поток: «В честь чего сей банкет?
Возвращаемся что-ль на отчизну?
Побѣдили вы Краснаго Звѣря?» — «Ну, нѣтъ!
По Россіи справляем мы тризну.
Пей и ты с нами друг!» — «Что-ж, я выпить могу.
Хоть другую-бы выбрал причину»,
Говорит богатырь и, подсѣвши к столу,
Заливает он с ними кручину.....

.....
Но когда он наслушался громких рѣчей,
Что кругом раздавались повсюду,
Встал он вдруг во весь рост, волка лютаго злѣй,
И воскликнул, роня посуду:
«Не в вождей без солдат вам-бы, ссорясь, играть,
А п о к а я т ь с я, всѣм без изъятя.
Виноват я и сам, моя сонная статья,
Но клянусь больше так уж не спать я!...»
Только вымолвил это Поток, как звѣнул
И под смѣх всей компаніи крѣпко уснул:
Хоть башка может быть и не дурой,
Да не сладить ей с сонной натурой.

Впрочем, мало пришлось ему мирно поспать:
Очень скоро его разбудила
Треском музыки громкой германская рать,
Что в столицу француза входила.
Впереди, как петрушка, плясун с булавою
Выполнял по балетному танец лихой:
«Ком мит унс», говорит он Потоку.
«Мы отсюда ударим к востоку;
Всѣх обидчиков ваших живьем полоним
И Москву, вот увидите, вам отдадим.»
Но Поток ему: «Вѣрю-повѣрю,
Как у нас говорилось, я всякому звѣрю:
И медвѣдю, и льву, и ослу, и ежу,
А тебѣ, милый друг, извини, погожу:
Чую, слово твое не правдиво».....
И заснул он опять, всѣм на диво.

Рвались бомбы, снаряды, — и нѣсколько раз,
Под напѣв безотрадный сирены,

То один, то другой открывал он свой глаз,
Наблюдая, как рушатся стѣны;
Но протер оба ока и встал лишь тогда,
Когда шум боевой прекратился,
И опять, оглядѣвшись кругом, как всегда,
Богатырь наш зѣло изумился.
Видит — строем с востока ребята идут
И огромныя красныя звѣзды несут,
А дьячки им кадят, как иконам....
Подшли и к Потокѣ с поклоном,
Говорят: «Помолись ты на звѣзды на тѣ.
Это новыя наши колядки.
Вот такіе-же сіяют у нас и в Кремлѣ.
Все давно уж там снова в порядкѣ:
Генералы, министры, погоны, чины
В обиход наш народный опять включены.
Поѣзжай посмотри, удивишься.
На-те паспорт скорѣй. Убѣдишься»....
«— Нѣтъ, спасибо!» Поток отвѣчал: «Не могу
Почитать Вифлеемскою вашу звѣзду,
Чур меня!».....

И в великой кручинѣ
Вновь на землю он пал, засыпая, как сноп.

Расшибет он себѣ, не дай Бог, эдак лоб!.....
А проснется, — так гдѣ-ж? В Аргентинѣ?

Изгой

КОНКУРС „ВОЗРОЖДЕНИЯ“

РЕДАКЦИЯ «ВОЗРОЖДЕНИЯ» ОБЪЯВЛЯЕТ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЪЖЕНСКИЙ КОНКУРС НА

ЛУЧШИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РАЗКАЗ написанный ДИ-ПИ

Условия конкурса: 1) рассказ должен не превышать двадцати страниц; 2) быть переписанным на машинкѣ и 3) быть полученным в редакціи «Возрождения» 73, Av. des Champs-Élysées, Paris (8e), не позднее 31 марта 1949 года.

Приз: 5.000 французских франков и напечатаніе рассказа в одной из тетрадей «Возрождения».

Состав жюри: Б. К. Зайцев, В. А. Смоленскій, И. И. Тхоржевскій.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ, ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ

„Ч а с о в о й“

Орган связи Россійскаго Национальнаго Движенія
под редакціей В. В. ОРБХОВА.

Цѣна отд. номера во Франціи — 30 фр. Подписка на количество не менѣе 3 номеров исходя из расчета 25 фр. номер.

Главная контора: «La Sentinelle», Boîte Postale 31. Ixelles
4. Bruxelles. Compte-chèques 392503.

Генеральное Представительство во Франціи:
Librairie «LA RENNAISSANCE», 73, Av. des Champs-Élysées,
Paris (8e).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

(2-ой год издания).

**БОЛЬШАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕЗАВИСИМАЯ
ГАЗЕТА,**
выходящая два раза в недѣлю в Парижѣ.

Адрес:

« LA PENSEE RUSSE », 26, rue de Montholon, Paris (9e).

Почтовый текущій счет: ССР 5883-44, Paris.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Во Франци: на 26 номеров (3 мѣс.).....	500 фр.
на 52 номера (6 мѣс.)	900 фр.
За-границей: на 26 номеров.....	750 фр.
на 52 номера	1350 фр.

Представители за границей:

АВСТРИЯ:

Columbus Verlag. Feldkirch/Vorarlberg, Vorstadt 24/11.

АНГЛИЯ:

V. Baratchevsky, Russian Book Shop, 26, Tottenham Street,
London. W. I.

АРГЕНТИНА:

V. Werbitzkij, Cal. Obligado 2150, Buenos-Aires.

БЕЛЬГИЯ:

Librairie Slave, 13, rue de Roumanie, Bruxelles.

Mr Tcherniavsky, 1, rue du Fort, Charleroi.

Mr Grinenko, 12, rue Schmerling, Liège.

БРАЗИЛИЯ:

Senor Leo Rubanoff c/o N. Popoff, Calle Valenca 218 Sao Paulo.

ГЕРМАНИЯ:

Mr. N. Rybinsky, München, Feldmoching, IRO Lager, U.S.A. zone;

Mr. W. Melnikow, (13a) Nürnberg, Glockenhofstr. 31, U. S. Zone;

Mr. R. Poltschaninov, (16) Mönchehof b/Kassel D.P. Lager,
Hesse - Germany. U.S. Zone,

ГОЛЛАНДИЯ:

Mr Jourin, Toussaintkade, 26, La Haye.

ГРЕЦИЯ:

Georges Mazaakis et C-o, Patisson Str. 9, P.O.B. 176, Athènes.

ДАНИЯ:

Russisk Bibliothek, Brdegade 53, Kopenhagen.

ИРАН:

M. Bezroukoff, Ioussouff Abad, 1661, Téhéran.

ЛИБАН:

Mr Steimatzy, 120, av. des Français, Beyrouth.

ШВЕЦИЯ:

Kommendor Tsetveruhin, Kvarnbacksv. 85, Riksb. Stockholm.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕТРАДИ
„ВОЗРОЖДЕНІЕ“

РЕДАКЦІЯ, КОНТОРА, ПОДПИСКА И ПРОДАЖА
ОТДѢЛЬНЫХ НОМЕРОВ

73, Avenue des Champs-Élysées — Paris 8°.
Tél. Elysées 06-03. Compte Ch. Postaux, Paris 781.81.

ГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА 6 ТЕТРАДЕЙ ВО ФРАНЦІИ
750 фр.— Загр. Ам. дол. 5.— Отдѣльные номера во Фран-
ціи 150 фр., загр. Ам. дол. 1.—

БЕЛЬГІЯ, ГОЛЛАНДІЯ И ЛЮКСЕМБУРГ
Под. подписка 180 Бельг. фр. Отд. номера 35 Бельг. фр.
«La Sentinelle», Boite Postale 31, Ixelles 4 Bruxelles,
Compte Chèques 392.503.

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ
Год. подписка 1 Англ. ф. Отд. номера 4 шил.
Russian Book Shop, 26, Tottenham Street; London; W. 1.

С. А. С. III.
Годовая подписка Ам. дол. 5.— Отд. номера 1 Ам. дол.
A. BELTCHENKO, 435-20 th. Ave. San Francisco, Calif. U. S. A.